Управление культуры Брянской области
Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф. И. Тютчева

ПАМЯТЬ ВОЙНЫ

Материалы
межгосударственной научно-практической
конференции

24-25 июня 2005 г.

Брянск
2005

ББК 63.3(2)622
П15

Кукатова Г. И. - ответственный за выпуск
Щедрова В. Е., Кокунько О. П. - компьютерная верстка

Память войны [Текст] : Матер. междунар. науч.-практ. конф. / Брян. обл. П15 науч. универс. б-ка им. Ф. И. Тютчева. - Брянск, 2005. - 304 с.

ББК 63.3(2)622

Тексты докладов воспроизводятся с полным сохранением содержания, представленного авторами текста.

ISBN

© Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф. И. Тютчева, 2005

Всенародный подвиг

в Великой Отечественной войне
(Брянцы на защите Родины)

Луговец Л. В.
Центр Новейшей истории,
Государственного архива Брянской области,
г. Брянск, Россия

Содержание архивных документов раскрывает читателю примеры нерушимого единства и интернациональной солидарности народов.

Со дня Победы над фашистской Германией прошло 60 лет. Но нет в их ряду такого, которое затмило бы славу и историческое значение Великой Отечественной войны.

Те, кто погиб в годы Великой Отечественной войны на фронтах, в партизанах, в фашистских лагерях, ценою своей жизни дали возможность дойти до 9 мая 1945 г. оставшимся в живых.

По итогам Великой Отечественной наш народ получил почетное звание «Народ-победитель».

22 июня 1941 г. началась трагическая страница в истории нашей Родины. Мирный труд советских людей был прерван внезапным нападением на нашу страну Германией. Началась Великая Отечественная война для всего советского народа.

23 июня 1941 г. на предприятиях Брянска состоялись митинги. 14 июля 1941 г. в директиве Совнаркома Союза ССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 года, направленной партийным и советским организациям прифронтовых областей, давались конкретные указания по организации партизанской борьбы. Государственный комитет обороны (ГКО) принял постановление об эвакуации населения и ценностей из 15 западных районов Орловской области.

Эвакуация людей и материальных ценностей народного хозяйства стала составной частью стратегического плана отражения фашистской агрессии. Она охватила восемь союзных республик, множество областей, в том числе и районы Брянщины.

Последний эшелон с оборудованием ушел из Клинцов 18 августа, через 3 дня город был оккупирован. На Урал перебазировался Жуковский велосипедный завод. С 14 июля началась эвакуация завода «Красный Профинтерн».

27 сентября машиностроителям удалось отправить последний эшелон.

Всего из Брянска было вывезено около 140 железнодорожных составов с оборудованием и сырьем, и около 300 тонн народнохозяйственных грузов.

Преодолевая огромные трудности, организуя людей на отпор врагу, мобилизуя военнообязанных в ряды Красной Армии, партийные организации проводили одновременно огромную организаторскую работу. Они создавали военные формирования, истребительные батальоны, сеть подполья и партизанские отряды, группы для борьбы в тылу врага.

В связи с приближением линии фронта к границам Орловской области, обком партии в первых числах июля принял решение создать в городах и районах истребительные батальоны для борьбы с вражескими десантами и шпионами. Все, кто мог тогда держать оружие в руках, вступали в их ряды.

В короткий срок были созданы группы самообороны, а они создавались при сельских Советах и на предприятиях. Только в Брянске истребительный батальон насчитывал 260 человек, в Бежице - 512 человек.

В августе сформировался бронепоезд №2 «За Родину». Личный состав его целиком состоял из рабочих Брянского машиностроительного завода.

На территории Брянского края действовало 27 партизанских бригад, десятки подпольных организаций. Во главе партизанских соединений Брянщины стояли партийные и хозяйственные руководители: Алексей Дмитриевич Бондаренко, Михаил Петрович Ромашин, Дмитрий Васильевич Емлютин, Александр Иванович Виноградов и другие. В Брянских лесах против оккупантов сражались также украинские, белорусские партизанские соединения. Для управления борьбой в тылу врага в апреле 1942 г. был создан штаб

объединенных партизанских отрядов южных и юго-западных районов Брянщины.

Свою верность революционным и боевым традициям отцов уроженцы трех соседних областей проявили уже в первоначальный период Великой Отечественной войны.

Десятки тысяч заявлений поступало от рабочих, крестьян с просьбой отправить их на фронт. В битве, развернувшейся от Черного до Баренцева морей, добровольцев Брянщины, Черниговщины, Гомельщины можно было встретить в окопах Белоруссии и Прибалтики, на подступах к Киеву и Ленинграду. Из добровольцев Брянской области был сформирован местный дивизион бронепоездов. 28 июня 1941г. в составе 21-ой армии он уже вел бои с противниками на белорусской земле. В первые дни войны была сформирована 331-я Брянская пролетарская стрелковая дивизия. Получив ускоренную военную подготовку, бойцы и комсомольцы этой дивизии показали на поле боя отвагу, мужество и героизм в борьбе с вражескими войсками. Ими были освобождены десятки советских городов и сотни сел. В том числе на Смоленщине. По заслугам это соединение стало называться 331-ой Смоленской дважды Краснознаменной, ордена Суворова стрелковой дивизией.

Десятки батальонов были сформированы и в Черниговщине. Одновременно формировались истребительные отряды, батальоны народного ополчения и специальные отряды для борьбы в тылу врага.

На территории Брянской области действовали 4 партизанских соединения: например, соединение имени Попудренко в составе 14 отрядов с общей численностью 3700 человек; имени Щорса - 700 человек.

Так, к весне 1942 г. партизаны Брянщины освободили и удерживали в течение нескольких месяцев около 500 сел и деревень с населением более 200 тысяч человек. От врага были очищены большие территории в Брянском, Дятьковском, Жуковском, Суземском, Трубчевском, Клетнянском и других районах.

Это имело огромное значение. Освобожденные в тылу врага территории наглядно демонстрировали населению, что Советская власть действует, сражается. Освобожденная территория являлась

плацдармом для концентрации сил народных мстителей, на ней создавались аэродромы. Она играла важную роль при взаимодействии партизан с наступающей Красной Армией.

Небезынтересно в этом отношении признание начальника главного разведывательного управления германского генерального штаба сухопутных сил К. Типпельскирха, который писал: «В глубоком тылу, там, где в начале октября бушевал огонь брянского сражения, возникла большая партизанская область, вскоре достигшая ста семидесяти километров в ширину и семидесяти - в глубину. Она была первой из многочисленных партизанских областей, которая планомерно создавала и поддерживала русское командование в тылу группы «Центр» вплоть до 1944 года».

По плану центрального штаба партизанского движения были проведены крупные рейды партизанских соединений. Так, в период битвы за Сталинград в Брянских лесах были подготовлены рейды партизанских соединений на Правобережную Украину и в Белоруссию.

26 октября 1942 года эти соединения одновременно выступили из южного массива Брянских лесов. За 14 дней они прошли более трехсот километров по Брянщине и Черниговщине. Эти рейды сыграли большую роль в укреплении боевого содружества русского, украинского и белорусского народов в совместной борьбе с врагом.

Под руководством партийных организаций создавалось комсомольское подполье. Орловский обком партии принял постановление о переходе областной комсомольской организации на нелегальную (подпольную) работу. Таким образом, заблаговременно было создано для работы в тылу врага 16 районных комитетов ВЛКСМ и 33 подпольных комсомольских организации.

В 1942 г. на стыке Севского района Брянщины, Хомутовского района Курской области, Ямпольского и Середино - Будского Сумской области организовалось крупное объединение партизанского движения. Здесь было большое число партизанских отрядов, как из местного населения, так и из военнослужащих. К марту 1942 г. ими было освобождено 100 населенных пунктов, в том числе и некоторые районные центры.

В середине марта был создан объединенный штаб партизанских отрядов Хинельских лесов Орловской области под командованием капитана И.А. Гудзенко. Южнее Хинельской группы действовали партизанские отряды Сумской области под командованием С.А. Ковпака.

Так, С.А. Ковпак вспоминает: «Мы знали от местных жителей, что в районе Хинельских лесов (Севский район Брянщины) танковые и кавалеристские части Красной Армии вели тяжелые оборонительные бои с фашистами. После обращения наших уполномоченных о сборе оружия и передаче его партизанам, колхозники собрали много различного оружия и снаряжения. В течение трех дней привезли столько пистолетов, патронов, седел и другого имущества, что нам хватило экипировать всех бойцов».

А вот что говорил командир соединения, дважды Герой Советского Союза А.Ф. Федоров: «Когда мы пришли в Клетнянский район, усталые, потрепанные фашистами, то встретили здесь неоценимую братскую помощь. Колхозники и рабочие давали нам хлеб, мясо, одежду. Мы чувствовали к себе сердечную заботу, мы убедились, что все люди здесь бесконечно ненавидели фашистов, и трудно сказать, кто здесь не был партизаном. Большую поддержку встретили мы в Брянских лесах, окрепли и с новыми силами ринулись на врага».

Оценивая значение Брянщины, как базы для рейдовых партизанских отрядов, Герой советского союза М. И. Наумов писал: «Украинские партизаны должны высказать большую благодарность Брянскому краю и Белоруссии за то, что партизанские отряды Украины нашли там помощь и поддержку в тяжелый для них час, помощь оружием, боеприпасами, а главное - людьми».

10 мая 1942 г. после ожесточенных боев с немецко-фашистскими захватчиками отряды ушли из зоны Хинельских лесов в южный массив Брянских лесов. С этого времени и до выхода в рейд (октябрь 1942 г.) ковпаковцы действовали на Брянщине, а партизанские отряды И. А. Гудзенко, переформированные впоследствии в бригаду им. Ворошилова и отряд им. Ворошилова под командованием Г.Ф. Покровского, громили врага на Брянщине в составе южной оперативной группы.

К лету 1942 г. в 60-ти отрядах области сражались свыше 23 тысяч партизан. Образование партизанских краев в тылу врага имело большое военно-политическое значение.

Война причинила большой материальный ущерб народному хозяйству этих областей. Были разрушены областные центры Брянск, Гомель, Чернигов, сожжены многие города и села. В стране началось движение по оказанию помощи в восстановлении народного хозяйства районам освобожденных республик. Например, в восстановлении древнего Чернигова приняли участие строители Москвы, Свердловска, Перми и Астрахани. Над городами и районами Брянщины взяли шефство трудящиеся Казахстана: Алма-Ата - над Клинцами, Семипалатинск - над Брянском и т. д.

В освобожденные районы отправлялись промышленное оборудование, строительные материалы, скот, хлеб, одежда, обувь.

При братской помощи, поступавшей со всех концов нашей страны, трудящиеся Брянской, Гомельской, Черниговской областей восстанавливали сожженные города и села, промышленные предприятия, колхозы и совхозы, налаживали мирную жизнь.

Родина высоко оценила заслуги участников Великой Отечественной войны. Десятки тысяч воинов и партизан - брянцев, гомельчан, черниговцев - награждены орденами и медалями.

Высшей награды Героя Советского Союза удостоены 192 уроженца Брянской области, 153 Черниговской, 118 Гомельской.

Боевую славу трех областей приумножили полные кавалеры Ордена Славы. Среди них 22 из Брянской области, 30 черниговцев, 22 гомельчан.

Символом Великой Отечественной войны стал легендарный разведчик объединенных партизанских отрядов Сумской области под командованием дважды Героя Советского Союза С.А. Ковпака партизан без рук Владимир Акимович Зеболов, уроженец Брянской области. О партизанских рейдах по тылам врага повествует его исследование в соавторстве с П.П. Вершигорой «Партизанские рейды». О подвигах В.А. Зеболова рассказано почти в 150 книгах, очерках, статьях, воспоминаниях, литературных произведениях, в известной книге П.П. Вершигоры «Люди с чистой совестью».

Героем Советского Союза посмертно стал уроженец Жуковского района летчик Е.П. Новиков. В небе над Ленинградом в сентябре 1941 года его самолет был подожжен вражеским истребителем.

Именем брянского летчика-истребителя Владимира Щеголева в Белорусском городе Скидене названа одна из улиц, его бессмертное имя было присвоено одной из школьных пионерских дружин. Над этим городом он сражался в воздухе и погиб, нанеся огромный урон врагу.

В битве за Днепр отличились брянцы Н.А. Шевелев, Ф.П. Чабурин, А.А. Кутин, получившие за свои подвиги звание Героя Советского Союза. Шевелеву это звание было присвоено посмертно, он геройски погиб при штурме Днепра.

В честь ратного подвига советского народа в Великой Отечественной войне был открыт Монумент Дружбы, на стыке Брянской, Гомельской, Черниговской областей, видимый на многие километры вокруг. Установлен он на стыке соседних союзных республик, неподалеку от русской деревни Новые Юрковичи, Украинской Сеньковки и белорусской Васильевки. Монумент символизирует великую дружбу, которая объединяет народы-братья.

Иван Радченко писал:

В братстве наше мужество и сила,
В нем находит счастье человек…
Украина, Беларусь и мать Россия
Не уронят честь свою вовек!

Монумент Дружбы явился плодом совместных усилий, он стал символом нерасторжимого единства славянских народов, их вечной дружбы. Стали традицией дружеские встречи трех братских народов, экскурсии, молодежные гулянья. Ежегодно молодежь соседствующих районов собирается на фестивали дружбы.

История не знала такого могучего народного движения в борьбе с иностранными захватчиками, как партизанская борьба в годы Великой Отечественной войны 1941 - 1945 гг. Это движение

было многонациональным, добровольным и глубоко патриотическим.

В боях за Гомельщину: российские журналисты и писатели – летописцы боевого подвига народа

Бирюкович К.О., Коновалова Н.Н.
Гомельская областная универсальная библиотека им. В.И. Ленина,
г. Гомель, Беларусь

Вместе жили, родине служили
Острое перо и автомат.
Фронтовою дружбою дружили
Журналист, писатель и солдат.
А. Жаров

Шесть десятилетий отделяют нас от того дня, когда прогремел салют Победы.

С каждым годом все дальше уходит в историю Великая Отечественная война. Но все более значительное место в нашей сегодняшней жизни занимает память о ней.

Три года гомельская земля находилась под гнетом злейшего врага. Но народ не склонил головы перед ним. Гомельчане героически сражались на фронте, в партизанских отрядах, в подполье.

В одном строю с воюющим народом шагали писатели и журналисты. На фронте находились тысячи и тысячи журналистов и писателей. В штатных расписаниях редакций военных газет появилась своеобразная должность: «писатель». И они, писатели - как те, которые в этом качестве состояли в штатах редакций, так и те, которые прибывали на фронт корреспондентами центральных газет и журналов, радио, ТАСС - не засиживались в надежных штабных укрытиях, а шли в полки, батальоны и роты, на огненные позиции дивизионов и батарей…

Маршал Советского Союза И.Х. Баграмян вспоминал: «Писатели, приезжавшие в действующую армию из центральных газет и журналов и работавшие во фронтовых, армейских и дивизионных газетах, заложили основу большой литературы о великой войне. Они наши славные однополчане».

С особой силой передают историческую правду той эпохи, подлинную картину борьбы народа с фашизмом произведения мемуарной литературы и публицистика.

К ним можно по праву отнести книгу ***Павла Ивановича Трояновского «На восьми фронтах».*** В июле 1941 года по заданию редакции газеты «Красная звезда» его командировали в Гомель, где находился штаб только что созданного Центрального фронта. Вместе с ним были направлены писатель Василий Гроссман и фотокорреспондент газеты Олег Кнорринг.

«…Город произвел на нас благоприятное впечатление – опрятный, уютный, зеленый. Разрушительный молох уже вовсю грохотавшей войны его пока еще не тронул…» [1, с. 17]

Выполнение редакционного задания они начали с поездки в 63 стрелковый корпус, которым командовал генерал-лейтенант Леонид Григорьевич Петровский. Нельзя без волнения читать страницы книги, посвященные мужеству и стойкости солдат и командиров этого корпуса. Л.Г. Петровский до конца разделил горькую, но героическую участь своих частей и подразделений. У деревни Скепня (Жлобинский район) он получил смертельное ранение.

Наступил роковой день и для Гомеля: «… Ранним утром несколько эскадрилий фашистских «юнкерсов»… обрушили на дома, школы, больницы, детские сады, на подъездные пути и железнодорожную станцию буквально ливень обычных и зажигательных бомб. Добровольные отряды горожан – женщины, старики и подростки – храбро вступили в неравную борьбу с пожарами. Но огонь продолжал распространяться. А тут еще налетела новая волна «юнкерсов»… Грохот взрывов и треск огня заглушали крики о помощи, проклятия в адрес фашистских варваров. Рушились целые кварталы, пожары сливались в единое бушующее пламя… За ка-

ких-нибудь два – три часа не стало еще одного советского города…» [1, с. 22]

Огромный интерес представляет книга бывшего главного редактора «Красной звезды», писателя *Давида Иосифовича Ортенберга «Это останется навсегда»*, где он рассказывает о фронтовых буднях военных журналистов. Один из очерков книги посвящен корреспонденту газеты Петру Илларионовичу Коломейцеву, который проявил особое мужество и находчивость на гомельской земле в первые дни войны. Вот что писал Ортенберг: «Летом сорок первого года ездили наши корреспонденты на «эмке» под Жлобин. Немецкая авиация в ту пору действовала очень активно. Налетели фашистские бомбардировщики и сожгли машину. Пересел Коломейцев со своими товарищами на попутный грузовик. Снова бомбежка, сожгли и грузовик. Наш спецкор тщательно извлек уроки из обстрелов, бомбежек, огневых налетов. Зная особенность любого огневого оружия, он при необходимости умел переждать, или, наоборот, продвигаться быстрее, или же уходить в укрытие. Но когда надо было выполнять редакционное задание, он шел навстречу опасности, но никогда не бравировал своей храбростью и был далек от беспечности». [2, с. 149]

Или вот другой эпизод из его фронтовой жизни: «В Гомеле, где разместился штаб Центрального фронта, корреспонденты заняли несколько комнат в трехэтажном здании фронтовой газеты. Прибыл туда Коломейцев и увидел, что вокруг здания нет ни одной «щели» или какого-нибудь другого укрытия. Он пошел к члену Военного Совета, убедил прийти в редакцию и показал все «на местности». К ночи вся территория вокруг редакционного здания была изрыта окопчиками. А на второй день на Гомель налетела немецкая авиация, превратила город в руины. Сгорело и здание редакции, а людей спасли «коломейцевские», как их в шутку называли, щели». [2, с. 149]

Яркий след в документалистике и в художественной литературе оставил Василий Гроссман. Уже в 1942 г. на страницах газеты «Красная звезда» была опубликована повесть *Василия Семеновича Гроссмана «Народ бессмертен».*

Особенно впечатляют страницы о трагической судьбе Гомеля в августе 1941 года: «… Налет немецкой авиации начался около двенадцати часов ночи. Первые самолеты-разведчики, шедшие на большой высоте, бросили осветительные ракеты и несколько кассет зажигательных. Звезды стали исчезать и меркнуть, когда белые шары ракет, подвешенные к парашютам, разгораясь, повисли в воздухе. Мертвый свет спокойно, подробно и внимательно освещал площади города, улицы и переулки. В этом свете встал весь спящий город: белая фигура гипсового мальчика с горном, поднесенным к губам, возле Дворца пионеров; заблестели витрины книжных магазинов, и розовые, синие огоньки зажглись в огромных стеклянных шарах, стоявших в окнах аптек… ... Один за другим прокатились над городом взрывы, земля дрогнула от них, со звоном полетели стекла, посыпалась штукатурка в домах… …Полуодетые женщины, держа на руках детей, бежали к щелям». [3, с. 309]

Особый интерес представляют воспоминания писателей-фронтовиков, посвященные освобождению Гомельщины от немецко-фашистских захватчиков. Их нельзя читать без волнения, например, очерк военного корреспондента *Анатолия Белошеева «Память зовет»,* который принимал участие в освобождении Гомельщины. Вот что он писал: «Вспоминается осень 1943 года… Еще на подступах к Белоруссии каждый из нас представлял ее себе по-своему и, конечно же, встречи с нею ждал с волнением. Школьные учебники, довоенные фильмы, газетные публикации – это одно, хотелось своими глазами увидеть, какая она в действительности пригожая и певучая, многострадальная и непокоренная Белая Русь…» [4, с. 21].

Первым крупным селением на белорусской земле, которое гостеприимно приняло на постой фронтового журналиста, оказались Светиловичи Ветковского района. «…Большое, некогда красивое село было наполовину сожжено и начисто разграблено оккупантами. Под каждой уцелевшей кровлей ютились горе и нужда. Но местные жители в один голос утверждали: как ни пытались захватчики насаждать свой "новый порядок", Светиловичи не покорились врагу, остались верны Родине. Большинство мужского на-

селения ушло в партизаны – мы встречались с ними, вернувшимися из лесов. Женщины, старики и дети, чем только могли, помогали народным мстителям. Вон в том доме, рассказывали нам, пекли хлеб для лесных бойцов. Тут была партизанская прачечная. На этом лохматом гнедке мальчишки возили в лес продукты, медикаменты, теплые вещи, - ехали словно бы по дрова…

Хозяйка, где мы ночевали, вдова партизана, мать троих детей, чудом сберегла пожелтевший от времени, стершийся на сгибах номер «Правды» от 22 июня 1941 года… «Ведаете, по ночам при коптилке читали. Малым она заместо букваря была, а нам, женщинам, все равно как письмо от Советской власти. Потерпите, мол, бабоньки, вернется родная наша власть, обовязково вернется». [4, с. 24]

Здесь же, на Гомельщине, А. Белошееву посчастливилось встретиться с известным писателем, автором знаменитых «Красных дьяволят», Павлом Андреевичем Бляхиным, человеком на редкость щедрой и чистой души. Несмотря на то, что ему уже тогда было за шестьдесят, он с завидной энергией наравне с молодыми пешком и на попутных грузовиках мотался по передовой, собирая материал для своих фронтовых очерков.

Принимал участие в освобождении Гомельщины и известный русский писатель *Анатолий Ананьев.*

В одном из писем своему бывшему командиру, полковнику в отставке А.И. Копелеву Ананьев писал следующее: «Весь путь от рубежей Курской дуги и до боев в Озаричах я прошел с бригадой, брал Новгород–Северский, Новозыбков, очень хорошо помню тяжелейшие бои под Веткой, за которые я получил первую награду – медаль «За отвагу», помню Речицу, когда на вокзале под снайперским огнем мы срочно покидали огневые позиции, так как нас перебрасывали на другой участок, где прорвались немцы. Помню прорыв под Калинковичами…» [5, с. 227]

При этом надо отметить, что бои под Калинковичами – особая страница военной жизни А. Ананьева. Его романы «Версты любви» и «Танки идут ромбом», повесть «Малый заслон» увековечили эти места до малейших географических подробностей.

Особенно впечатляют страницы книги, которые рассказывают об уже освобожденном от захватчиков городе.

«…Калинковичи запомнились мне тогда низким деревянным городком с избами, широко, как в деревне, расставленными друг от друга, с огородами, плетнями, калитками и палисадниками у окон; многие крыши особенно на окраине, где мы остановились, были соломенными. Занесенные снегом избы казались маленькими и черными издали, как чернели вокруг них и на дороге воронки и наскоро вырытые и брошенные уже солдатами окопы. Через огороды тянулись глубоко врезанные в снег следы гусениц, и были видны подмятые танками огороды, разрушенные бревенчатые амбары и сараи. Город только-только остывал от боя, на вокзале еще дотлевали склады, догорали цистерны с горючим, пахло гарью, жженым толем, но уже и тянуло жилым дымком от разожженных походных кухонь».

В боях за Озаричи А. Ананьев был тяжело ранен. В госпитале узнал, что за калинковичские бои он был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Жесточайшие бои в Гомельской области все чаще и чаще тревожили память. И после войны писатель неоднократно приезжал в Калинковичи, навещал те места, где пролилась кровь его товарищей по оружию. В 1985 г. А.А. Ананьеву было присвоено звание Почетного гражданина города Калинковичи.

Фронтовые дороги *Юлии Друниной* также проходили через разрушенные и сожженные фашистами города и села Гомельщины.

Мы не ждали посмертной славы.
Мы хотели со славой жить.
...Почему же в бинтах кровавых
Светлокосый солдат лежит?

[6, С.15.]

Эти пламенные строки из стихотворения «Зинка» посвящены Герою Советского Союза Зинаиде Александровне Самсоновой, погибшей в январе 1944 года при освобождении Калинковичского района от гитлеровских захватчиков. Написала их Юлия Друнина после войны. А в 1941 году семнадцатилетняя выпускница одной

из московских школ ушла добровольцем на фронт бойцом санитарного взвода и до самого конца войны служила санинструктором. Что же заставило ее покинуть родительский дом и уйти на фронт? Вот что по этому поводу можно найти в воспоминаниях ее однополчанина Леонида Кривощекова, который после войны стал писателем: «Впечатлительная московская девочка начиталась книг о героических подвигах и сбежала от мамы на фронт, - пишет Л. Кривощеков. – Сбежала в поисках подвигов, славы, романтики. И, надо сказать, ледяные окопы Полесья не остудили, не отрезвили романтическую девочку. В первом же бою нас поразило ее спокойное презрение к смерти… У девушки было какое-то полное отсутствие чувства страха, полное равнодушие к опасности… Она переносила все тяготы фронтовой жизни и как будто не замечала их. Перевязывала окровавленных, искалеченных людей, видела трупы, мерзла, голодала, по неделе не раздевалась и не умывалась, но оставалась романтиком…» [7, с. 295 - 296].

В 1943 году Друнина получила направление в сануправление 2-го Белорусского фронта. Вот как писала она об этом в автобиографической повести *«С тех вершин»*: «Мне сказали, что санупр находится в только что отбитом Гомеле. Сначала, пока не оборвались рельсы, ехала в обычном поезде – не в теплушке, а в пассажирском составе. Потом на попутках. Затем добиралась на своих двоих. В Гомеле, вдребезги разбитом, безлюдном (вообще в Белоруссии я не встретила тогда ни одного гражданского человека – в этом партизанском крае все, кого не успели уничтожить фашисты, ушли в леса), санупра уже не было. Догнала его в какой-то деревушке, состоявшей из одних труб». [8, с. 385]

Большой интерес вызывают также страницы повести, которые рассказывают об участии Юлии Друниной в освобождении Калинкович и района. За участие в боях за белорусское местечко Озаричи Друнина получила свою первую и самую дорогую солдатскую награду – медаль «За отвагу». После войны Друнина побывала в Калинковичах, Озаричах, в тех местах, где погибла ее подруга Зинаида Самсонова, так и не узнав, что стала Героем Советского Союза.

В 1964 году в мартовском номере журнала «Неман» были впервые опубликованы *«Белорусские воспоминания» Евгения Долматовского*, принимавшего участие в освобождении Беларуси от немецко-фашистских захватчиков. В мемуарах поэта приведены интересные сведения о посещении им Гомеля в 1944 году, когда ему повезло впервые увидеть праздничный салют. Вот что он пишет об этом событии: «Двадцать шестая годовщина Советской Армии застала меня в освобожденном Гомеле. Город уже пришел в себя после кошмара оккупации, но был он страшно разрушен, и ночевать приходилось ездить в расположенное неподалеку село Мильча.

И вдруг удивительная весть: в Гомеле будет салют в одно время с московским. Мы стояли на площади около машины, торопились – надо было ехать под Рогачев, где завязались бои за освобождение города.

Но волнение первого увиденного нами салюта сохранилось на всю жизнь». [9, с. 22]

Представляет интерес и книга «*Строки из огня» Якова Ивановича Макаренко,* известного журналиста, писателя, в прошлом военного корреспондента газеты «Правда». Автору книги довелось быть очевидцем и участником многих этапных периодов Великой Отечественной войны. Он дошел вместе с армией до Берлина, присутствовал при подписании Акта о капитуляции гитлеровской Германии. Вот как он пишет о тех днях, когда освобождали Гомельщину: «Оказался я на 1-м Белорусском фронте в тот момент, когда там готовилась новая наступательная операция под кодовым названием «Багратион»… … В эти дни мне довелось быть в боевых порядках 65-й армии генерала П.И. Батова под Паричами на берегу Березины. В полосе прорыва было сосредоточено на один километр фронта 207 различных орудий и минометов. Гитлеровцы пытались атаковать, но безуспешно. Затем они оказались в окружении. 26 июня Паричи были освобождены… На Березине закипели ожесточенные бои за переправы и опорные пункты…» [10, с. 132-133]

Через всю Беларусь прошел поэт *Федор Сухов*, воевал он и на гомельской земле, командовал противотанковым взводом и был

тяжело ранен. В своих стихах он писал: «О своей вспоминаю войне, говорю про Озаричи, Паричи». Белорусский поэт Микола Аврамчик посвятил Сухову такие строки:

Калі пачуў я, што за вернасць Музе
Сцярпеў ты гэтулькі пакут;
Што Беларусь ты ўсю прапоўз на пузе
І вызваляў мой родны кут, -

Перад табой упаў бы на калені,
Калі б ты не прызнаўся сам
Адразу ж, у наступнае імгненне,
Што быў паранен цяжка там.

Долгие, трудные переходы, бои не остудили желания творить. Воспоминания о своем непосредственном участии в событиях фронтовой жизни, о поездках на Гомельщину нашли свое отражение в произведениях Ильи Эренбурга, Леонида Леонова, Константина Симонова, Бориса Горбатова и других.

Светлая память хранит имена фронтовых журналистов навсегда оставшихся на белорусской земле: Александр Поляков – корреспондент газеты «Красная звезда», Иван Меньшиков – военный корреспондент газеты «Комсомольская правда», Николай Зачесов – сотрудник дивизионной газеты, Георгий Баранов – редактор дивизионной газеты «Родина зовет».

Со времени победы в Великой Отечественной войне прошло 60 лет. Уходят ветераны, редеет круг людей, переживших войну, но тема войны остается в литературе и публицистике. Остается и не стареет.

Литература

1. Трояновский, П. И. На восьми фронтах [Текст] / П.И. Трояновский.- М.: Воениздат, 1982. - 256 с.
2. Ортенберг, Д.И. Это остается навсегда [Текст] / Д. И. Ортенберг. – М.: Политиздат, 1981. - 272 с.

3. Гроссман, В. Старый учитель: повести и рассказы [Текст] / Василий Гроссман. – М.: Советский писатель, 1962. – 524с.
4. Белошеев, А. Память зовет [Текст] / А. Белошеев // Летописцы боевого подвига. – Мн.: Беларусь, 1985. – С. 20 – 28.
5. Коваленко, Р.М. Анатолий Ананьев: страницы жизни, страницы творчества [Текст] / Римма Михайловна Коваленко. – М.: Современник, 1985.- 412 с.
6. Друнина, Ю. Светлокосый солдат: Избранное [Текст] / Ю. Друнина. – Калининград: Калининградское кн. изд., 1973. – 224 с.
7. Кривощеков, Л. Долгая память войны [Текст] / Л. Кривощеков. – Алма-Ата: Жазушы, 1989. – 400 с.
8. Друнина, Ю. Избранные произведения. В 2 т. [Текст] / Юлия Друнина. - Москва: Худ. лит.,1981
Т. 2: Стихотворения 1970-1980, проза 1966-1079 [Текст]. – 1981 – 551с.
9. Долматовский, Е. Белорусские воспоминания / Е. Долматовский // Неман. – 1964. – № 3. – С.18 – 26.
10. Макаренко, Я.И. Строки из огня: рассказ о правдистах военных лет, о тех, кто делал газету, находясь в Москве, и о тех, кто был военкором на фронтах Великой Отечественной [Текст] / Я. И. Макаренко. – М.: Политиздат, 1985. - 192 с.

Библиотеки Черниговщины в годы Великой Отечественной войны: страницы истории

Феофилова Л.В.

Черниговская областная универсальная научная библиотека им. В.Г. Короленко,
г. Чернигов, Украина

В истории библиотек Черниговщины война оставила страницы, прочтение которых стало возможным лишь в начале 90-х годов прошедшего века. Способствовало этому открытие доступа к ар-

хивным документам периода оккупации и работа, развернувшаяся в стране по возвращению национально-культурных памяток, утраченных или перемещенных во время второй мировой войны, а также подготовка Национального семинара под эгидой ЮНЕСКО, проведенного в Чернигове 27-30 сентября 1994 года.

В ночь с 23 на 24 августа 1941 года фашистская авиация уничтожила помещение областной библиотеки на площади Куйбышева. В пламени пожара погибло 216 тыс. томов, в т.ч. 5 тыс. редких, уникальных изданий. Свою деятельность после освобождения в сентябре 1943 года, библиотека начинала с нуля, собирая книги на свалках, пожарищах, принимая от населения, что позволило уже в декабре 1943 года открыть читальню.

Так считалось более полвека. И только изучение рассекреченных архивных документов позволило восстановить неизвестные ранее страницы деятельности областной библиотеки, как центральной городской, в годы оккупации.

9 сентября 1941 года немецкие войска группы «Центр» захватили Чернигов. Одновременно с ними в город вошла рота «Батальона особого назначения» под командованием штурмбанфюрера СС барона Эберхардта фон Кюнсберга. Зондеркоманда Кюнсберга была в непосредственном подчинении Министерства иностранных дел. Рейсхминистром оккупированных восточных территорий был назначен ещё 17 июля 1941 года Альфред Розенберг, который провозгласил политику защиты культурных ценностей от большевизма. Оперативный штаб рейсхминистра начал организованную конфискацию библиотечных сокровищ Украины. Имея гибкую структуру, штаб быстро реагировал на изменения в обстановке, ежемесячно отчитывался перед Главным штабом в Берлине, вел специальную картотеку культурных объектов. При штабе была создана так называемая Восточная библиотека Розенберга, которая должна была стать библиотечным центром по вопросам истории и культуры народов, населяющих так называемый «восточный простор» - россиян, украинцев, белорусов, прибалтийских наций, а также центром исследования и практики большевизма. Ее дирекция и основное книгохранилище размещались в Берлине, а филиал – в Киеве. Отбор книг для Восточной библиотеки осуществлялся в Харькове в

научной библиотеке им. В.Г. Короленко и в Киеве в государственной Библиотеке им. ВКП(б) (ныне Национальная парламентская библиотека Украины).

Штаб Розенберга, выполняя распоряжения фюрера от 01.03.1942 г., предложил проводить основную работу с фондом, разделяя его на литературу, изданную до 1917 года и после революции. При этом, дореволюционную литературу разрешалось оставлять в библиотеках, а большевистскую – изымать. При отборе книг просматривались и предисловия на предмет большевистских цитат. Работа Оперативного штаба Розенберга осуществлялась по трем направлениям: отбор иудаики; литературы для Центральной библиотеки Высшей школы; литературы для восточной библиотеки. На территории Украины действовало 4 зондеркоманды, в т.ч. и в Чернигове.

В первые дни оккупации была организована Черниговская городская управа с отделом культуры и образования, который возглавил бывший преподаватель Черниговского пединститута С.Г. Баран-Бутович. В заявлении, адресованном черниговскому городскому старосте, он предложил организовать работу по концентрации уцелевших книжных фондов из библиотеки пединститута, школ, учебных заведений, а также партийных библиотек.

Старостат Черниговской управы принял соответствующее решение и с 16 сентября 1941 года в городе начала работу центральная городская библиотека, к работе в которой были привлечены лучшие специалисты бывшего пединститута и центральной библиотеки. С сентября 1941 года по 1 апреля 1942 года в основном книгохранилище по улице С. Петлюры, 5 были сконцентрированы книги из 6-ти книгохранилищ города и двух частных библиотек, принадлежавших доцентам Черниговского пединститута Малине и Зелинскому, собрано библиотечное оборудование и мебель. Вскоре библиотека была переведена в новое помещение на углу улиц С. Петлюры и Бульварной, куда в течение двух недель были перемещены все книги и оборудование. Кроме постоянного штата библиотеки в составе 6 человек, к этой работе привлекались работники, направленные отделом труда. В новом помещении продолжалась работа по организации книжного фонда. На первое июля

1942 года (ГАЧО. – ФР. – 3004. – Оп.1. – Д.31. – С. 11-12) в библиотеке сконцентрировано (ориентировочно) 134200 томов, состоящих их 3-х фондов:

1-й фонд – литература большевистская, пропагандистская выделена из общего фонда и закрыта в отдельной комнате в количестве 25-30 тыс. томов. Ключ от комнаты передан под расписку 1 апреля 1942 года второму отделу полиции;

2-й фонд – неразобранная литература, в количестве 25-30 тыс. томов, свезена в хранилище бывшей семинарской церкви, закрытое и опечатанное;

3-й фонд – основной, подготовлен к выдаче в количестве 74 200 экз. томов, распределен по отделам в соответствии с десятичной классификацией и по годам изданий (до и после 1917 года). На этот фонд составлены инвентарные списки и начато составление карточного каталога.

В этот период библиотека обслуживает только специалистов справочной литературой, а также сельскохозяйственной и медицинской, по вопросам сахароварения и мыловарения.

В штате библиотеки 6 работников во главе с Н.Н. Садовской.

Как отмечалось в отчете городской библиотеки за 2 полугодие 1942 года (ГАЧО. – ФР. – 3004. – Оп.1. – Д.31. – С. 16), ее фонд ориентировочно составил 147 890 томов. Библиотека получает местный обязательный экземпляр и взята на учет и контроль Главного штаба А.Розенберга, представитель которого посетил библиотеку 30 июля 1942 года, ознакомился с ее работой, информировал о подготовке к ревизии, инструктировал по вопросам организации книжных фондов для выдачи читателям. В соответствии с полученной инструкцией, просмотрены издания справочного отдела, художественная литература (на русском языке), частично – литературоведение. Отобранные книги закрыты в отдельной комнате, на них ставится штамп «не выдавать». Все издания до 1917 года записываются в инвентарную книгу (кроме книг на иностранных языках) в количестве 11 тыс. экз.; составляются систематические и алфавитные каталоги. По распоряжению представителя штаба А. Розенберга выдача книг читателям проводится с сентября 1942 года только по разрешению СД.

Решением Черниговской городской управы от 13 июля 1943 года, в связи с открытием библиотеки и читальни при ней, утвержден новый штат в количестве 8 человек и одной ученицы, вдвое увеличена заработная плата, утверждены правила пользования библиотекой и читальней, а также режим работы.

15 июля состоялось торжественное открытие городской библиотеки и читальни при ней, на котором присутствовали представители фельдкомендатуры, отдела пропаганды, городской управы и отдела образования и культуры. (Укр. кур'єр. – 1943. – 18 лип.).

Кроме основной работы, сотрудники библиотеки формировали передвижные библиотечки для школ и лагеря военнопленных, фонд нот для музыкальной школы, фонд специальной литературы для школы слепых, неоднократно привлекались биржей труда к работе на торфоразработках. Для оздоровления работникам предоставлялись недельные и двухнедельные отпуска.

Для деятельности библиотеки местной властью создавались необходимые условия: помещение, квалифицированные кадры, заработная плата. На приобретение литературы выделялись средства. Но все это делалось с одной целью, которой служил штаб А.Розенберга.

Аналогичная работа по концентрации книжных фондов и организации библиотек осуществлялась во многих населенных пунктах области, что подтверждается публикациями в прессе и архивными документами оккупационного периода. Кроме г. Чернигова были открыты библиотеки в Нежине, Новгород-Северске, и г. Прилуки.

2 августа 1942 года в помещении библиотеки Нежинского пединститута по улице Гоголевской открыта украинская читальня, в фонде которой 2500 томов – книги на украинском, русском и немецком языках, а также газеты со всей Украины и Германии. Пользование читальней – бесплатное. Одновременно, в этом же помещении, открыта городская библиотека с абонементом для молодежи от 14 до 18 лет, пользование которым платное. За один день читальню посетили 78 человек, библиотеку – 25 абонентов («Ніжинські вісті. – 1942. – 1 серп.; 5 серп.). На выполнение распоряжений полевой комендатуры и советника военной управы Кени-

га подавались сведения о наличии книг в библиотеках г. Нежина, составлялись списки и каталоги, осуществлялось упорядочение изъятой литературы.

Почти через четыре десятилетия были обнародованы события, происходившие в стенах старейшей в области библиотеки Нежинского пединститута им. Н.В. Гоголя, с фондом более 300 тыс. томов, имеющей уникальный фонд редкой книги XV-XVIII вв. («Библиотекарь». – 1981. - №9. – С.59-62). Два года директор библиотеки Нина Георгиевна Наркевич и библиограф Костантинова Зинаида Константиновна хранили библиотеку, перемещали с этажа на этаж тысячи книг, прятали их в подвалах. Получив от фельдкоменданта майора Ринге список запрещенной литературы (более 500 названий), подлежащей уничтожению, рискуя жизнью, заменили указанные книги ранее списанными. Перед уходом немцы заминировали библиотеку, заложив 12 металлических ящиков взрывчатки. Н. Наркевич и З. Константинова перебили кабель, чем и предотвратили взрыв, а когда немцы покинули город, вызвали саперов. Ими были спасены редчайшие издания: «Илиада» и «Одиссея» Гомера, произведения Сократа, Софокла, Еврипида, Аристотеля на древнегреческом языке, «Энеида» Вергилия – на латинском языке (1547 г.), «Слово о полку Игореве» (1800 г.), I-е издание энциклопедии Дидро на французском языке (1751 г.), рукописные гетманские универсалы XVII-XVIII вв., сочинения Ломоносова (1794 г.), Радищева (1807 г.) и многие тысячи других уникальных изданий.

В древнем городе Новгород-Северске был собран фонд более 40 тыс. книг из бывшей городской библиотеки, библиотеки пед-школы, зоошколы, школьных библиотек. Согласно указаниям представителей власти литература этого фонда была проверена, из ее количества скомплектовали библиотеку для населения города, в состав которой входили: беллетристика (произведения классиков украинской, русской и западноевропейской литературы) – около 6 тыс. книг; отдел научной литературы XVIII-XX вв. – история, география и др. – 3 тыс. книг; иностранная литература, в основном мемуарно-исторического содержания на французском языке – 1570 книг. Библиотека начала свою работу 1 ноября («Голос Новгород-Сіверщини». – 1942. – 3 листоп.).

Архивные документы свидетельствуют об организации работы в библиотеках города Прилуки в соответствии с распоряжениями комендатуры и городского старосты Шамбро Е.В.. Городская библиотека представила по требованию жандармерии список книг в июле 1942 года. В это же время в адрес старосты города поступило распоряжение, что «… все библиотеки, открытые без разрешения полевой комендатуры и без согласования с отделом пропаганды, до соответствующего приказа, считаются закрытыми. Все книги о Советском Союзе и его политическом учении изымаются и сохраняются в закрытой библиотеке». Одна из резолюций старосты города гласила: «… во всех книгах советского выпуска вырвать предисловия и вообще то, что в данный момент не нужно. За не выполнение приказа виновные несут наказание по законам военного времени». Правила пользования книгами Прилукской городской библиотеки, состоящие из 9 пунктов, подписанные представителем отдела пропаганды Небенштелле, гласили, что пользование библиотекой платное. Каждый читатель платит 5 руб. После 14-ти дней за каждый день оплачивается 1 руб. штрафа.

В отчете о проделанной работе с 15.05.по 15.06 1943 года библиотека сообщала о подборе 14 библиотечек в количестве 343 книг и составлении списка на 663 книги, которые были выделены для «хат-читалень» района, составлении карточного каталога, проверке и приведении в порядок в архивной комнате 1600 книг классической украинской и русской литературы. Библиотекой обслужено 730 чит.; выдано 856 книг, журналов, газет. Читальным залом пользовались 146 представителей интеллигенции, 130 рабочих, 224 служащих, 158 учащихся, 75 – др. читателей.

В годы оккупации из фондов библиотек были изъяты лучшие произведения украинских и европейских авторов – всего 233 автора. В то же время разрешалось пользоваться произведениями классиков дореволюционного периода (Т. Шевченко, М. Вовчок, С. Руданский, П. Мирный, М. Коцюбинский, Л. Украинка, И. Франко и др.), дореволюционным фольклором, а в школах – учебно-методической литературой, изданной до 1917 года.

Библиотеки находились под постоянным контролем местной власти. Планы и отчеты составлялись на неделю, на 10 дней, на квартал и представлялись в отделы образования городских управ.

Это лишь отдельные факты, выявленные в ходе поисковой работы в областном и городских архивах рабочей группой из числа ведущих специалистов ОУНБ им. В.Г. Короленко в составе Е.А. Ходарченко, Л.Н. Полищук, Л.В. Студеновой, Л.В. Феофиловой, осуществленной в 1994 году и опубликованные на страницах газет («Чернігівські відомості». – 1994. – 9 верес.; «Деснянська правда». – 1994. – 29 верес.), а также в сборнике НПБ Украины «Історія бібліотечної справи в Україні». К., 1997. – С.40-45.

Безусловно, полной картины о состоянии библиотечного дела области указанного периода, они не дают, но все же раскрывают неизвестные до селе страницы его истории.

Более красноречиво «…об удовлетворении культурных запросов населения и помощи в восстановлении разрушенной большевиками страны…» («Укр. кур'єр. – 1943. – 18 лип.) свидетельствует статистика. Накануне войны в области функционировало 1148 массовых библиотек с книжным фондом 1649,8 тыс. экз. (в т.ч. в сельской местности 878 библиотек с книжным фондом 837, 1 тыс. экз.). В 1945 году – лишь 114 библиотек с книжным фондом 236, 1 тыс. экз. (в т.ч. в сельской местности – 83 библиотеки с книжным фондом 48,0 тыс. экз.).

Всего за годы оккупации в области утрачено более 4 млн. экз. книг на сумму 35550000 руб.. Ущерб, нанесенный областной библиотеке, составил 5485050 руб., о чем свидетельствует «Акт об ущербе, нанесенном немецко-фашистскими захватчиками в период Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. по г. Чернигову» (ГАЧО. – ФР. – 90. – Оп.3. – Д.3).

До этого времени остается неизвестной судьба книжного фонда, собранного за 2 года оккупации в городской библиотеке города Чернигова.

3 ноября 1943 года Исполком Черниговского Областного Совета депутатов трудящихся и бюро обкома КП(б)У приняли постановление «О возобновлении работы Черниговской областной библиотеки им. В.Г. Короленко».

Восстанавливать библиотеки области помогала вся страна. Только областной библиотекой в 1944 году было получено более 33 тыс. книг из Госфонда. На 1.01.1945 года фонд библиотеки насчитывал более 63 тыс. экз.. Коллектив библиотеки в составе 7-и специалистов и 4-х технических работников в неприспособленном помещении своими силами осуществлял ремонт, заготавливал торф и дрова, обслуживал 5934 читателей, в первую очередь уделяя внимание инвалидам Великой Отечественной войны, проводил массово-политическую работу, направленную на патриотическое воспитание, всей своей деятельностью способствуя грядущей Великой Победе. Их имена навсегда вписаны в историю библиотеки.

Орловская областная библиотека им. Н.К. Крупской в годы Великой Отечественной войны

Шатохина Н.З.
Орловская областная публичная библиотека им. И.А. Бунина, г. Орел, Россия

Выступление подготовлено на основании изучения отчетов библиотеки, докладных записок в Наркомпросс РФ за 1943-45 годы, подготовленных директором Валентиной Георгиевной Емельяновой и статьи в английской газете Хемпстэд энд Хейхент Экспресс. Несколько слов о довоенной библиотеке. Как губернская, библиотека была воссоздана в январе 1919 года и до 1938 года функционировала как Центральная городская. В 1924 году в библиотеке работала лишь читальня, с 1925 года открыт отдел выдачи книг на дом, детское отделение, передвижной фонд и справочный отдел. В 1929 году библиотеке было присвоено имя Н.К. Крупской. В 1938 году библиотека была реорганизована в областную, в связи с организацией Орловской области[1].

[1] Емельянова В. Основные этапы развития Орловской областной библиотеки и

Основу книжного фонда составили книги из библиотеки губернского земства, помещичьих и частных библиотек. В предвоенные годы часть фонда, особенно редкого была передана в другие библиотеки (Москва, Воронеж, Курск).

К началу Великой Отечественной войны книжный фонд областной библиотеки составлял 105 тыс. экз., в т.ч. 30 тыс. разобранного, но не обработанного фонда. В необработанных фондах были издания дореволюционных лет, журналы XIX и начала XX вв., разрозненные сочинения 17-18 веков, историческая литература, в частности по истории запада, литература по естествознанию. Встречались такие книги как история Магницкого, перепечатка Правды Ярослава Мудрого, французская энциклопедия и т.д.[1] Состав фондов не отличался богатством, особенно научной литературы, но основная историческая, политическая, художественная литература были подобраны.[2]

При оккупации города Орла немецкими войсками фонды почти полностью оставались в библиотеке, за исключением 5 ящиков наиболее редкой старой литературы - примерно около 500 экз., которые были эвакуированы вместе с частью фондов краеведческого музея в г. Елец. Во время немецкой оккупации полностью погиб фонд необработанной дореволюционной литературы, хранящийся в отдельном здании (30 тысяч экземпляров), уничтожена детская библиотека, большая часть политической литературы. Вся ценная литература, атласы, карты отправлены в Германию. Часть книжных фондов сожжена. 20 октября 1941 года Отдел просвещения городской управы назначил в библиотеку работников, которые перенесли оставшиеся книги в одну комнату. В начале ноября по приказу фельдкомендатуры из библиотеки вывезена большая часть книг из раздела политической литературы, оставшаяся часть изъятых книг была сложена в темную комнату[3], устроена «чистка» ос-

---

характеристика фондов. - Орел, 1943. - С. 1 : [машинопись]

[1] Там же. - С. 1 : [машинопись]

[2] Там же. - С. 2: [машинопись]

[3] Докладная записка директора Орловской областной библиотеки им. Н.К.Крупской В.Г.Емельяновой в Наркомпросс РСФСР, начальнику библиотечного управления тов. Васильченко : 12 дек. 1943 г. - С.1 - 2 : [рукопись]

тавшейся литературы, которой руководил редактор газеты оккупационной власти «Речь» М. Октан. Изъята вся современная литература от Горького до Шолохова. Запрещено выдавать «Войну и мир», «Полтаву», «Кому на Руси жить хорошо», «Бородино», «Сожженную Москву». В список запрещенных авторов занесены А. Герцен, Н. Чернышевский, В. Белинский, Н. Добролюбов, А. Блок, Р. Ролан, Беранже, Б. Шоу, Э. Войнич и многие другие. Установлен строгий надзор за тем, чтобы населению не выдавали крамольную книгу[1]. Под наблюдением М. Октана проводился и отбор книг, разрешенных для выдачи читателям. Зимой и в июне 1942 г. туда были свезены остатки трех городских библиотек и библиотеки пединститута, произведен отбор и инвентаризация литературы, разрешенной для выдачи[2]. В инвентаре записано 14124 книги. 29 июня 1942 года открылся абонемент городской библиотеки, подчиненной отделу просвещения городской управы. Всего за время оккупации в библиотеку записано 600 читателей за плату 4 р. в месяц. Она занимала часть своего бывшего помещения, а в другой ее части размещалась немецкая политическая школа[3]. В городской библиотеке работали бывшие библиотечные работники города, учителя, студенты (всего 12 человек). После освобождения города многие из них работали в областной библиотеке.

При отступлении здание было заминировано, но взорвать его не успели. Здание библиотеки пострадало от взрыва недалеко упавшей бомбы и взрыва моста, расположенного рядом с библиотекой. Осколками пробита крыша, обвалилась штукатурка, частично треснула стена.[4]

---

[1]Орел из века в век. Летопись основных событий. 1566-2000 годы. - Орел : изд-во ОРАГС, 2003.- С.302-303.

[2]Докладная записка директора Орловской областной библиотеки им. Н.К. Крупской В.Г. Емельяновой в Наркомпросс РСФСР, начальнику библиотечного управления тов. Васильченко : 12 дек. 1943 г. - С. 2 - 3 : [рукопись]

[3] Храм книги : к 160-летию Орл. обл. публ. б-ки им. И.А. Бунина. - Орел, 1998. - С. 12.

[4] Докладная записка в Наркомпросс, начальнику библиотечного управления тов. Васильченко, 12 дек. 1943 г. [Рукопись]. - С. 4

В акте от 15 ноября 1943 года об ущербе, причиненном немецко-фашистскими войсками и их сообщниками Орловской областной библиотеке им. Н.К. Крупской сообщалось, что при оккупации города Орла немецко-фашистские войска комендатуры г. Орла уничтожили и вывезли часть оборудования и книжного фонда библиотеки, здание библиотеки было частично разрушено, уничтожено библиотечное оборудование: стеллажи, столы, стулья, портьеры, цветы, картины, электрические лампы. Было уничтожено 55 тыс. экз. книжного фонда, 75 тыс. каталожных карточек. Всего библиотеке нанесен ущерб в сумме 347629 руб.[1]

В статье «Орловская библиотека была мишенью для врага, но теперь является культурным центром города», опубликованной 16 марта 1945 года в английском издании «Хемпстэд энд Хейхент Экспресс» В.Г. Емельянова пишет: «Я нашла библиотеку в печальном состоянии. Не осталось ни единственной оконной рамы, крыша и стены были повреждены. Немцы минировали библиотеку, но не имели возможности взорвать ее. Здание все еще освобождалось от мин, когда библиотекари начали готовить его к открытию.»[2]. Далее автор приводит сведения об отношении немецких захватчиков к библиотеке, написанные по воспоминаниям свидетелей: библиотекарей и местных жителей. «5 и 6 октября, два дня спустя после оккупации Орла библиотека была занята немецкими частями. Более чем 30 тысяч томов детской литературы было выброшено в грязь и снег. Ценные научные и исторические издания дореволюционного периода и другие были разграблены, разорваны или сожжены. В целом, больше чем 80 тысяч томов погибли во время оккупации. Солдаты ломали полки и мебель и употребляли книги, каталоги и документы для топки. Самые лучшие картины, ковры, мебель и ценные книги были увезены в Германию»[3].

---

[1] Акт об ущербе, причиненном немецко-фашистскими войсками и их сообщниками Орловской областной библиотеке им. Н.К.Крупской : от 15 нояб. 1943 г. - 4 с. : [рукопись]

[2] Орловская библиотека была мишенью для врага, но теперь является культурным центром города // Хемпстэд энд Хейхент Экспресс. - 1945. - С. 4

[3] Там же

Из докладной записки директора библиотеки Емельяновой за август-октябрь 1943 года следует, что сразу же после освобождения города от немецких оккупантов 11 августа библиотека приступила к восстановлению работы. Библиотекари вернулись в здание пострадавшее от взрыва моста, книжные фонды были сложены вместе с книгами других библиотек города; первое время в помещении нельзя было работать, т.к. не окончилось разминирование. В течение месяца проводилась работа по сбору книг среди читателей, по разбору и расстановке фондов, приобретению новой литературы, подготовке читального зала к открытию.[1]

По предварительным подсчетам в библиотеке осталось около 40 тысяч книг. В первую очередь была проведена работа по выделению книг других библиотек, разбор фондов, разделение их на фонды абонемента, читальни и книгохранения и их расстановка. Затем началась новая инвентаризация, классификация по новым таблицам, составление систематических каталогов. Пополнение книжного фонда, особенно раздела политической литературы, наиболее пострадавшего во время оккупации, происходит крайне медленно. Тем не менее, фонды пополняются уже в первые месяцы после возобновления работы библиотеки, получена литература из Госфонда СССР. С 12 сентября, через месяц после освобождения города открыт читальный зал, время работы с 11 час. - до 7 вечера. Библиотека популярна среди населения. Уже к 31 октября записалось 246 читателей. Ежедневно читальню посещают 25-30 человек. В основном это учителя и старшеклассники. С 4 ноября открывается абонемент. Деятельность библиотеки в этот период была подчинена задачам военного времени: работники выходили с книгами и журналами в госпитали, на призывные пункты, постоянно информировали читателей о событиях на фронтах Великой Отечественной войны.

По итогам 1943 года библиотека уже имела 1000 читателей. Массовая работа ограничивалась в основном выставками и читками. После проведения организационной работы по восстановлению

[1] Докладная записка директора Орловской областной библиотеки им. Н.К. Крупской В.Г. Емельяновой о работе Орловской областной библиотеки им. Н.К. Крупской за август-октябрь 1943 года : 31 нояб. 1943 г. - С. 1 : [рукопись]

библиотека возобновляет деятельность в качестве методического центра. В это трудное время библиотека проводит 10-дневный семинар для заведующих районными библиотеками, на котором присутствовало 22 человека, в том числе и работники теперешней Брянской области. В работе семинара приняли участие представители Наркомпросса. Оказана помощь библиотеке г. Орджоникидзеграда, ныне Бежицкии район г. Брянска. Дано 10 консультаций для работников городских библиотек. По мнению директора, условия для «нормальной работы еще не созданы. Помещение отремонтировано лишь частично. Часть помещения не использовалась. Электрическое освещение было только в основных отделах и нерегулярным, освещались коптилками. Очень плохо обстояло дело с оборудованием: не было стеллажей на 2/3 фонда, столов, стульев, портьер. Директором сделаны следующие выводы: «Библиотека им. Н.К. Крупской, восстановившая свою работу после освобождения города от немецкой оккупации, прежде всего, уделила внимание подбору штата, разбору и приведению в порядок книжных фондов, их учету и пополнению и одновременно начала обслуживать читателей в двух основных отделах».[1]

В 1944 году библиотека планирует увеличить количество обслуживаемых читателей в 6 раз, книговыдачу почти в 5 раз, провести большую работу по организации и обработке фондов, значительно активизировать справочную и массовую работу, собрать материал о библиотеках Орловской области, разрушенных немецкими оккупантами, подобрать и обобщить материалы по истории областной библиотеки, берет повышенные социалистические обязательства.[2] Анализ Информационного и статистического отчетов за 1944 год позволяет сделать вывод, что в 1944 году библиотека продолжала восстановительную работу. В течение года был укомплектован штат и возобновлена работа всех отделов, кроме иностранного. Проведено значительное пополнение, инвентаризация и обработка книжных фондов, привлечено большое количество но-

[1] Информационный отчет Орловской областной библиотеки им. Н.К. Крупской за 1943 год. - Орел, 1943. -С. 4 : [рукопись]

[2] План работы Орловской областной библиотеки им. Н.К. Крупской на 1944 год. - Орел, 1944. - 6 с: [машинопись]

вых читателей и организовано проведение массовой работы по пропаганде книги, установлена связь со всеми библиотеками области, проведен основной восстановительный ремонт здания. Напряженная работа коллектива позволила значительно увеличить фонд библиотеки на 35,5 тыс. экземпляров, обслужить свыше 7 тысяч читателей. Основную читательскую группу в библиотеке составляют руководящие работники, учителя, интеллигенция и учащиеся. Работа с этими и другими читательскими группами проводится дифференцированно. Для инвалидов Великой Отечественной войны проводятся читки в общежитии военнослужащих, Красном уголке ВОСа, организованы общегородские воскресные чтения. Самыми активными читателями является учащаяся молодежь, среди них большой популярностью пользуется литература по программам, журналы «Смена», «Наука и жизнь», произведения о Великой Отечественной войне, «однако углубленной пропаганды и широкой массовой работы с книгой еще не развернуто. Это в первую очередь относится к производственной и сельскохозяйственной литературе»[1].

Библиотека просит Наркомпросс РСФСР оказать помощь в выделении строительных материалов, бумаги, бибтехники, отмечает нехватку квалифицированных библиотечных специалистов.[2]

В 1945 году библиотека значительно повысила свои основные показатели в работе с читателями, почти закончила двухлетнюю работу по инвентаризации и обработке всех фондов, развернута широкая пропаганда книги, за год библиотекой организовано около 500 массовых мероприятий. В отчете дается характеристика чтения и работы с различными группами читателей и отдельными видами литературы. Библиотекой проведена значительная методическая работа: областное совещание, 10 методических совещаний, 4 семинара, 3 практикума, сделано 24 выезда, подготовлено 8 методических разработок. И это при отсутствии транспорта при больших сложностях с жильем и продуктами питания. Наряду с этим работ-

[1] Информационный отчет Орловской областной библиотеки им. Н.К. Крупской за 1944 год. - Орел, 1945. - С. 4 : [машинопись]

[2] Там же. - С. 9-10

ники принимали участие в восстановительных работах в городе, в заготовке топлива, уборке урожая и других хозяйственно-политических кампаниях.

В это время в библиотеке функционируют методический кабинет, библиографический отдел, читальный зал, абонемент, иностранный отдел, отдел обработки, книгохранилище, МБА, сектор брайлевской литературы, 12 передвижек. В штате библиотеки 32 сотрудника, 2 из них имеют высшее специальное образование, 5 среднее специальное, 7 человек учатся заочно.[1]

Проанализированные документы позволяют сделать вывод о том, что еще до окончания войны в Орловской области, не смотря на тяжелейшие условия, началась активная культурная и научная жизнь, восстанавливаются промышленные и сельскохозяйственные предприятия, жители продолжают незаконченное образование, приобретают новые профессии, о чем свидетельствуют читательские запросы. Библиотеки востребованы в городе и сельской местности, возникает необходимость повышения квалификации, методических разработок, новых инструкций и положений для библиотечных работников.

Библиотечные работники 1943-1945 годов смогли сделать очень много. В этот период здесь работали настоящие энтузиасты. В первую очередь это директор Емельянова Валентина Георгиевна (директор библиотеки в 1943-1946 годах). Перед войной она окончила Московский библиотечный институт. Вернувшись в родной город после освобождения, была назначена директором. Молодой директор энергично занимался решением многочисленных административно-хозяйственных вопросов. Одновременно шла разборка уцелевших книг, пополнение фонда.[2] 5 сотрудников библиотеки в это время награждены медалью «За доблестный труд в Великой

[1] Информационный отчет Орловской областной библиотеки им. Н.К. Крупской за 1945 год. - Орел, 1946. - 15 с : [машинопись]

[2] Деятели книжной культуры Орловского края: биобиблиогр. указ. - Орел, 2003. - С. 49-50

Отечественной войне 1941-1945 г.г.»[1] Они смогли к 1946 году вернуться к довоенным показателям работы.

Особого внимания заслуживает тот факт, что уже во время войны (1944 г.) было подано предложение в Наркомросс РСФСР о внесении в план восстановления и реконструкции г. Орла строительства нового здания библиотеки. Мечты орловских библиотекарей о новом здании воплотились в жизнь в 1952 г., когда было начато строительство нового здания, в которое библиотека перешла 1958 году. В этом здании после капитального ремонта библиотека функционирует в настоящее время, правда, носит она теперь имя нашего земляка И.А. Бунина.

Современные библиотекари продолжают традиции своих предшественников по пропаганде книги и привлечению населения к чтению. В этом юбилейном году был сделан особый акцент на продвижение орловцам военно-патриотической литературы. Остановлюсь на некоторых значимых мероприятиях. Была проведена литературно-патриотическая акция «Образ войны и победы», завершившаяся большим литературным праздником в стенах областной библиотеки им. И.А. Бунина. Торжественно прошла презентация областной Книги Памяти, включившей более 160 тысяч имен орловцев, погибших в годы войны. На мероприятии присутствовали представители Брянской области. В это издание вошел указатель «Орловская область в годы Великой Отечественной войны», включающий свыше 2 тысяч библиографических записей. Седьмой областной праздник «Орловская книга - 2005» прошел под девизом «Книга в патриотическом воспитании».

[1] Информационный отчет Орловской областной библиотеки им. Н.К. Крупской за 1945 год, - Орел, 1946. - С. 3 : [машинопись]

Разведывательная работа в брянских партизанских отрядах в 1941-1943 годах

Аксенова Н.А.
Брянский государственный объединенный краеведческий музей,
г. Брянск, Россия

Опыт борьбы Красной Армии и партизанских отрядов с немецкими оккупантами показал, что ни одна воинская часть и ни один партизанский отряд не могут иметь успехов в ведении боевых действий без хорошо организованной и постоянно действующей разведки.

От партизанской разведки требовалось обеспечить не только боевую деятельность партизан, но и боевую деятельность нашей авиации и частей Красной Армии. Именно поэтому разведывательной работе в партизанских отрядах уделялось большое внимание, и командирам рекомендовалось к вопросу организации и ведения разведки подходить очень серьезно.

В построении разведработы прослеживается четкая структура.

Организовывал разведку и руководил ею заместитель командира отряда по разведке. Для осуществления постоянного руководства и направления всей разведывательной деятельности при заместителе командира создавался рабочий аппарат из 2-5 человек (в зависимости от величины отряда). Эти люди, как и заместитель командира, по возможности, должны были иметь опыт разведывательной работы в отрядах Красной Армии, органах НКВД, суда и прокуратуры.

Для того, чтобы разведка велась успешно, в каждом отряде формировались отделения разведчиков из 10-15 человек и примерно из такого же количества отделение наблюдателей. Руководил ими и оперативно использовал заместитель командира по разведке.

В отделение разведчиков подбирались лучшие бойцы, хорошо проявившие себя в боях, хорошо знающие местность, наблюдательные и имеющие большие связи среди населения. В отделение наблюдателей попадали бойцы и командиры, ранее служившие разведчиками и наблюдателями в Красной Армии.

В партизанских отрядах были организованы два основных вида разведывательной работы: ведение маршрутной разведки и войсковая агентурная разведка.

Суть маршрутной разведки состояла в том, что разведчики посылались по определенным маршрутам и направлениям. Продвигаясь по маршруту, они путем личного наблюдения и из бесед с населением собирали необходимые данные о противнике.

Маршрутник должен было хорошо знать населенные пункты, через которые он проходил, знать фамилии должностных лиц в них и некоторых жителей. Разведчик, посылаемый в занятую фашистами местность, маскировался под мирного жителя, идущего на базар, в город, в поисках работы, для обмена продуктов и т.п. При посылке в город, особенно девушек, старались одевать лучше.

Маршрутник все собранные сведения должен был запоминать, в крайнем случае, отмечать данные условными знаками, но ни коим образом не иметь никаких записей, которые бы могли выдать его.

Маршрутная разведка, несмотря на свою значимость, все же полностью не обеспечивала выполнение поставленных боевых задач. Достижение намеченных целей было возможно только при наличии хорошо организованной и поставленной агентурной разведки. Поэтому каждый партизанский отряд должен был иметь хорошую агентурную сеть, сосредоточенную в крупных населенных пунктах, железнодорожных узлах и других объектах противника. Именно широко разветвленная агентурная сеть во всех интересующих партизанский отряд пунктах и объектах позволяла получить наиболее полные сведения.

По своим функциям и служебно-правовому положению весь состав работников партизанской агентурной разведки разделялся на две основные категории: гласный и негласный состав.

К гласному составу относились командиры разведки партизанских штабов, бригад, отрядов. Допуск этих лиц к агентурной работе или вытекал из должностных обязанностей, или санкционировался документально совершенно секретным приказом, оформлялся правомочными на то лицами (не ниже командиров бригады или отдельно действующего отряда) с отобранием подписки о неразглашении методов работы.

Собственно же агентурой являлся негласный состав разведки, куда входило гражданское население (как свое, так и противника), а также личный состав армии противника и различных «добровольческих» формирований изменников. Агентом человек мог стать по собственному желанию, а если таковое отсутствовало, а необходимость в том, чтобы партизанский отряд имел этого человека в своей агентурной сети, была, могли применяться для привлечения к сотрудничеству такие меры, как угрозы и шантаж. Но, поскольку население в большинстве своем было охвачено ненавистью к оккупантам и желанием мстить захватчикам, агентами, как правило, становились добровольно.

Вербовка агентуры подвергалась строгому учету и оформлению.

При вербовке с согласия работать по заданиям командиров отрядов от агента брали подписку и автобиографию. В качестве примера приведем следующий документ:

«26 дек. 1942 г.

Брянский Лес

Подписка

Я, гражданин Мазур Макар Андреевич, 1911 г.р., проживающий пос. Пальцо Шаровской волости, даю собственноручную подписку партизанам в том, что обязуюсь работать под фамилией «Воронова» совместно с партизанами и давать им всевозможные необходимые для них сведения. Если я нарушу свое обещание перед партизанами и предам интересы народа и нашей социалистической родины, пусть меня и мою семью покарает рука революционного закона и презрения трудящихся.

В чем и подписываюсь. Мазур».[1]

Агентам, завербованным из числа лиц, находящихся на службе у оккупантов, выдавались удостоверения, в которых указывалось, что этот человек выполняет задания партизанского отряда, и тем самым у агента создавали уверенность, что после изгнания фашистов он может не бояться за свою судьбу и судьбу семьи.

Вся документация после надлежащего оформления направлялась в штаб партизанского движения и в отрядах никогда не хранилась. У заместителей командиров по разведке при себе имелись только закодированные списки агентуры.

Кроме вышеперечисленных лиц, под понятие «негласный агент» подпадают и партизаны на время их работы в качестве маршрутников, а также связников с агентурой.

Обычно агента, исходя главным образом из его возможностей и личностных качеств, использовали не во всех отраслях разведывательной работы, а выполнял он, как правило, определенный вид заданий. И по этому критерию агентов можно разделить на резидентов, осведомителей, связников, маршрутников, вербовщиков, хозяев конспиративных квартир. Резидент был связующим звеном между работником, руководящим агентурой, и группой агентов. Количество прикрепленных к резиденту агентов зависело от ряда условий, но не превышало обычно 4-5 человек.

Осведомитель добывал разведданные путем расспроса у окружающих, личного наблюдения, подслушивания, изъятия в учреждениях и органах противника различных документов и т.д.

Связником являлся строго проверенный агент, служащий для поддержания личной или через почтовый ящик связи между различными звеньями агентурной разведки (разведорган – резидент, разведорган – осведомитель и т.д.), когда связь между ними была затруднена или невозможна.

Маршрутный агент (маршрутник) командировался по определенному маршруту и на пути следования добывал необходимые сведения.

---

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.26

Вербовщики, пользуясь своими связями в населенных пунктах, создавали агентурную сеть. И крайне необходимо было «создавать агентуру на железнодорожных узлах, среди стрелочников, путевых обходчиков, машинистов, кочегаров, смазчиков, осмотрщиков вагонов и паровозов, ремонтных рабочих складов и депо, а также среди администрации железных дорог, что может быть использовано, кроме добывания разведданных, для диверсионных целей.

Также необходимо было создавать агентуру на действующих промышленных и кустарных предприятиях, складах, аэродромах, учреждениях противника или в районе их, вблизи важных шоссейных и грунтовых дорог»[1].

Хозяин конспиративной квартиры содержал помещение для деловых встреч с агентурой.

Все виды разведки должны были, в первую очередь, обеспечивать командование отрядов данными, необходимыми для их боевой деятельности. Разведкой осуществлялось добывание «сведений, материалов и документов о политическом, экономическом положении в тылу противника, об имеющейся аэродромной сети, о работе железнодорожного транспорта, о движении по грунтовым дорогам, о расположении крупных вражеских складов, воинских частей, о действующих предприятиях, об оборонительных сооружениях в районе действий партизанских отрядов»[2]. Кроме получения разведданных, агентурная разведка должна была обеспечить получение информации о результатах бомбардировок нашей авиацией объектов противника.

Наряду с этим необходимым было добывание данных на руководящий состав предприятий, учреждений и других интересующих разведку объектов, вплоть до установления их социального и политического прошлого, родственных, деловых и дружеских связей, образа жизни, особых наклонностей (к вину, женщинам и прочее) с целью использования их для вербовок, дискредитации изменников.

---

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.65 Л.32
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.65 Л.32-33

На крупных железнодорожных узлах, депо, мастерских, на складах, аэродромах, предприятиях, кроме разведывательной агентуры, создавалась агентурная сеть, предназначенная исключительно для совершения диверсий.

Связь между агентами и отрядами, как уже упоминалось, осуществлялась специальными связниками, отобранными из взвода разведки. Связники обычно не знали агентов, а информацию передавали при помощи почтовых ящиков, которые выбирали в таком месте, куда можно было безопасно подойти, не вызвав подозрения. Почтовым ящиком могли служить тайное место, никем не посещаемое, в виде развалин строений, дупла дерева. Иногда почтовый ящик выбирали в районе действия партизанского отряда, и связником в этом случае мог быть специально завербованный человек, который имел возможность выехать из города под видом обмена продуктов, что не вызывало подозрений из-за массовых передвижений с этой целью.

В разведывательной работе всегда самым важным было то, что «только достоверные и своевременно переданные данные имеют ценность»[1].

Партизанское движение на Брянщине зародилось с самого начала Великой Отечественной войны. Первыми были партизанские отряды «сформированные еще до оккупации партийными и советскими организациями <…> (отряд т. Дука) или начавшие свою деятельность с момента оккупации («Смерть немецким оккупантам», «За Родину», Дятьковские отряды). Эти отряды действовали под руководством районных партийных и советских органов и органов НКВД»[2].

Зимой 1941-1942 гг. из бойцов и командиров Красной Армии, попавших в окружение или бежавших из плена, были созданы такие крупные отряды, как им. Ворошилова №1 и №2, им. Стрельца. Руководство этими отрядами осуществляли районные партийные организации, находившиеся в районе их деятельности.

---

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.65 Л.31
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.70

Единого руководства деятельностью партизанских формирований не было.

К зиме 1942 года партизанское движение стало разрастаться, вокруг действующих отрядов создавались группы самообороны и местные партизанские отряды. На Брянщине были освобождены от оккупантов значительные части районов (Суземского, Навлинского, г. Дятьково). К этому времени все действующие в районе Брянских лесов отряды возглавила оперативная группа работников НКВД Орловской области во главе с Д.В. Емлютиным. Оперативная группа, ставшая впоследствии штабом объединенных отрядов, наряду с руководством боевой деятельностью отрядов, возглавила и руководство их разведывательной деятельностью. В этот период отряды занимались разведкой только на себя, в интересах фронта разведка не велась, т.к. отсутствовала связь с Большой Землей. «Действовали отряды вдали от важных железнодорожных магистралей и промышленных центров и вопросами насаждения агентуры не занимались. Всю разведывательную работу в отрядах, созданных т. Емлютиным, возглавляли оперчекистские отделы, состоящие из работников НКВД, которые вели, главным образом, политическую разведку по выявлению шпионов и предателей, все разведданные посылали в Областное Управление НКВД»[1].

Штабы партизанских отрядов также не вели агентурной разведки, а имевшиеся при штабах некоторых отрядов разведывательные подразделения занимались только войсковой разведкой и только в собственных интересах.

До 1 июля 1942 года, т.е. до организации Брянского Штаба партизанского движения (БШПД) разведывательная работа партизанских отрядов не соответствовала требованиям военного командования. Исключение составлял Брянский городской партизанский отряд под командованием М.И. Дуки, имевший широкую агентурную сеть в г. Брянске. «В отрядах т. Емлютина к этому времени было введено даже такое положение, что заниматься агентурной разведкой имеют право только оперчекистские отделы (НКВД)»[2], и

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.70
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.70

все трофейные документы шли «только в оперчекистские отделы и дальше в Областное управление НКВД, минуя командиров отрядов и военное командование»[1].

Таким образом, организованная и руководимая командованием партизанских отрядов, а также правильно нацеленная разведка отсутствовала, а, соответственно, отсутствовало и регулярное поступление разведданных. С этими фактами с первых дней своей работы (с июля 1942 г.) столкнулся ШПД. Кроме того, выяснилось, что «разведкой в отрядах фактически никто не руководил, а творилась на деле «партизанщина»[2].

Сразу же после образования ШПД им стали проводиться мероприятия по налаживанию разведывательной работы в отрядах. С первых дней своего существования ШПД дал указания командирам партизанских отрядов объединить все виды разведки в руках командования отрядов, ввести в штабы отрядов помощников начальников штабов по разведке, организовать во всех отрядах специальные разведывательные подразделения, представлять все трофейные документы и разведданные в ШПД. Отряды должны были выявить через агентуру важные военные объекты противника и определить результаты бомбежки этих объектов нашей авиацией.

Для ознакомления на месте с постановкой разведывательной работы в отрядах, для помощи в ее организации, для сбора данных об агентурной обстановке в тылу противника и для изучения опыта борьбы в партизанских отрядах в отряды т. Емлютина, Дука и Ромашина «был командирован старший помощник начальника информационно-разведывательного отдела старший лейтенант Киселев, работавший в отрядах с 27 июля по 25 августа 1942 г. В отряды т. Емлютина с 15 по 25 августа выезжал начальник информационно-разведывательного отдела т. Зюряев, который на месте ознакомился с состоянием разведывательной работы в отрядах и провел совещание с начальниками штабов отрядов об организации разведывательной работы в отрядах»[3].

---

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.70
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.70
[3] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.70

При тщательном ознакомлении с организацией разведывательной службы в вышеупомянутых отрядах было отмечено то, что вся разведработа недооценивается командованием отрядов, «что вся войсковая разведка, и особенно разведка наблюдением, организована очень плохо и ведется нерегулярно, что имеющиеся в отрядах разведывательные подразделения используются не по назначению»[1].

О недооценке разведки в отрядах можно судить по следующим фактам.

«Начальник штаба Навлинских отрядов майор т. Лапутин, руководивший операцией по наступлению на Синезерки (1942), не провел даже командной разведки с командирами отрядов, участвовавших в наступлении, в результате чего командиры отрядов наступление вели вслепую, не зная ни местности, ни противника, и, понеся большие потери, вынуждены были прекратить наступление и отойти.

Выгоничские и Трубчевские отряды, занимая оборону по берегу р. Десна в течение месяца, не организовали не только боевой разведки, но даже и разведки наблюдением, в результате чего командование отрядов не знало не только количество и расположение огневых точек противника, но даже расположение противника, его примерную численность, вооружение и принадлежность»[2].

В целом состояние разведывательной работы летом 1942 года можно оценить как находящееся не на должном уровне. Особенно слабой была агентурная разведка, во многих отрядах она совсем не велась, поэтому данные о противнике не систематизировались и часто отряды не знали обстановки. Более или менее агентурная разведка была налажена в отрядах Дука и Панченко, имевших успехи в разведывательной работе и добывающих ценные сведения, которые передавались в ШПД.

Негативным моментом было и то, что войсковая разведка велась от случая к случаю, и отсутствовал основной принцип ведения разведки – непрерывность, а, кроме того, сведения разведки не

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.70
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.71

проверялись. Существенным недостатком было отсутствие руководителей, хорошо знающих агентурную работу. А, кроме того, плохо сколачивались разведывательные подразделения. Брянский ШПД с первых дней своей работы оказывал регулярную помощь партизанским отрядам в деле организации разведработы. Разведотдел штаба периодически высылал (см. выше) в отряды своих работников и поставленные отрядам конкретные задачи с указанием методов, способов и сроков выполнения. Так, например, в июле-августе 1942 г. «отрядам Емлютина поставлена задача создать резидентуры[1] Навля, Севск, Дмитриев-Льговский, Новгород-Северский, Почеп, Трубчевск, Стародуб. Следить за перевозками по эшелонам, шоссейным дорогам: Гомель-Брянск, Брянск-Орел, Брянск-Льгов, Унеча-Хутор Михайловский. Отряду Дука – создать новые резидентуры в Карачев, Орел, Болхов. Следить за перевозками по железным, шоссейным дорогам: Рославль-Брянск, Брянск-Зикеево, Брянск-Людиново. Отряду Ромашина – создать новые резидентуры в Орджоникидзеград, Рославль, Кричев, Белынковичи»[2].

Из доклада заместителя начальника Брянского ШПД майора Горшкова начальнику штаба 15 Воздушной Армии о результатах бомбардировки нашей авиации с 11 на 12 июля 1942 года станций Брянск-I и Брянск-II видна работа агентурной разведки. Сообщалось, что было уничтожено «два вражеских самолета и склад с горючим на Брянском аэродроме. В Брянск-I разбито три эшелона с войсками, вооружением, боеприпасами. В Брянск-II разрушен железнодорожный путь в 47 местах, вокзал, депо. Разбито более 500 вагонов, из них 28 с боеприпасами, 51 с лошадьми, около 200 автомашин, 7 паровозов. Кроме того, эшелон с тяжелой артиллерией, горючим (разбито 30 дальнобойных орудий, 11 минометов, 9 танков) и эшелон с ранеными. Разрушен распределительный пункт, районная управа, два дома, где размещались штабы, склад с боеприпасами в пос. Кавказ, четыре зенитных установки в Орловском парке. В результате бомбардировки уничтожено около 1000 солдат и офицеров. В течение двух дней железнодорожный узел Брянск-I

[1] Резидент – представитель разведки, направляющий работу агентурной сети. – БЭС. М., 1991. Т.II. С.253

[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.71

не работал. В нескольких местах возникли сильные пожары. Двое суток рвались снаряды.

Бомбардировке не подвергались следующие объекты: склад боеприпасов (бывший артиллерийский склад в лесу 200 м с левой стороны дороги, идущей от Брянск на Брянск-II) и склад горючего (в лесу 8 км восточнее Брянск-II между больничным городком и мясокомбинатом в 100 м севернее шоссе Брянск - Карачев)»[1].

Кроме того, в конце лета – начале осени 1942 года по заданию начальника штаба партизанского движения Матвеева А.П. были проведены пятидневные сборы групп подпольных работников «в основном по организации и ведению разведывательной работы»[2].

В результате проделанной разведотделом Брянского ШПД работы с июля по ноябрь 1942 года по организации всех видов разведки и установления единого руководства разведкой, в ШПД стали систематически поступать данные «по радио и периодически в виде разведывательных сводок, информаций, схем и других документов самолетами»[3]. Все данные обрабатывались разведывательным отделом, который сообщал информацию заинтересованным штабам, военным частям и другим организациям «путем разведывательных сводок, докладных записок, специальных обзоров и бюллетеней»[4].

За вышеуказанный период своей деятельности штабом выпущено «38 разведывательных сводок, командованию воздушных армий послано 16 специальных обзоров важных объектов, представляющих важные цели для бомбежки, с их ориентированием, планами и схемами, а также сообщений о результатах деятельности нашей авиации <…>, 9 специальных сообщений в органы НКВД»[5] и т.д.

Из донесения заместителя начальника Брянского ШПД майора Горшкова заместителю начальника Центрального ШПД Серги-

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.72 Л.22
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.70 Л.73
[3] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.73
[4] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.73
[5] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.73

енко от 4 сентября 1942 года видно, что в отдельных отрядах неплохо налажена агентурная работа.

«Доношу, что к настоящему времени из агентуры в тылу противника партизанский отряд Дука имеет г. Брянск резидент «Гапон», машинист, его резидентура используется по добыче разведывательных данных на заводе № 13, в Городской управе, школе «Гестапо».

Резидент «Костюк», машинист станции Брянск-I. Резидентура добывает сведения по группировкам войск противника, военным объектам и железнодорожным перевозкам противника.

Г. Орджоникидзеград. Резидент «Александр» слесарь на заводе «Красный Профинтерн». Резидентура добывает сведения по группировкам противника, военных объектах, ж.д. перевозках по г. Орджоникидзеград, Дятьково, Жиздра.

Каждый резидент имеет по несколько осведомителей, работающих на железной дороге, предприятиях и органах самоуправления, и 4-5 явочных квартир. Средства связи резидентов с командиром отряда Дука – связники, почтовые ящики, радиосвязи нет.

По партизанскому отряду Ромашина в селе М. Полпино (15 км восточнее Брянска) староста села, осведомитель клички не имеет. Добывает разведывательные сведения ст. Белые Берега, Снежетьская, периодически дает сведения по Брянску.

Осведомитель, клички не имеет, полицейский села М. Полпино, добывает данные по Брянску.

Осведомитель, клички не имеет, полицейский ст. Сельцо (12 км с.-з. Орджоникидзеград) и один осведомитель работает в пос. Самара-Радица, добывает сведения по Брянску и Орджоникидзеграду»[1].

Но в то же самое время в донесении отмечалось, что «в отрядах Емлютина агентура не создана, разведка ведется агентами-маршрутниками»[2] и ставилась задача на октябрь 1942 года «т. Дука создать резидентуры в Орел, Болхов, т. Ромашину – Рославль, Кричев, т. Емлютину – Гомель, Стародуб, Хутор Михайловский»[3].

---

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.73
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.73
[3] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.73

Как уже отмечалось выше, в Брянском городском партизанском отряде, которым командовал Дука М.И., агентурная разведка была налажена еще до создания БШПД, т.е. до 1 июля 1942 года. Агентурная сеть отряда в Брянске начала работать в ноябре 1941 года, организаторами ее были братья Семеновы и Жуков[1].

В составе сети было «мужчин – 62, женщин – 30, подростков – 3, стариков – 13, молодежи – 40, среднего возраста – 36, целые семьи – 15»[2]. Сеть преимущественно создавалась на базе родственных, товарищеских и партийных отношений.

Для успешной работы необходимы были соответствующие документы. В отряде Дука М.И. имелся свой «лесной» паспортный стол, созданный на базе похищенных в горуправе документов, но все же часто отряду приходилось по этому поводу обращаться в ШПД.

«Сов. секретно
Командиру в/ч № 00130
т. Матвееву

Для выполнения заданий по разведке в городах Брянск, Карачев и прилежащих деревнях разведчики должны быть снабжены не только документами (паспортами или удостоверениями личности), но и частичными пропусками, которые даются на право передвижения от одного населенного пункта или города в другой.

В связи с этим убедительно прошу Вас отпечатать бланки частичных пропусков по форме №2 с оттисками на них печатей, указанных на бланках, исключая всего написанного от руки чернилами или карандашом.

Бланки требуются в самый кратчайший срок в количестве 150 штук с печатей №1 и 50 штук с печатей №2.

Приложение: частичные пропуска 4 экз., только адресату.

Командир п/бр им. Кравцова
Герой Советского Союза
батальонный комиссар

Дука».[3]

---

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.106
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.106
[3] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.69 Л.12

Как видно, документация в работе агентов играла очень важную роль. Это подчеркивается и в срочном совершенно секретном обращении Заместителя представителя ЦШПД на Брянском фронте полковника Польского и заместителя помощника представителя по разведке майора Быстрова к начальнику разведотдела Брянского фронта полковнику Чекмазову. Речь идет об изготовлении различных документов, необходимых для работы агентуры, и тут же вышеуказанные лица обращаются с просьбой «ускорить изготовление переданных в свое время… штампа прописки Брянск-Южный, круглой печати Навлинской районной управы и удостоверения рабочего банно-прачечного треста г. Брянска. Отсутствие перечисленного задерживает проведение нами ряда специфических мероприятий»[1].

Острой в отряде Дука была нужда в рации, переводчике, граверe, печатной машинке, шифре и бумаге. Сказывалось отсутствие инструктажа и опыта в работе. Очень важным был вопрос продовольственного обеспечения сети. Дука М.И. указывал, что «продовольственная помощь сети отсутствует, за исключением одной коровы, доставленной нами в город. Нет обмундирования и гражданской одежды, денежных средств»[2].

Начальник информационно-разведывательного отдела БШПД подполковник Зюряев также говорит о материальной помощи партизанским отрядам.

«Для экипировки агентов требуется в срочном порядке гражданская одежда и обувь, по одному фотоаппарату с принадлежностями для крупных отрядов, немецкие марки»[3]. Он же говорит о том, что необходимо «выделить в распоряжение заместителей командиров по разведке необходимое количество дефицитных продуктов и товаров (мыло, соль, табак, парфюмерные изделия) для вознаграждения и вербовки агентов»[4].

Вообще материальное обеспечение агентурной сети и разведывательной работы в целом было далеко не последним вопросом

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.67 Л.165
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.106
[3] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.74
[4] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.74

в организации разведки и требовало к себе пристального внимания. В качестве примера, доказывающего это положение, можно привести смету оперативных расходов по информационно-разведывательному отделу на 2-ое полугодие 1942 года (июль-декабрь), составленную начальником информационно-разведывательного отдела подполковником Зюряевым 22 июля 1942 года и утвержденную начальником штаба партизанского движения старшим майором госбезопасности А.П. Матвеевым.[1]

Виды расходов	Количество людей	Месячное содержание на 1 человека (в рублях)	Всего требуется в месяц	Итого на II полугодие 1942 года требуется	Примечания
Содержание агентурных работников по Орловской области:					
а) резидентов;	13	500	6500	39000	
б) осведомителей;	26	400	10400	62400	
в) связников	13	300	4900	29400	
Итого	52	1200	21800	130800	
Содержание агентурных работников, вновь создаваемых на территории БССР:					
а) резидентов;	5	500	2500	10000	Расчет за 4 месяца (сент.-дек.)
б) осведомителей;	10	400	4000	16000	
в) связников	5	300	1500	6000	
Итого	20	1200	8000	32000	

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.67 Л.26

Содержание конспиративных квартир	13	200	2600	15600	
Содержание конспиративных квартир на территории БССР	5	200	1000	4000	В течение 4 месяцев (сент.-дек.)
Итого на содержание конспиративных квартир	18	400	3600	19600	
Всего на оперативные расходы на 2-ое полугодие 1942 года потребуется		2800	33400	282400	

Бывали случаи, когда партизанским отрядам средства на разведывательную работу приходилось изыскивать из собственных ресурсов.

«Начальнику разведотделения представительства ЦШПД на Брянском фронте подполковнику тов. Зюряеву.

13 янв. 1943

На ваш запрос об отпуске для агентурных нужд объединенным партизанским отрядам т.т. Емлютина и Дука продуктов и промтоваров сообщаю, что по указанию руководства ЦШПД т.т. Емлютин и Дука за счет выбрасываемых им продуктов и промтоваров могут выделить специальный фонд для этих нужд.

Начальник РО ЦШПД
майор госбезопасности
Кудрявцев»[1].

Но, несмотря на все вышеперечисленные моменты, в организации разведывательной агентурной работы все-таки важнейшую роль играли наличие опыта и тщательная конспирация.

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.12

Для обеспечения успешной работы агентуры необходимо было, чтобы всю сеть знали только лица, допущенные к ней, каждый вербовщик знал только агентов, завербованных им, а агенты не должны были знать друг друга. Личный состав отряда, в том числе и не связанный с выполнением агентурной работы командный состав, не имели права знать задачи агентов. Связь с агентурой осуществлялась строго конспиративно. Все материалы, которые характеризовали работу агентуры и разведывательную деятельность отряда, хранились в строгой тайне, а при необходимости могли сжигаться. Несоблюдение хотя бы одного из этих условий могло привести к трагическим последствиям.

Так, в конце октября 1942 г. была частично провалена агентурная сеть в городе Брянске и на железнодорожном узле, что видно из докладной записки заместителя начальника БШПД подполковника Потапенко.

«В конце октября 1942 года были разоблачены разведывательным отделом объединенного штаба партизанского движения Брянска и впоследствии арестованы как подозреваемые в причастности к гестапо братья Семеновы, Серафим Иванович, 1903 г.р. и Олег Иванович, 1909 г.р.

В конце июля 1942 года Дука назначил Серафима своим заместителем по разведке и передал на связь обоим братьям почти всю агентурную сеть по Брянску.

Вскоре после этого по району Брянска последовали массовые провалы агентуры. Были арестованы агенты Батюк, Сафронова, Цыпляева, супруги Степановы»[1].

Это повлекло за собой необходимость в консервации всей агентуры, имевшей прямую или косвенную связь с Семеновыми. А это требовало насаждения новой агентуры, перестройки системы связи агентуры по методу замкнутых звеньев. Все это, конечно, отнимало время.

Но, несмотря ни на что, партизанская разведка продолжала действовать, и все в более тесной связи со Штабом партизанского движения, который, в свою очередь, был связан с фронтом. В каче-

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.70 Л.4

стве примера приведем приказ начальника разведывательного управления ЦШПД генерал-майора Аргунова представителю ЦШПД Брянского фронта Матвеву А.П. от 29 октября 1942 года.

«По полученным нами данным на 17.10.42 г. в район Борисов для борьбы с партизанами прибыла 7 пехотная дивизия. Предположительно в состав дивизии входят 135, 325 немецкие пехотные полки, 638 французский пехотный полк и подразделения войск «СС». Общая численность дивизии до 15.000 солдат и офицеров. Штабы 135 и 638 пехотных полков – Борисов, 325 пехотного полка – Крупки (40 км с-в Борисов). Части дивизии расположились в Брянском и Крупском районах, один батальон 135 пехотного полка – Гомель. Разведкой партизанских отрядов и агентурой Вам необходимо установить: нумерацию, численность, вооружение и точное место расположения полков дивизии, расположенных в районе Брянских лесов»[1].

О взаимодействии партизан с фронтом говорит и приказ начальника разведотдела штаба Брянского фронта полковника Чекмазова Матвееву А.П. от 19.11.1942 г.

«Прошу партизанским отрядам поставить задачи: захватить экспонаты экипировки частей немецкой и венгерской армий (одежду, обувь, снаряжение). Описание экспонатов зимней экипировки и заслуживающие внимания экспонаты прошу направить мне»[2].

Об этом же факте свидетельствует и приказ заместителя представителя ЦШПД на Брянском фронте полковника Польского командирам партизанских отрядов и начальникам оперативных групп армий.

«Нам необходимо иметь экспонаты зимней экипировки частей немецкой и венгерской армий (одежду, обувь, снаряжение). Озаботьтесь приобретением ее или – в крайнем случае – представьте описание экспонатов. Исполнение не задерживайте»[3].

Персонально командиру партизанского отряда Дуке М.И. был послан приказ заместителя начальника Штаба в/ч 00130 майора Горинкова от 9.10.42г.

---

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.67 Л.71
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.67 Л.132
[3] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.67 Л.133

«Направляю вам приказ и перечень задач по химической разведке. Уделите этому виду разведки самое серьезное внимание. Для выполнения этих задач в Ваше распоряжение следует младший политрук Пятница Иван Ефимович. <…> Результаты химразведки немедленно доносите по радио и в разведывательных сводках»[1].

Таким образом, по сравнению с начальным периодом партизанской борьбы, организация разведывательной работы в отрядах существенно продвинулась вперед. К концу декабря 1942 года во всех бригадах и отрядах имелись заместители командиров по разведке, а при объединенном штабе Емлютина был создан разведывательный отдел, при каждой бригаде были введены должности помощника начальника по агентурной и фронтовой разведке. Однако существенным недостатком являлось то, что основной руководящий разведкой состав впервые столкнулся с этой работой и не имел опыта. Минусом было и то, что «в вопросах ведения и планирования разведывательной работы в партизанских бригадах до сих пор не ликвидирован хаос, отсутствует единое руководство»[2]. Разведкой занимались и партизанские отряды, и УНКВД по Орловской области, и 4-ое управление НКВД СССР, и разведотдел Штаба Брянского фронта. Но на деле выходило, что все эти самостоятельно действующие органы иногда просто мешали друг другу. В основном разведка держалась «на партизанских бригадах, а все остальные органы занимаются перехватыванием и присваиванием всеми путями разведданных, добываемых партизанскими бригадами, иначе говоря, крадут их»[3]. Недостатком было и то, что часто данные не проверяли, стремились как можно скорее передать их начальству, и в результате донесения вызывали сомнения.

В неплохом состоянии к концу 1942 года находилась в партизанских отрядах агентурная разведка. Общее количество агентов позволяло получать достаточно данных о противнике. По сравнению с летним периодом это было существенным положительным изменением в данном виде работы. Агентурная сеть была создана в основных населенных пунктах противника, но связь с ней осуще-

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.68 Л.66
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.58
[3] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.58

ствлялась нерегулярно, и разведданные поступали медленно и часто с опозданием. Мало было агентов «в органах самоуправления, полиции, на железнодорожном транспорте, предприятиях»[1] и совсем они отсутствовали «в органах гестапо, при руководителях политических и административных органах»[2]. Слабо был налажен контроль за перевозками противника по железным и шоссейным дорогам, и не проводились специальные диверсии на всех объектах через имеющуюся там агентуру»[3].

Слабо проводилось обучение агентурных разведчиков, и основной причиной этого являлась слабая подготовка самих работников разведывательных отделений и заместителей командиров по разведке. Положительной стороной было то, что с введением должности заместителя командира отряда по разведке и созданием разведотделений закончилась неразбериха в организации и руководстве агентурой разведки.

В докладе о состоянии разведывательной службы в объединенных партизанских отрядах Емлютина на 25.12.1942 г. заместителя представителя ЦШПД на Брянском фронте подполковника Горшкова указывалось, что «в лучшую сторону по агентурной работе выделяются бригады «За власть Советов», им. Щорса. Совсем еще не налажена агентура в бригадах им. Сталина и в отдельном отряде им. Ворошилова №2»[4].

Отмечалось также, что «с организацией бригад ведение войсковой разведки значительно улучшилось»[5]. У каждой бригады имелось определенное и ответственное направление для войсковой разведки.

Было налажено ежедневное представление данных штабами бригад в ШПД.

Для уточнения информации все чаще стали захватывать пленных. «За первую половину декабря месяца на различных участках путем организации поисков было захвачено 15 солдат про-

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.59
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.59
[3] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.59
[4] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.59
[5] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.59

тивника, не считая полицейских».[1] При каждом отряде для ведения войсковой разведки имелось отделение разведчиков из 10-15 человек, но их подготовка была очень низкой.

Большое удаление многих бригад от объединенного штаба Емлютина, например, и отсутствие при этом радиосвязи и средств для быстрого передвижения затрудняло своевременную доставку разведданных, поступивших с большим опозданием и терявших от этого свою ценность.

Из-за отсутствия специальной агентуры партизанскими бригадами не применялся важный вид разведки – подслушивание телефонных разговоров противника. К тому же возможности для этого имелись. Например, «подслушивание телефонных разговоров Навлинской группировки противника с полком «Десна». Два телефонных провода этих группировок проходят по лесу, контролируемому партизанами. Также бригада «За Родину» расположена недалеко от узла связи Локотского военного округа»[2] и т.д.

Из-за отсутствия карт не велись отчетные карты.

Но все же, по сравнению с летним периодом, штабы значительно упорядочили сбор, обработку разведданных и документации. Большая работа была проделана по добыче через агентуру документации, которая служила правом на жительство и передвижение разведчиков.

Контрразведкой штабы бригад не занимались, поскольку не было квалифицированных командиров, которые могли бы выполнять эту работу. Данным видом разведки занимались «исключительно особые отделы, подчиненные только перед УНКВД Орловской области».[3]

Если мы выделим этапы партизанского движения, то будет видно, что и партизанская разведка развивалась соответственно данным этапам.

Партизанское движение на Брянщине можно разделить на 4 основных периода.[4] Первый этап, продолжавшийся с июля по де-

---

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.59
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.62
[3] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.82 Л.61
[4] История Брянского края. XX век / под ред. В.В. Крашенинникова. – Клинцы,

кабрь 1941 года (до Московской битвы), - становление. С января по апрель 1942 года – этап образования Советских зон, восстановление Советской власти в некоторых районах (Навлинский, Суземский), переход к более крупным операциям. С апреля по май 1943 года следовал размах партизанского движения. И, наконец, четвертый этап выделяется с мая по сентябрь 1943 г., условно его называют «рельсовой войной». Именно в этот период немецким командованием велась активная подготовка к летнему наступлению на Орловско-Курской дуге. «До начала самой операции было решено сосредоточить значительные силы для окончательного разгрома партизан на Брянщине, поскольку эту территорию, вплотную примыкавшую к будущему театру активных действий, гитлеровцы хотели видеть полностью подконтрольной. Для проведения карательных операций были задействованы и тыловые части, и даже некоторые временно снятые с фронта. Только против партизан, действовавших в Навлинских и Суземских лесах, было направлено пять немецких и одна венгерская дивизия, крупные соединения коллаборационистов, а также танковые, артиллерийские и авиационные части».[1]

По архивным данным приведем список частей противника, действующих против партизанских баз на 26 мая 1943 года, составленный по данным партизанской разведки.

102 пд (мадьяр)	42, 43, 44, 51 пп 459 отд. нем. пп 508 нем. пп	
291 пд 137 нем. пд	447, 448, 449 930 пп	
		8 батальонов РОА 82 батальон РОА
4 пд	9пп	9 батальонов»[2]

2003. - С. 271-287.

[1] История Брянского края. XX век / под ред. В.В.Крашенинникова. – Клинцы, 2003.- С.282.

[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.75 Л.12

Начиная со второй половины мая до середины июня 1943 года, партизаны вели тяжелые непрерывные бои с превосходящими в несколько раз силами противника. «В этот период вся разведывательная деятельность партизанских бригад направлена была исключительно только в интересах самих партизан для выявления действий против них группировки противника, установления уязвимых мест в общей блокаде Брянских лесов с целью организации выхода бригад из окружения»[1].

С наступлением немцев на Орловско-Курском направлении любое внимание партизанской разведки было обращено на сосредоточение, перегруппировку, переброску войск и техники противника к линии фронта, установление новых оборонительных рубежей и путей отхода, военно-экономические мероприятия немецкого командования и властей. За этот период ЦШПД, Брянскому и Центральному фронтам, 16-ой Воздушной Армии были переданы многочисленные данные.

«ЦШПД генерал-лейтенанту тов. Пономаренко, командующему АДД генерал-полковнику тов. Голованову, командующему 16 ВА генерал-лейтенанту тов. Руденко.

Записка по «ВЧ».

По данным партизанской разведки в Семеновское и Добрунь, что 16-18 км сев.-зап. Севск большое скопление тыловых частей противника. На ю-в опушке рощи, что в 2 км ю-в Семеновка, расположены танки и автомашины противника.

В р-не Карачев с-з Рясники полтора-два км находится аэродром противника, на котором ежедневно базируется до 150 самолетов разных типов. Летный состав до 1000 человек расквартирован в деревнях Рясники, Тыковка, Верховка.

Зам. нач. штаба ПД ЦФ
полковник Польский
18.5.43г.»[2]

[1] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.76 Л.171
[2] ГАБО Ф.1650 Оп.1 Д.75 Л.8

Или такая же записка по «ВЧ» Польского, Пономаренко к Голованову от 21.5.43 года. «Село Монастырище Трубчевского района правый берег реки Десна квадрат 66-40 скопление машин и артиллерии.

В районе Андреевский Хутор противник сконцентрировал до 1000 человек, вооруженных пулеметами, автоматами, есть пушки и 3 бронемашины. Производит окопные работы на высоте 211,0, 204,2; 179,9; 153,4, одновременно до 2-х батальонов повел наступления в р-не Сидоровка, лесхоз, Брогочи против бригады им. Щорса.

19 мая в Алтухово прибыли новые части « СС», кроме того, отмечены факты пребывания частей противника Острая Лука, Хмелево, Монастырище, обстреливая артпулеметным огнем левый берег реки Десна.

Предположительно противник намечает удар на Гуты, Коломино.»[1]

И аналогичное донесение от 22 мая 1943 года.

«… по большаку Выгоничи-Трубчевск, Выгоничи-Красный Рог, Сосновое Болото, Милечь, Плюсково, Семечки, Погар идут сплошные колоны с живой силой и техникой, помимо немцев есть финны, французы, мадьяры»[2].

Каждый день сообщались новые разведданные.23 мая 1943 года по радио пришло донесение: «В районе Монастырище, что севернее устья реки Навля 200 м через реку Десна противник 19 мая переправил до 200 грузовых машин с живой силой и боеприпасами. Емлютин просит бомбить мост через Десну.»[3]

Все эти донесения свидетельствуют об оперативности работы партизанской разведки и о тесной ее связи с действующими армиями. Но отмечаются сложности с агентурной разведкой (как и на предыдущих этапах партизанского движения). Например, плохо была организована добыча документов противника, недостаточно уделялось внимания повседневному воспитанию агентуры, часто

[1] ГАБО ф.1650 Оп. 1, Д.75, Л.10
[2] ГАБО ф.1650 Оп. 1, Д.75, Л.10
[3] ГАБО ф.1650 Оп. 1, Д.75, Л.11

нарушались элементарные правила конспирации, что являлось основной причиной провалов агентурной сети.

«Масштабы и темпы насаждения спецагентуры в административном аппарате немцев, полицейских и «власовских» формированиях изменников, на важнейших промышленных, ж/д и прочих объектах противника явно отстают от имеющихся возможностей и требований партизанского движения. Несогласованные агентурные мероприятия ряда параллельно действующих в партизанских районах представителей и групп разведорганов создают излишние трудности в процессе разведработы, – особенно при проведении сложных, рассчитанных на длительный срок агентурных комбинаций»[1].

Таким образом, и на данном этапе партизанского движения в области разведывательной работы существовал ряд неустраненных недостатков, характерных для большинства партизанских формирований. Но все-таки в подавляющем числе отрядов разведка велась уже в интересах Красной Армии, и в этом существенное отличие от начального этапа партизанской борьбы.

В целом же, анализируя разведывательную работу в брянских партизанских отрядах в 1941-1943 гг., можно сказать, что данный вид деятельности развивался вместе с самим партизанским движением: от зарождения и становления до размаха и завершения партизанских действий. С приобретением опыта в ведении разведки партизанские отряды переходили на качественно новые ступени разведработы. Сначала велась только маршрутная разведка в интересах отряда, а впоследствии стало приходить понимание важности и необходимости агентурной разведки, а также того, что только согласованные действия партизан и Красной Армии помогут достичь успехов в борьбе с врагом, и именно правильно нацеленная разведка, в том числе и в партизанских отрядах, помогала координировать боевые действия. И зачастую важные разведывательные сведения, своевременно переданные в вышестоящий штаб, могли принести гораздо больше пользы, чем иная боевая операция.

[1] ГАБО ф.1650 Оп. 1, Д.65, Л.108

Связь партизан с местным населением и советским тылом

Горбачева С.Я.
Брянский государственный объединенный краеведческий музей,
г. Брянск, Россия

Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. явилось составной частью общей борьбы советского народа против фашистских захватчиков. Оно оказало неоценимую помощь Советской армии, которая разгромила гитлеровских оккупантов в 1945 г. Главными же условиями успешного развития партизанского движения на Брянщине явились помощь населения партизанам и постоянная забота о них советского тыла.

Создание партизанских отрядов и подпольных групп приходилось проводить в очень тяжелых условиях, обусловленных неудачами наших войск на фронте, быстрым продвижением врага вглубь страны, отсутствием опыта ведения подпольной и партизанской борьбы. Основной тактикой партизан начального периода были внезапные нападения, засады, разрушения средств связи. По сравнению с последующими мощными ударами партизан, эти операции были скромными. Но большое значение имел сам факт борьбы против гитлеровцев, вследствие чего поднимался боевой дух, повышалось настроение мирного населения, укреплялась среди населения вера в возможность успешной борьбы с оккупантами. Особенно активное участие местные жители приняли в сборе оружия и боеприпасов, оставшихся на полях сражений, которые затем передавались партизанам. В Южном Брянском партизанском крае на июнь 1942 г. население собрало, отремонтировало и передало народным мстителям Трубчевского, Суземского, Навлинского, Брасовского, Севского районов 13 танков, 2 танкетки, 5 бронемашин, 137 минометов, 11 орудий, 12300 винтовок, 55 тысяч снарядов, 7 тысяч мин, 112 станковых и 395 ручных пулеметов, 5 миллионов патронов.

О помощи населения Брянщины командир украинского партизанского соединения, впоследствии дважды Герой Советского Союза С.А. Ковпак вспоминал: «Мы узнали от местных жителей, что в районе Хинельских лесов (Севский р-н) танковые и кавалерийские части Красной Армии вели тяжелые оборонительные бои с фашистами. После боев колхозники собрали много различного оружия и снаряжения. После обращения к ним наших уполномоченных о сборе оружия и передаче его партизанам население горячо откликнулось. В течение трех дней привезли столько пистолетов, патронов, седел и другого имущества, что нам хватило экипировать всех бойцов»[1].

Успешное контрнаступление советских войск зимой 1941-1942 гг., приближение линии фронта к Брянщине и появившаяся в связи с этим надежда на скорое освобождение от фашистской оккупации способствовали активизации борьбы брянских партизан. Крупные неудачи немецких войск в декабре 1941 – январе 1942 г. заставили гитлеровское командование бросить на фронт тыловые резервы, поэтому во многих селах Брянщины в это время оккупантов не оказалось, а численность оставленных гарнизонов была невелика.

Это позволило партизанам значительно расширить подконтрольные территории и создать обширные партизанские края и зоны. По призыву подпольных партийных и комсомольских организаций жители многих населенных пунктов Дятьковского района стали со второй половины декабря 1941г. создавать отряды и группы самообороны.

К середине февраля 1942 г. это движение стало всеобщим.14 февраля 1942 г. партизаны совместно с красноармейскими частями овладели г. Дятьково, в городе и соседних населенных пунктах была восстановлена Советская власть. Обороняли партизанский край 10 отрядов численностью 1,7 тыс. человек, а также 25 групп самообороны, насчитывавших около 2 тыс. человек (местных жителей).

Заслуга Брянских партийных организаций состоит в том, что они распространили форму вовлечения фактически всего населе-

[1] Дандыкин, Т.К Во имя павших и живых / Т.К. ДАндыкин. – Брянск: Изд-во «Придесенье», 2000.- С.72-73.

ния в вооруженную борьбу, которая выразилась в создании отрядов и групп самообороны. Эти отряды формировались из местного населения – подростков, стариков женщин. Партизаны выделяли для них трофейные винтовки, боеприпасы, помогали овладеть оружием. Отряды несли охрану населенных пунктов от фашистских оккупантов. Тем самым они оказывали большую помощь партизанским отрядам, являлись боевым резервом партизан.

К апрелю 1942 г. на юге Брянских лесов образовался второй партизанский край, который насчитывал 500 населенных пунктов с населением 200 тыс. жителей. Территорию этого края обороняли около 8 тыс. партизан и примерно столько же из групп самообороны[1].

Помимо двух партизанских краев образовалась обширная (до 200 селений) партизанская зона на территории Клетнянского и частично прилегающих Жуковского, Дубровского, Мглинского и Суражского районов. Успехи партизан признавались и противником. Так в одном из немецких февральских приказов 1942 г. отмечалось, что «в русских селах население сочувствует и помогает партизанам», а профашистская локотская газета «Голос народа» писала: «Население поддерживает партизан… Партизаны держатся по двум причинам: во-первых, - возможность прятаться в лесах и, во-вторых, - поддержка большинством населения, которое не желает выдавать их властям. В результате партизаны создали себе широкую экономическую базу и контролируют многие районы»[2].

Восстановление Советской власти начиналось, в первую очередь, с сельских Советов. Они готовили и созывали общие собрания населения по различным вопросам: оказание помощи партизанским отрядам в изыскании оружия, его ремонте, в обеспечении боеприпасами. Советы проводили большую работу по мобилизации населения на строительство оборонительных сооружений. На территориях сельских Советов организовывались госпитали для раненых и больных партизан, Советы рассматривали и утверждали

[1] История Брянского края: XX в. / под ред. В.В. Крашенинникова. - Брянск, 2003. - С. 275-277.

[2] История Брянского края: XX в. / под ред. В.В. Крашенинникова. - Брянск, 2003. - С. 277.

планы заготовок сельскохозяйственных продуктов для колхозов и населения, проводили весенний сев и уборку урожая, проявляли заботу о расширении посевных площадей для удовлетворения потребностей в продуктах питания партизан и населения, решали вопросы обеспечения партизан одеждой и обувью и многие другие.

Пахотные площади сначала засевали семенами колхозов, когда они кончились, предложили оставшуюся площадь засеять единолично всем, кто имеет семена, т.е. по возможности расширяли площадь посевов.

Одним из важнейших мероприятий явилось создание продовольственных баз для партизанских отрядов своих районов. Немецкие оккупанты стремились оттеснить партизан в леса, лишив их продовольствия, поступающего главным образом из населенных пунктов, прилегающих к лесам. Поэтому важной проблемой явилось создание запасов в лесу на случай временного вынужденного отхода партизан. Большая разъяснительная работа дала свои результаты: население добровольно сдавало мешки зерна, картофеля, крупы; яйца, масло, сознавая всю важность создания баз.

Были отдельные случаи, когда население указывало лиц, не желавших сдавать партизанам продукты и закапывавших их в ямы. В таких случаях при поддержке основной массы населения эти ямы раскапывали и запасы изымались в размерах, доведенных хозяйству натурального налога[1]. Население понимало, что партизаны являются единственными защитниками от произвола оккупантов. С отдельными нездоровыми явлениями – мародерством, незаконным расстрелом, имеющими место в отдельных отрядах (Севском, Хомутовском) органы НКВД повели решительную борьбу. В результате расследований населению во многих случаях были возвращены изъятые продукты и вещи.

К сожалению, в дальнейшем имели место подобные факты. Так, например, в приказе командира объединенных партизанских отрядов Суземского и Комаричского районов № 19/16 от 11 октября 1942 г. говорилось следующее:

[1] ГАБО, ф.1650, оп. 1, ед.хр. 88, с.133

«Бойцы партизанского отряда им. Калинина у граждан Короченковой А., Гапонова Д. полностью забрали сено, заготовленное ими для своего скота (по 3 воза у каждого).

Бойцы партизанского отряда им. Чкалова во время отсутствия хозяев ходили по станам, где размещено население д. Чернь, производили обыски и забирали принадлежащие населению вещи. Считаю такие факты мародерством, позорящим партизан и вызывающим справедливое недовольство населения.

Приказываю:

1. Воспретить бойцам производить самовольные обыски и изъятие вещей у населения. Рассматривать эти факты как мародерство, а виновных немедленно арестовывать и передавать опергруппе для привлечения к ответственности по законам военного времени.

Все незаконно изъятые вещи немедленно возвратить тем людям, у которых изъяты.

Для кормления лошадей использовать ту траву, которая еще стоит на корню, использовать имеющееся в партизанском отряде сено, а также сено, полученное у населения в порядке заготовок.

Командирам партизанских отрядов им. Калинина, им. Чкалова наложить на виновных взыскание и доложить».

20 июня 1943 г. был издан приказ начальника штаба южной оперативной группы №0020.

«Несмотря на мой приказ №0017 от 12.06.1943 до сего времени продолжают иметь место случаи мародерства.

В ночь на 18.06.1943 г. вооруженная группа в количестве 25 человек с автоматами пришла к мирным жителям, начала лазить по повозкам и отбирать коров. Когда жители стали спрашивать «Зачем вы пришли ночью?», - те стали бить их прикладами. Забрали хлеб, коров, после чего скрылись.

По словам местных жителей эта группа принадлежит к партизанскому отряду им. Ворошилова.

Приказываю:

1. Начальнику особого отдела т. Власову, военному прокурору Берестневу в трехдневный срок провести расследование и материалы представить мне.

2. Командирам и комиссарам бригад, отрядов в район расположения лагерей мирных жителей выставить засады, задерживая всех лиц, не имеющих никакого отношения к мирным жителям и партизанским отрядам. В случае сопротивления – применять оружие.

3. На всей территории расположения партизанской бригады ввести единый пропуск. Всех лиц, не имеющих пропуск, задерживать и направлять в особые отделы. Особое внимание обратить на выяснение лиц, занимающихся хищением продуктов, сбрасываемых с самолетов[1]».

Таким образом, налицо факты беспощадной борьбы партизанского командования с мародерством, чтобы ни в коем случае не вызвать недовольства местного населения.

В свою очередь, немецкие спецслужбы, стремясь дискредитировать партизан в глазах местных жителей, стали создавать из уголовников и прочих отщепенцев лжепартизанские отряды, которые занимались грабежом населения. Однако такие банды, маскировавшиеся под партизан на территории Навлинского, Севского, Суземского и некоторых других районов, зимой 1941-1942 г. были уничтожены настоящими партизанами.

Одним из проявлений патриотизма местного населения явилось движение за оказание помощи фронту. Партийные организации партизанских районов развернули массово-политическую работу среди населения, направленную на успешную реализацию военного займа и сбор средств в фонд обороны страны. В населенных пунктах повсеместно проходили митинги, собрания трудящихся, на которых коммунисты и комсомольцы выступали с лекциями, беседами. Тематика их разнообразная: о разгроме немецко-фашистских войск под Москвой и на других участках войны, о целях и задачах партизанских отрядов, о 24 годовщине РККА и ВМФ, о докладе И.В. Сталина 6 ноября 1941 г., о сборе денег, облигаций и ценностей на военный займ, о первомайском (1942) приказе И.В. Сталина и т.д.[2]

---

[1] ГАБО. ф. 1650, оп. 1, ед.хр. 339, л.12

[2] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр.244, л.8

Все это вызывало большой подъем широких народных масс.

11-летний мальчик Витя Кожурин, продавший коньки за 20 рублей, внес эти деньги на заем обороны. Отряды привозили полные мешки денег на Советскую Родину, были собраны облигации, золотые и серебряные вещи[1].

В докладной записке штаба объединенных партизанских групп районов Орловской области центральному штабу партизанского движения 17 июня 1942 г. сообщалось, что «Собраны на заем (наличными) свыше 1 миллиона рублей. Вместе с этим собрано облигаций (ранее выпущенных займов) в Фонд обороны один миллион пятьсот тысяч рублей. Деньги и облигации сданы в областную контору госбанка в г. Ельце.

Приведенные факты показывают высокий морально-политический подъем населения и любовь его к своей Родине. Население живет одним стремлением – отдать все свои силы на быстрейший разгром врага[2].

Конец весны – начало лета 1942 г. стали для партизан Брянщины временем тяжелых испытаний. Крупные силы карателей наносили удары по основным местам их сосредоточения, пытаясь блокировать и разгромить партизанские отряды поодиночке.

В мае войскам карателей удалось вытеснить партизан из ряда селений Суземского, Севского, Брасовского районов. Многие из них были сожжены фашистами, а мирные жители подвергались пыткам, насилиям, массовым расстрелам.

В июне 1942 г. немцы большими силами обрушились на Дятьковский партизанский край. Заняв селение, захватчики сжигали все постройки, уничтожали имущество жителей, взрывали погреба, землянки, колодцы, угоняли скот, а самих жителей частью истребляли, частью угоняли на оборонительные работы, разминирование полей или увозили в Германию.

Новую карательную акцию оккупанты начали в конце июля 1942 г. против южного партизанского края. Немецким, мадьярским войскам и полиции удалось занять около 170 населенных пунктов,

---

[1] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр.88, стр.117

[2] Партизаны Брянщины : (сборник документов). - Тула : Приок. кн. изд-во, 1970.- С.175.

большинство которых было сожжено. Уцелевшая от расправ оккупантов часть населения уходила в леса и присоединялась к партизанам. Это создавало новые трудности: не хватало хлеба и другого продовольствия, выросли нагрузки на небольшой медперсонал при острой нехватке медикаментов, затруднялись возможности быстрых маневренных действий, но, как известно, проведенные в маеиюле 1942 г. карательные операции оккупантов не достигли главной цели – покончить с партизанским движением.

В сентябре 1942 г. оккупанты начали очередную карательную операцию против партизан, находившихся южнее Брянска. Партизаны вместе с населением были вынуждены отходить за реку Навлю. Фашисты сожгли 74 населенных пункта. Побывавшие здесь позже представители ЦК комсомола так писали об увиденном: «Навлинский район был разрушен, сожжен. Сплошные пожарища. Сидоровка, Андреевка, Журавка, Алешенка, Алтухово, Салтановка и десятки других – всюду пепелище, жалкие скелеты колодцев, заборов, трубы развалившихся печей, обгоревшие и искореженные кровати, дико торчавшие из-под куч пепла, углей, кирпичей»[1].

В январе-феврале 1943 г. каратели провели подобные операции в Клетнянских лесах, но самые активные их действия пришлись на весну 1943 г. перед летним наступлением немецких войск на Курской дуге. Были задействованы и тыловые части и снятые с фронта. Только против партизан, действовавших в Навлинских и Суземских лесах, было направлено 5 немецких и 1 венгерская части, крупные полицейские соединения, танковые, артиллерийские и авиационные части.

В ходе кровопролитных боев каратели потеряли убитыми более 3 тыс. солдат и офицеров, но и потери партизан были не меньшими. Не добившись полного успеха в уничтожении партизан, гитлеровцы решили сломить их сопротивление голодом в блокаде.

Партизаны и уцелевшее население питались всякой зеленью, ягодами, грибами, на почве недоедания стала развиваться дистрофия, появилось много дизентерийных больных. Необходима была

[1] История Брянского края : XX в. / под ред. В.В.Крашенинникова. – Брянск, 2003.- С. 281.

помощь с «Большой земли», и за 10 дней был подготовлен новый аэродром, куда по ночам стали прибывать советские транспортные самолеты. Положение для партизан и населения стало легче, а скоро стал созревать хлеб на партизанских полях.

На протяжении всего периода борьбы с оккупантами партизаны придавали важное значение решению продовольственного вопроса. Способы были разные – изъятие продуктов у фашистов, проведение сева и сбор урожая с помощью населения на оккупированной территории, помощь местного населения, советского тыла и т.д.

Об этом свидетельствуют документы: в приказе командира отряда им. Ворошилова И.А. Гудзенко от 26.03.1942 г. №25 (с. Новая Погощь Суземского района) о проведении операции по изъятию заготовленных продуктов для отправки немецким частям предупреждалось, что продукты подлежат изъятию только в указанных селах и то, которое заготовлено для немцев[1].

В предписании председателя исполкома Кокоревского пос. Совета председателям сельсоветов и командирам партизанских отрядов говорилось: «Для удовлетворения нужд партизанских отрядов требуется провести заготовку хлеба не менее 30 тонн, главным образом за счет нового урожая. Для этого мобилизовать все трудоспособное население … рекомендуем для уборки урожая использовать ночное время. Весь скошенный хлеб немедленно вывозить в подготовленные места, производить там обмолот, намолоченное зерно сразу вывозить на склады.

После выполнения плана заготовок остальной урожай подлежит распределению среди населения»[2].

Партизаны оказывали помощь нуждающимся в продуктах мирным жителям.

Командир партизанской бригады им. Сталина Самароков в приказе №604 от 12 января 1943 г. требовал: «Всем командирам отрядов взять на учет все население, составить списки и оказывать всемерную помощь, в первую очередь обеспечить продуктами пи-

[1] ГАБО ф.1650, оп.1, д.739, л.23
[2] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр. 383 № 33

тания остро нуждающихся в этом. К 20 января 1943 г. представить мне доклад о проделанной работе и мероприятиях по обеспечению населения питанием. Дать списки нуждающихся в помощи»[1].

В приказе штаба южной оперативной группы от 29.07.1943 №0124 говорилось о том, что в районе населенных пунктов Новая Погощь, Непарень, Сухарская, Ямное, Мальцево засеяны большие площади картофелем и другими культурами. Указанные пункты противник оставил, снял свои гарнизоны. «Приказываю командирам и комиссарам бригад организовать заготовку продуктов питания. Для переноски заготовленных продуктов к месту дислокации бригад мобилизовать мирное население. В районе реки Нерусса и озера Жерино организовать ловлю рыбы, мобилизовав для этого все имеющиеся рыболовные принадлежности[2]».

Для пополнения продуктовых баз проводилась заготовка рябины, клюквы, желудей (с помощью местного населения). Желуди просушивались, затем размалывались и добавлялись при выпечке хлеба (5%).

В политдокладе секретаря окружкома ВКП(б) за период с 1 января по 31 марта 1943 г. говорилось, что под охраной партизан в лесах живет свыше 20 тысяч мирного населения, связавшего свою судьбу с партизанами. В январе-феврале 1943 г. немцы выгнали из сел в лес 310 семей партизан Выгоничского и Трубчевского районов. Положение населения остается исключительно тяжелым. У большинства семей еще с осени нет продуктов питания, население живет только помощью, которую оказывают партизанские отряды. Скученность, недостаток продовольствия, одежды, обуви вызывают эпидемические заболевания. Только в расположении партизанской бригады им. Сталина проживает 537 семей Трубчевского и Навлинского районов с общим количеством 1770 человек. Это преимущественно старики, женщины и дети. Положение тяжелое. Часть этих семей вынуждены есть дохлую конину. Отряды продолжают оказывать посильную помощь продовольствием. Большую помощь оказывают населению партизанские бригады им. Ча-

[1] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр. 475, л.2
[2] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр. 505, л.13

паева и Ворошилова. Политработники партизанских отрядов систематически проводят среди населения, проживающего в лесу, партийно-политическую работу, делают доклады, организуют читки газет, сообщений Совинформбюро, рассказывают о победах Красной Армии[1].

Орловский штаб партизанского движения в приказе №0039 от 17.08.1943 г. поставил задачу перед партизанским командованием не допустить вывода и вывоза в германское рабство советского населения, совершать налеты на места сосредоточения хлеба, предназначенного для отправки в Германию, уничтожать охрану, а хлеб передавать населению[2].

Советский патриотизм и массово-политическая работа, проводимая партизанами среди населения, давала плоды.

В Уставе №10 Венгерского министерства обороны, изданном 4 отделом Генерального штаба в 1942 г. в разделе «Опыт текущей войны в борьбе с партизанами», говорилось следующее: «Удивительным был для нас фанатизм, бесстрашие к смерти, уверенность русского народа в партизанский способ борьбы, особенно неожиданным для нас был большой размах этого способа. Партизанское движение выступает как народное движение на много сотен километров за передовой линией, в глубине тыла. Коммунисты – руководители партизанского движения очень опасны, потому что они представляются в глазах населения представителями красной власти, которая вернется. Нужно помнить, что нет такого русского человека, которому можно довериться. Часто население знает, что есть партизаны в соседней деревне, но не скажет.

Захваченных партизан нужно беспощадно уничтожать на месте или вешать на виселицы в ближайших деревнях на глазах у населения. Каждого человека, оказывающего непосредственную помощь партизанам, необходимо также уничтожать и об этом оповестить широкие круги населения»[3].

В боевом постановлении по борьбе с партизанским движением на востоке (ноябрь 1942) предлагалось несколько смягчить от-

[1] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр.253, л.95-96
[2] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр.654, л.41
[3] ГАБО ф.1650, оп.1, д.94, лл. 332-333

ношение к населению для привлечения его на свою сторону: «Уничтожение партизанского движения зависит в основном от доверия основной массы населения. Рекомендуем оставлять населению минимум урожая, скота, бессмысленную жестокость и произвол запретить. Убедить население в том, что победа Германии в войне несомненна и возвращение большевиков исключено. Доказать населению, что жизненный уровень немецких крестьян гораздо выше, чем у большевиков. Партизаны должны быть показаны как враги мирного труда. Поощрять деньгами, натурой (продуктами) сотрудничество населения с германскими войсками.

Во многих случаях, с целью защиты осведомителей от партизанской мести оплату их целесообразно держать в строгой тайне[1]».

Но принимаемые оккупантами меры не приносили им ожидаемого результата.

Перед каждым человеком, оказавшимся на оккупированной территории, имелся выбор: либо идти на сотрудничество с захватчиками, а изменники, предатели, каратели-полицаи – это реальность войны, либо попытаться отсидеться, либо в той или иной форме оказывать сопротивление. Последний вариант обязательно был связан с огромным риском для жизни не только отдельного человека, но и его родных и близких, а зачастую и еще многих других людей. Трудный был выбор. Но именно поэтому будет всегда цениться подвиг тех, кто выбрал борьбу. На Брянщине активно действовали подпольные группы, которые собирали сведения о враге, организовывали диверсии, проводили большую агитационно-массовую работу с населением путем распространения листовок и сводок Совинформбюро, срывали вербовку молодежи в Германию – отправляли их в партизанские отряды, собирали оружие, срывали мероприятия немецко-фашистских властей по уборке и заготовке зерна, картофеля, сена, принимали меры к тому, чтобы врагу не досталось продовольствия, активизировали работу по разложению войск противника в батальонах «РОА».

Успешно действовали подпольщики в Сеще, Навле, Комаричах, Унече, Клинцах, Новозыбкове и других местах.

---

[1] ГАБО, ф.1650, оп.1, д.152, л. 10-11

К сожалению, многие мужественные герои сопротивления погибли, но их жизни – неоценимый вклад в общенародную победу над врагом.

Одним из главных условий успешного развития партизанского движения являлась забота о нем ЦК ВКП(б) и Советского правительства. Командование фронтов направляло в тыл врага отдельные воинские группы и отряды, например, в Брянские леса были направлены московские отряды Д. Медведева, А. Шестакова, П. Шемякина и другие. Военный врач отряда А. Шестакова – М. Давыдов вспоминает: «Мне никогда не забыть лица людей из деревен Думлово или Волынь, из Сельцо или Ивот на Брянщине, встретивших наш отряд, пришедший из-за линии фронта. Люди плакали и протирали глаза, щупали наши добротные армейские полушубки и валенки, автоматы и пулеметы. Они словно не верили, что перед ними «живая» Красная Армия»[1].

Присутствие военных представителей Красной Армии в тылу вражеских войск, их боевые действия в первоначальный период способствовали развитию партизанского движения, своими советами они оказывали им помощь в организации разведки, снабжали сводками Совинформбюро, которые размножали и распространяли среди населения, делились вооружением и боеприпасами, помогали связываться со штабами регулярных частей Красной Армии.

С созданием фронтовых штабов партизанского движения (1942) появилась возможность установить тесную связь партизан с советским тылом сначала по радио, а затем при помощи самолетов. Первый партизанский аэродром был подготовлен в конце марта 1942 г. близ с. Слободище в Дятьковском районе, в мае свои аэродромы появились у партизан Навлинского района – близ сел Вздружное и Салтановка, а в июне 1942 г. крупный аэродром был оборудован близ д. Смелиж Суземского района[2].

Партизанам стали регулярно доставлять боеприпасы, взрывчатку, медикаменты, агитационно-пропагандистские материалы, а из партизанских краев вывозили раненых, членов семей партизан,

[1] Дандыкин, Т.К. Страницы подвига / Т.К. Дандыкин. - Тула, 1979. - С. 188.
[2] История Брянского края : XX в. / под ред. В.В. Крашенинникова. - Брянск, 2003. - С. 276.

детей, осиротевших после гибели родителей. Доставка грузов в партизанские отряды производилась в основном авиаэскадрильей 62 отдельного гвардейского авиаполка и 101 авиаполка авиации дальнего действия.

Чтобы полнее представить себе значение вылетов к партизанам советских летчиков и опасности, которыми они сопровождались, познакомимся с отдельными донесениями, сообщениями.

«Экипаж самолета т. Озеркова 5.04.1943 г. был сбит в районе Брянска. Командир экипажа Озерков тяжело ранен, штурман Соловьев убит, радист ранен. Т. Озеркову в партизанском лагере отряда им. Кравцова ампутировали левую ногу. Самолетом Озерков и Русанов были переправлены через линию фронта».

В ночь на 6 августа 1943 г. в районе Шаблыкино юго-восточнее Карачева был сбит самолет 271 авиадивизии 970 авиаполка. Командованию партизанского отряда дано указание летчиков Харламова и Красовского переправить через линию фронта в 62 гвардейский авиаполк».[1]

1 июля 1942 г. кинооператор военной группы политуправления Брянского фронта Вейнерович в донесении сообщал: «Трудно переоценить значение помощи боеприпасами, которую оказало партизанским отрядам командование фронтом… Ежедневно на партизанском аэродроме приземлялись громадные «Дугласы», доставляющие необходимое вооружение, в том числе противотанковые ружья и минометы. Сам факт регулярной связи с «Большой землей» сыграл огромное значение в подъеме боеспособности отрядов».[2]

В письме секретаря Трубетчинского РК ВКП(б) Рязанской области к партизанам Орловской области 2 сентября 1942 г. говорилось о необходимости поддержки постоянной связи с партизанами, готовности тружеников советского тыла оказывать партизанам необходимую материальную и другую помощь. письмо заканчивалось следующими строками: «Посылаем Вам наш скромный подарок и просим приезжать к нам на отдых, рассказывать о своих

[1] ГАБО ф. 1650, оп.1, ед.хр.40, стр.174, 184
[2] ГАБО ф. 1650, оп.1, ед.хр.88, стр.135

славных героических делах. Этим самым Вы воодушевляете трудящихся нашего района на самоотверженную работу в тылу, чтобы ускорить час победы над заклятым врагом».[1]

Подобные письма брянским партизанам присылали и многие другие труженики советского тыла. В свою очередь партизаны направляли письма в действующую армию.

В канун нового 1943 года – 30 декабря 1942 г. комсомольцы партизанской бригады им. Кравцова писали солдатам Брянского фронта следующее: «Комсомольцы и молодежь Брянских лесов заверяют вас, героических сынов нашей Красной Армии в том, что мы, не щадя своих сил, а если потребуется и самой жизни, будем ежедневно и настойчиво делать все для того, чтобы ускорить переход в наступление наших войск и на нашем родном и близком нам Брянском фронте. Примите наши новогодние поздравления».[2]

5 февраля 1943 г. командир объединенных партизанских отрядов Емлютин и зам. начальника БШПД Горшков направили коллективное письмо в 78 партизанских семей, эвакуированных из оккупированной территории Орловской области политорганам партизанских бригад для того, чтобы его довести до сведения всех партизан.

«Разрешите выразить вам глубокую благодарность от семей партизан и раненых партизан, находящихся сейчас на отдыхе в Чкаловском Горьковской обл. детском доме за то, что советское правительство вырвало нас из зверских когтей извергов-фашистов, за то, что предоставило нам такой прекрасный отдых, который мы получили в Чкаловском детском доме… Мы всегда верили и верим, что мы победим. Сейчас мы увидели, как глубоко ненавидят врага все советские люди, работники советского тыла, так же как мы в тылу врага с ненавистью бьем врага, так же работники тыла помогают бить этого врага. Мы выражаем глубокую благодарность за ту помощь, которую вы оказали нам в то время, когда мы нахо-

[1] Партизаны Брянщины : (сборник документов). – Тула : Приок. кн. изд-во, 1970. - С.216.

[2] Партизаны Брянщины : (сборник документов). – Тула : Приок. кн. изд-во, 1970. - С.264-265.

дились в партизанских отрядах… Мы еще будем бить извергов-немцев. У нас еще много ненависти к врагу».[1]

Начальник штаба партизанской бригады им. Щорса Власов Ф.А. в дневнике пишет, что «19 июля 1943 г. мы получили именные посылки от трудящихся Орловской области. Эта забота вызвала подъем среди партизан. За нашими боевыми делами всегда следили орловцы, брянцы, они заботились, оказывали нам всемерную помощь».[2]

Работа аэродромов проводилась в условиях строгой секретности, существовала охрана аэродромов, сигналы посадочных площадок менялись.

В приказе командования объединенных партизанских отрядов западных районов Орловской области №97 от 3 октября 1942 г. говорилось следующее:

«Для обеспечения четкой и бесперебойной работы аэродрома приказываю:

1) Охрану аэродрома возложить на отряд им. Кравцова (командир отряда – тов. Дука).

2) Для обеспечения круглосуточной охраны аэродрома и складов выделить комендантский взвод и обеспечить подступы к аэродрому со стороны Красной Слободы.

3) Выделить в распоряжение командира отряда т. Дуки для обеспечения патрулирования на аэродроме 4-х конников.

4) Доступ на аэродром разрешить только лицам, имеющим специальное разрешение командования на вылет и знающим пароль.

5) Все представители отрядов, прибывшие для получения грузов, являются для разрешения вопросов в Смелиж, имея при себе доверенность на право получения груза.

6) Размещение раненых произвести в жилых домах на восточной окраине Смелижа».[3]

Обозначение посадочных площадок менялось. Как правило, оно проводилось горящими кострами, но разной формой на кон-

[1] ГАБО ф.1650, оп.1, д.297, л.191
[2] ГАБО ф.1650, оп.1, д.317, л.20
[3] ГАБО оп.1650, оп.1, ед.хр.547, стр.188

кретный день: в виде четырехугольника, треугольника, выкладывались кострами буквы «Т», тремя кострами – два в ряд, обозначающие заход на посадку и один отдельно как ограничитель площадки и т.п. На площадке – сигналы фонарями «Летучая мышь» - покачивания и круги. Указывалось количество костров, их направление, цвет ракетных сигналов. 4 августа 1942 г. командир особой авиагруппы при штабе 2 воздушной армии капитан Трутаев докладывал Матвееву о том, что в ночь с 3 августа на 4 августа 1942 г. задание по вылету самолетов в район Вздружное не было выполнено ввиду отсутствия сигналов. Очевидно, изменилась обстановка.[1]

При невозможности выброса груза на площадки рекомендовалось давать сигналы – зеленая и красная ракета вверх, это значит, самолет должен уйти на вторую площадку.

К сожалению, безрезультатные полеты совершались и по другим причинам: неисправности самолетов, которые возвращались на аэродромы с грузом, из-за плохих погодных условий и т.п. Заместитель начальника БШПД А.П. Горшков 26.06.1943 г. просил предупредить летный состав о том, что сброс грузов летчики должны производить с малой высоты (а не 600-800 м как этот сделали отдельные пилоты), иначе груз будет разбрасываться на большие расстояния – в радиусе 6-8 км. Некоторая часть из сбрасываемого груза приходит в негодность в силу того, что часть парашютов не раскрывается и груз разбивается.

Партизанское командование применяло меры по упорядочению приема и лечения раненых и больных партизан, прибывающих для отправки в советский тыл.

В приказе штаба партизанского движения при Брянском фронте от 17 декабря 1942 г. №0017 указывалось на то, что в Москве появляются люди, прибывающие из партизанских отрядов без документов, удостоверяющих их личность или небрежно оформленных – без подписи командира отряда. «В этом большом потоке людей, посылаемых без должной проверки могут проникать самозванцы, дезертиры и другие вредные элементы, поэтому предлагаем комендантам аэродромов навести порядок посадки на самолет,

[1] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр.32, л.53-54

создав очередность посадки, в первую очередь – раненые и больные партизаны, семьи партизан, имеющих малолетних детей и подлежащие эвакуации, но только после тщательной проверки и наличия у них необходимых документов, удостоверяющих их личность и принадлежность к партизанам»[1].

Особенно острую нужду в продовольственных грузах испытывали партизаны и местное население летом 1943 г. во время блокады южной оперативной группы, когда в условиях непрерывных боев партизаны несколько дней питались исключительно травой.

Не имея продовольственных баз, они вынуждены были рассчитывать только на присылаемые самолетами продукты, которые поступали с большими перерывами, нерегулярно. В донесении от 12.07.1943 г. говорилось, что у партизан южного массива брянских лесов находится 300 детей, оставшихся без родителей, до 3000 взрослых – женщин и стариков, а всего партизан и мирного населения насчитывалось до 25 тысяч. Партизанское командование просит оказать помощь продовольствием и боеприпасами и провести бомбардировки указанных населенных пунктов, причем бомбардировки просят проводить днем, так как ночью будут работать самолеты на выброску грузов[2].

Главное управление продовольственного снабжения Красной Армии выделяло для партизан продовольствие, вооружение, боеприпасы и минно-подрывную технику. Грузы в партизанские отряды доставлялись самолетами на посадочные площадки, организованные в зонах расположения партизанских бригад. Этими же самолетами из тыла противника вывозили раненых партизан и семьи партизан – всего 6460 человек (партизан 3442, женщин и стариков – 450, детей – 1557, раненых – 964, больных – 47). Кроме этого было отправлено в тыл противника оперативных работников штаба – 89 человек, радистов – 41, партизан – 160, 20 диверсионных групп»[3].

Для нас, пожалуй, будет представлять большой интерес перечень как продовольственных товаров, так и вооружения и минно-

[1] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр.466, л.1
[2] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр.23, л.16, 20
[3] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр.130, л.4-5

подрывного имущества, которые поступали партизанам из советского тыла.

Из продовольственного довольствия значились следующие продукты: мука, крупа, сухари, консервы, сахар, чай, соль, комбижир, сало, спирт, табак, махорка, спички, масло, мыло, сгущенное молоко, сухие пайки, хлеб.

В донесениях о потребности в обеспечении вещевым имуществом значились маскировочные халаты, валенки, полушубки, носки, варежки, шапки, плащи, пилотки, шарфы, ботинки, обмотки, сапоги кожаные, сапоги брезентовые, нательные рубахи, френчи, пиджаки, пальто, куртки, полотенца, одеяла, простыни, шинели, юбки, свитеры, кофты, гимнастерки, медикаменты.

В ведомости сброшенного минно-подрывного и инженерного имущества называются шары огненные, факелы сигнальные, зажигательные кегли, тол, порох черный, бикфордов шнур, капсюля, электродетонаторы, детонирующие шнуры, мины, термитные шары, аммоний, ломы, кирки, ножницы, лопаты, топоры, пилы, саперные провода, спички тлеющие, электрофонари, батарейки, гранаты[1]. И, конечно же, партизанам поставлялось оружие – автоматы, винтовки, ПТР и патроны к ним, РГД, гранаты, противотанковые мины, винтовочные патроны, ручные пулеметы, гранатные сумки, противопехотные мины, стволы, затворы, замки к пулеметам и т.п.

Все это давало возможность партизанам вести активную борьбу с фашистами, действовать подрывными и диверсионными группами, уничтожать гарнизоны противника, разрушать средства связи, уничтожать склады, мосты на железных и шоссейных дорогах.

Помощь партизанским отрядам вооружением, боеприпасами, минно-подрывной техникой, продовольствием, вещевым и медицинским имуществом сыграла большое значение в развитии партизанского движения и активизации боевых действий.

Партизанское движение было активной формой участия широких народных масс в борьбе против гитлеровцев, стало настоя-

[1] ГАБО ф.1650, оп.1, ед.хр.127, л.171, 333

щим вторым фронтом. Оно свидетельствовало о мужестве советских людей, их вкладе в Победу, т.к. оказало неоценимую помощь Вооруженным силам, разгромившим фашистских оккупантов.

И, конечно, все последующие поколения нашей страны должны относиться с чувством глубокого уважения к тем, кто с оружием в руках отважно защищал свою родную землю и в советском тылу, и на оккупированной врагом территории, и на всех фронтах Великой Отечественной войны.

Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.

Алексашкин Д.Е.
Брянское Епархиальное управление,
г. Брянск, Россия

22 июня 1941 г., в день всех святых, в земле Российской просиявших, Германия напала на Советский Союз. Казалось бы, начавшаяся война должна была обострить противоречия между государством и Церковью. Однако этого не произошло. Складывавшиеся веками национальные и патриотические традиции Русского Православия оказались сильнее обид и предубеждений. Несмотря на духовную несвободу, гонения на них, верующие приняли самое активное участие в борьбе с агрессором.

О нападении на СССР Патриарший Местоблюститель митр. Сергий узнал, вернувшись в свою скромную резиденцию из Богоявленского собора, где он служил литургию. Сразу же ушел к себе в кабинет, написал и собственноручно отпечатал на машинке "Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви". И это было в тот момент, когда многие государственные и партийные руководители пребывали в растерянности - И. Сталин смог обратиться к народу только на двенадцатый день после начала войны. О

каком-нибудь давлении властей на Патриаршего Местоблюстителя при написании им первого военного послания говорить не приходится. «Невзирая на свои физические недостатки - глухоту и малоподвижность, - вспоминал позднее архиепископ Димитрий (Градусов), - митрополит Сергий оказался на редкость чутким и энергичным - свое послание он не только сумел написать, но и разослать по всем уголкам необъятной Родины».

В послании говорилось: "Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину... Жалкие потомки врагов православного христианства хотят еще раз попытаться поставить народ наш на колени перед неправдой... Но не первый раз приходится русскому народу выдерживать такие испытания. С Божией помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу... Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей Родины. Господь нам дарует победу". В своем обращении митр. Сергий нигде не упомянул ни Советский Союз, ни его правительство. Он писал: «... мы, жители России, надеялись, что пожар войны, охвативший почти весь земной шар, до нас не дойдет...» (в этих словах можно найти упрек советским властям, еще в июне 1941 г. уверявшим, что войны не будет). Местоблюститель призывал священников не оставаться молчаливыми свидетелями и тем более не предаваться «лукавым соображениям» о «возможных выгодах» по другую сторону фронта, что было бы, по его словам, «прямой изменой Родине и пастырскому долгу».

Здесь звучал намек на то, что после всех репрессий у некоторых священнослужителей могли появиться подобные мысли. Это пастырское послание было разослано по всем приходам страны и уже вскоре читалось после богослужений.26 июня в Богоявленском соборе митр. Сергий отслужил молебен «о даровании победы». С этого времени во всех храмах Московской Патриархии и стали совершаться подобные молебствия, по специально для них составленным текстам: «Молебен в нашествии супостатов, певаемый в Русской Православной Церкви в дни Отечественной войны». В проповеди, произнесенной Местоблюстителем после молебна 26 июня, также содержалось прямое указание на то, что положение в СССР перед войной было неблагополучно: «Пусть гроза надвига-

ется. Мы знаем, что она приносит не одни бедствия, но и пользу: она освежает воздух и изгоняет всякие миазмы. Да послужит и наступающая военная гроза к оздоровлению нашей атмосферы духовной... Мы уже видим некоторые признаки этого очищения». Так началось активное участие Русской Церкви в патриотической борьбе. В речи на Архиерейском Соборе 1943 г. митр. Сергий, вспоминая июнь 1941 г., говорил: «О том, какую позицию должна занять наша Церковь во время войны, нам не приходилось задумываться...»

26 июля глава Ленинградской епархии митрополит Алексий (Симанский) написал свое обращение к духовенству и мирянам "Церковь зовет к защите Родины". Особенную же известность получило его слово за литургией, произнесенное 10 августа в Московском Богоявленском соборе. Он говорил прежде всего о патриотизме и религиозности русского народа: "Как во времена Димитрия Донского и св. Александра Невского, как в эпоху борьбы с Наполеоном, не только патриотизму русских людей обязана была победа Русского народа, но и его глубокой вере в помощь Божию правому делу... мы будем непоколебимы в нашей вере в конечную победу над ложью и злом, в окончательную победу над врагом". С аналогичными обращениями выступили и другие православные иерархи. Послания главы Русской Православной Церкви носили не только призывный и консолидирующий характер, но и имели разъяснительные цели. В них определялась твердая позиция Церкви по отношению к захватчикам и войне в целом независимо от положения на фронте. Так, 4 октября 1941 г., когда Москве угрожала смертельная опасность, и население переживало тревожные дни, митрополит Сергий выпустил послание к московской пастве, призывая к спокойствию верующих.

В ноябре 1941 г., уже находясь временно в Ульяновске, митр. Сергий издал новое обращение, укрепляющее в народе уверенность в близком часе победы: "Премудрый же и Всеблагий Вершитель судеб человеческих да увенчает наши усилия конечной победой и да ниспошлет успехи воинству русскому, залог нравственного и культурного преуспевания человечества".

Особое внимание в своей патриотической деятельности Русская Православная Церковь уделяла работе с верующими на оккупированной территории. В январе 1942 г. в специальном обращении к православным людям на временно оккупированной немцами территории Патриарший Местоблюститель напомнил, чтобы они, находясь в плену у врага, не забывали, что они - русские, и сознательно или по недомыслию не оказались предателями своей Родины. Одновременно митрополит Сергий призывал содействовать партизанскому движению. Так, в послании было подчеркнуто: "Пусть ваши местные партизаны будут и для вас не только примером и одобрением, но и предметом непрестанного попечения. Помните, что всякая услуга, оказанная партизану, есть заслуга перед Родиной и лишний шаг к нашему собственному освобождению от фашистского плена".

Всего за годы войны Патриарший Местоблюститель обращался к верующим с патриотическими посланиями 24 раза, откликаясь на все основные события в военной жизни страны. Патриотическая позиция Церкви имела особое значение для православных христиан СССР, миллионы которых участвовали в боевых операциях на фронте и в партизанских отрядах, трудились в тылу. Тяжелые испытания и лишения войны стали одной из причин значительного роста религиозности в стране. Представители разных слоев населения искали и находили в Церкви моральную опору и утешение, своеобразную психологическую нишу. Существует множество свидетельств активного проявления религиозных чувств буквально с 22 июня 1941 г. Так, упоминавшийся торжественный молебен 26 июня в Богоявленском соборе Москвы "прошел при исключительно большом стечении народа как внутри, так и вокруг храма".

В посланиях иерархов и проповедях священников Церковь не только утешала верующих в скорби, но и поощряла их к самоотверженному труду в тылу, мужественному участию в боевых операциях, поддерживала веру в окончательную победу над врагом, способствуя тем самым формированию высоких патриотических чувств и убеждений среди тысяч соотечественников. Кроме того, и от имени Церкви подвергались осуждению дезертирство, сдача в

плен, сотрудничество с оккупантами. Все это способствовало изживанию пораженческих настроений, получивших определенное распространение в первый период войны и в конечном итоге, создавало "нравственные условия победы", которые в значительной мере изменили ход военных событий.

Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны. Сотни священнослужителей, включая тех, кому удалось вернуться к 1941 г. на свободу, отбыв срок в лагерях, тюрьмах и ссылках, были призваны в ряды действующей армии. Так, уже побывав в заключении, заместителем командира роты начал свой боевой путь по фронтам войны С. М. Извеков, будущий Патриарх Московский и всея Руси Пимен. Наместник Псково-Печерского монастыря в 1950 - 1960-х гг. архимандрит Алипий (Воронов) воевал все 4 года, оборонял Москву, был несколько раз ранен и награжден орденами. Будущий митрополит Калининский и Кашинский Алексий (Коноплев) на фронте был пулеметчиком; когда в 1943 г. он вернулся к священнослужению, на груди его блестела медаль "За боевые заслуги". Протоиерей Борис Васильев, до войны диакон Костромского кафедрального собора, в Сталинграде командовал взводом разведки, а затем сражался в должности заместителя начальника полковой разведки. А знаменитый старший сержант Павлов, возглавлявший группу советских бойцов, несколько месяцев удерживавших "Дом Павлова" в центре Сталинграда, был до службы в армии монахом и т. д. В докладе Г. Карпова 1 секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову о состоянии Русской Церкви от 27 августа 1946 г. указывалось, что многие представители духовенства награждены орденами и медалями Великой Отечественной войны и приводились конкретные примеры: священник Ранцев (Татарская АССР) - орденом Красной Звезды, протодиакон Зверев и диакон Хитков (Крымская область) - каждый четырьмя медалями и др.

Активно участвовали священнослужители и в партизанском движении. На оккупированной территории они подчас являлись единственным связующим звеном между населением и партизанами. Священники укрывали отставших при отступлении от частей красноармейцев, сбежавших из лагерей военнопленных, вели пат-

риотическую агитацию среди населения, сами вступали в ряды антифашистских отрядов. Десятки их были награждены медалью "Партизану Великой Отечественной войны". В том же докладе Г. Карпова говорится, что в Курской области священник Говоров скрывал у себя бежавших из фашистского плена летчиков и помог им перейти к своим, а протоиерей Семыкин не только помогал пленным красноармейцам, но и после прихода советских войск мобилизовал местное население для дежурства и ухода за ранеными в полевом госпитале.

Особенно многочисленны были примеры участия священнослужителей в антифашистской борьбе на оккупированной территории в "партизанской республике" - Белоруссии. Так, протоиерей Александр Романушко из Полесья с 1942 по лето 1944 г. лично участвовал в боевых операциях, ходил в разведку. В 1943 г. он при отпевании полицая при большом скоплении народа и в присутствии вооруженной охраны прямо на кладбище сказал: "Братья и сестры, я понимаю большое горе, Матери и отца убитого, но не наших молитв и "Со святыми упокой"своей жизнью заслужил во гробе предлежащий. Он — изменник Родины и убийца невинных детей и стариков. Вместо "Вечный памяти"произнесем же: "Анафема". Подойдя к полицаям, он просил их искупить свою вину, обратив оружие против фашистов. Эти слова произвели на людей очень сильное впечатление, и прямо с кладбища многие ушли в партизанский отряд. Из письма о. Александра, посланного осенью 1944 г. митрополиту Алексию (Симанскому) известно, что число священников в Полесской епархии уменьшилось на 55% в связи с расстрелами их фашистами за содействие партизанам.

Можно привести множество подобных примеров. Не случайно даже в выпущенном в годы войны кинофильме "Секретарь райкома" священник помогает партизанам, и в конце фильма набат церковного звона призывает на защиту Отечества. Подробнее о порой очень неоднозначных отношениях духовенства на оккупированной территории с партизанским движением будет рассказано ниже.

Необходимо отметить не только присутствие священнослужителей в составе действующей армии или антифашистского под-

полья, но и обращение к вере многих солдат, офицеров, партизан, в том числе старших командиров. Из свидетельства очевидцев известно, что начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников (полковник царской армии) носил финифтевый образ свят. Николая и молился: "Господи, спаси Россию и мой народ!" Его преемником на посту начальника Генштаба стал сын священника из Кинешмы маршал А.М. Василевский. В освобожденной Вене в 1945 г. по приказу маршала Ф.И. Толбухина (брат которого протоиерей служил все годы блокады в Ленинграде) были отреставрированы витражи в русском православном соборе и отлит в дар храму колокол с надписью "Русской Православной Церкви от победоносной Красной Армии", Неоднократно свои религиозные чувства публично проявлял командующий Ленинградским фронтом маршал Л.А. Говоров, после Сталинградской битвы стал посещать православные храмы маршал В. Н. Чуйков. Широкое распространение среди верующих получила убежденность, что всю войну с собой в машине возил образ Казанской Божией Матери маршал Г. К. Жуков. В 1945 г. он вновь зажег неугасимую лампаду в Лейпцигском православном храме-памятнике, посвященном "Битве народов" с наполеоновской армией. А в конце 1940-х гг., отправленный командовать Одесским военным округом, проезжая Киев, Г. Жуков принес в храм и попросил оставить в алтаре свою "военную" икону Казанской Божией Матери. Естественно, что верующими становились и рядовые солдаты, ежедневно рисковавшие своей жизнью. В одном из писем с фронта, характеризующем типичность ситуации того периода, солдат М.Ф. Черкасов писал домой матери: "Мама, я вступил в партию... Мама, помолись за меня Богу". О росте религиозности в армии в годы войны свидетельствуют архивные документы, очевидцы и даже литераторы, например, писатель В.Ф. Тендряков.

О проявлениях религиозных настроений в войсках, как правило, быстро становилось известно в вышестоящих инстанциях, но те, в основном, ограничивались пассивным наблюдением. Так, 16 февраля 1944 г. при взятии г. Луги советскими войсками генерал Лобанов вызвал в д. Заозерье ранее помогавшего партизанам священника М. С. Образцова и предложил ему в присутствии населе-

ния окрестных деревень, работников штаба и красноармейцев отслужить благодарственный молебен об одержании победы. После молебна генерал публично поблагодарил священника за антифашистскую деятельность. В отчете уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви в Марийской АССР за 1944 г. отмечалось: "... к великому сожалению, церковь посещает даже командный состав воинских частей. Характерный случай: верующие переносили в сентябре месяце иконы из Цибикнурской церкви в Йошкар-Олу, и по пути следования к этим иконам прикладывались... командиры воинских частей и жертвовали деньгами - было собрано 17000 рублей". Г. Карпов, докладывая в ЦК ВКП(б) о праздновании Пасхи в московских и подмосковных храмах в ночь с 15 на 16 апреля 1944 г., также подчеркивал: "Почти во всех церквах города, в том или ином количестве, были военные офицерского и рядового состава, общим числом более 500 человек... В области были также посещения церквей офицерским и рядовым составом. Так, например, в Казанской церкви (с. Коломенское Ленинского района) военных было 50 человек, в церкви Александра Невского (пос. Бирюлево Ленинского района) - 275 человек, в Троицкой церкви г. Подольска -100 человек".

Были случаи, когда с фронтов посылались в Москву телеграммы с просьбами направить в действующую армию материалы с проповедями духовенства Русской Церкви. Так, 2 ноября 1944 г. в Главное политуправление РККА с 4-го Украинского фронта поступила телеграмма, заверенная подполковником Лесновским, с просьбой "по встретившейся надобности в самом срочном порядке выслать материалы Синода для произнесения проповедей в день празднования годовщины Октября, а также ряд других руководящих материалов Православной Церкви". Таким образом, командование хотело откликнуться на настроения солдат. Есть свидетельства о выступлениях в действующей армии не только священников, но и архиереев. Например, о совершении в ноябре 1942 г. под Сталинградом, на другом берегу Волги, митрополитом Николаем (Ярушевичем) молебна перед Казанским образом Божией Матери.

Когда эта решающая битва войны близилась к концу, 19 января Патриарший Местоблюститель в Ульяновске возглавил кре-

стный ход на Иордань. Он горячо молился о победе русского воинства, но неожиданная болезнь заставила его слечь в постель. В ночь на 2 февраля 1943 г. митрополит, как рассказывал его келейник, архимандрит Иоанн (Разумов), пересилив недуг, попросил помочь подняться с постели. Встав с трудом, он положил три поклона, благодаря Богу и затем сказал: "Господь воинств, сильных в брани, низложил восстающих против нас. Да благословит Господь людей своих миром! Может быть, это начало будет счастливым концом". Утром радио передало сообщение о полном разгроме немецких войск под Сталинградом. Показательно для определения значительного роста религиозности рождение в военные годы легенд, объясняющих все крупнейшие победы советских войск: под Москвой, Курском, Сталинградом и другие помощью Небесных сил. Одна из них в современном изложении гласит: "Зимой 1941 г.... изрядно смутившийся Сталин вспомнил свое единственное незаконченное образование - Тбилисскую духовную семинарию ... и призвал к себе в Кремль духовенство для молебна о даровании победы; тогда же ...чудотворная Тихвинская икона Богоматери из Тихвинской в Алексеевском церкви была на самолете обнесена вокруг Москвы и Москву от врага спасла". Но эта легенда, в отличие от некоторых других, практически не опирается на реальные события.

Гражданским подвигом стало поведение духовенства и мирян Ленинграда. В городе и его северных пригородах, оказавшихся в кольце блокады, находилось 10 действующих православных храмов. По предложению митрополита Алексия (Симанского) уже с 23 июня приходы Ленинграда начали сбор пожертвований на оборону. Владыка поддержал желание верующих отдать на эти цели имевшиеся в храмах запасные суммы, порой очень значительные. Особенно активно проявлялось желание оказывать запрещенную с 1918 г. благотворительную помощь. Вспоминали опыт первой мировой войны, когда многие приходы устраивали госпитали. Так, двадцатка Князь-Владимирского собора предложила на свои средства открыть и содержать лазарет для раненых и больных воинов и 8 августа передала на него 710 тыс. из 714 тыс. имевшихся у нее рублей. Однако подобная конкретная благотворительная деятель-

ность осталась под запретом и после начала войны. Приходам разрешили перечислять деньги только в общие фонды - Красного Креста, обороны и т. п. Но даже такое ограничение не погасило воодушевления верующих и духовенства. Храмы отказывались от всех расходов, кроме самых необходимых. Повсеместно солдатам собирали теплые вещи, прихожане жертвовали продовольствие для больных, и т. д. 385 тыс. рублей в первые дни войны выделил Никольский собор, всего же к концу 1941 г. свои взносы сделали все православные приходы Ленинграда на общую сумму 2144 тыс. рублей.

С конца июня 1941 г. храмы стали заметно наполняться народом многие приходили помолиться за своих близких. Но богослужения пришлось приспособить к военным условиям: утром они начинались в 8 часов, вечером - в 16. Молодые церковнослужители ушли в армию, народное ополчение, на оборонное строительство. Оставшиеся изучали средства противопожарной и противовоздушной обороны и возглавили соответствующие группы прихожан, созданные при каждом храме. Были созданы и группы сохранения порядка на случай паники во время богослужения. Среди оборонных мероприятий важное значение имела и маскировка соборов, которые могли бы стать ориентирами и целями при воздушных налетах на город. В августе началась маскировка их золотых куполов с помощью чехлов, маскировочных сетей и окраски в защитный цвет. Фронт стремительно приближался к городу. Немало ленинградцев, среди них и несколько священников, опасаясь за свои семьи, проводившие лето на даче, выехали за ними, но неожиданно сами оказались в оккупации. Один из них, протоиерей Александр Петров, вскоре начавший служить в Гатчинском соборе, в августе 1942 г. был расстрелян фашистами.

8 сентября сомкнулось кольцо блокады. Начались артиллерийские обстрелы города. От снарядов и бомб пострадали Никольский, Князь Владимирский соборы, здание бывшей Духовной Академии, где тогда размещался госпиталь. Даже отдаленная Коломяжская церковь в ноябре 1941 г. подверглась бомбардировке. Один из ее прихожан С. И. Каяйкин был убит прямо в церковной сторожке. Но богослужения в действовавших храмах продолжали

совершаться ежедневно. В первое время по сигналу тревоги молящиеся уходили в бомбоубежище, затем привыкли, и службы зачастую не прерывались, только дежурные МПВО занимали свои места.

К концу сентября фашистские войска под Ленинградом были остановлены. Рано наступившая зима оказалась на редкость суровой. В городе почти прекратилась подача электроэнергии, остановился транспорт, многие здания не отапливались. В храмах температура упала до нуля, порой замерзало масло в лампадах, все больше людей умирало от голода. Протоиерей Николай Ломакин, давая свидетельские показания на Нюрнбергском процессе, рассказывал, что вокруг Никольской церкви Болынеохтинского кладбища можно было в течение целого дня видеть груды гробов 100, 200 гробов, над которыми совершал отпевание священник. Всем ленинградским священнослужителям приходилось постоянно заниматься этим скорбным делом. В кафедральном Никольском соборе митрополит Алексий нередко сам отпевал усопших, обставляя эти службы очень торжественно.

Даже в самую страшную блокадную зиму 1941 - 1942 гг. храмы продолжали функционировать (лишь Серафимовская кладбищенская церковь в январе-апреле 1942 г. была закрыта), давая горожанам духовное утешение и поддержку. Весь период блокады продолжался значительный рост религиозного чувства горожан. Богослужения проходили при переполненных храмах. Один из прихожан Князь-Владимирского собора позднее вспоминал о декабре 1941 г.: "Певчие пели в пальто с поднятыми воротниками, закутанные в платки, в валенки, а мужчины даже в скуфьях. Так же стояли и молились прихожане. Вопреки опасениям, посещаемость собора нисколько не упала, а возросла. Служба у нас шла без сокращений и поспешности, много было причастников и исповедников, целые горы записок о здравии и за упокой, нескончаемые общие молебны и панихиды". Митр. Алексий в своем докладе 8 сентября 1943 г. на Соборе епископов Православной Церкви также указывал: "И мы можем отмечать повсюду, а живущие в местах, близких к военным действиям, как, например, в Ленинграде, в особенности, - как усилилась молитва, как умножились жертвы народа

через храмы Божий, как возвысился этот подвиг молитвенный и жертвенный. Тени смерти носятся в воздухе в этом героическом городе-фронте, вести о жертвах войны приходят ежедневно. Самые жертвы этой войны часто, постоянно у нас перед глазами...".

Ленинград сражался не только силой оружия, но и молитвой Церкви, силой общего воодушевления. В чин Божественной Литургии вводились специальные молитвы о даровании победы нашему доблестному воинству и избавлении томящихся во вражеской неволе. Служился тогда и особый молебен "В нашествии супостатов, певаемый в Отечественную войну". Позднее на некоторых богослужениях в Никольском кафедральном соборе присутствовало командование Ленинградским фронтом во главе с маршалом Л. А. Говоровым.

Голодная блокада не щадила и священнослужителей. Только в Князь-Владимирском соборе в 1942 г. умерло 8 служащих и членов клира: 2 приписных священника, протодиакон Георгий Верзилов, бывший регент хора, сторож и певчий Воробьев, 3 дворника, а также бессменный председатель двадцатки И.М. Куракин. В Никольском соборе прямо за богослужением умер регент, звонарь А.А. Климанов, не пережил голодную зиму и келейник митрополита Алексия инок Евлогий.

Можно привести много примеров подвижнического служения ленинградского духовенства. "Всю войну не было дня, чтобы отец не пошел на работу, - вспоминала балерина Кировского театра И.В. Дубровицкая о своем отце, протоиерее Никольского собора Владимире Дубровицком. Бывало, качается от голода, я плачу, умоляю его остаться дома, боюсь - упадет, замерзнет где-нибудь в сугробе, а он в ответ: "Не имею я права слабеть, доченька. Надо идти, дух в людях поднимать, утешать в горе, укрепить, ободрить". И шел в свой собор. За всю блокаду обстрел ли, бомбежка ли - ни одной службы не пропустил". Священнослужители, сами испытывая все невзгоды, понимали, как нуждаются люди в поддержке, утешении. А ведь многие из них, уже очень немолодые, жили далеко от своих храмов.

Даже старейший протоиерей Иоанн Горемыкин на восьмом десятке лет каждый день пешком добирался с Петроградской сто-

роны в Коломяги. Сохранились свидетельства прихожан, что он порой последний паек свой отдавал голодающим. Отец Иоанн благословлял земляков на фронт, а сыну, работавшему в городе главным инженером одного из военных заводов, сказал: "Как это так? Все идут защищать Родину, а мой сын будет отсиживаться?". И Василий Горемыкин пошел в армию. Командующий фронтом Л. А. Говоров, узнав об этом, специально приезжал в Коломяжскую церковь благодарить отца-протоиерея. Правда, другой сын пастыря Дмитрий только за то, что он служил священником в церкви на оккупированной территории Ленинградской области, был в 1944 г. арестован и отправлен на несколько лет в лагерь.

Священники и их паства в блокированном городе жили одной судьбой. Вокруг храмов существовали объединения людей, которые помогали друг другу выжить, выстоять. Так, например, автономно, без какого-либо существенного вмешательства городских властей функционировала община обновленческого Спасо-Преображенского собора. В его подвале было оборудовано бомбоубежище на 500 чел. для прихожан и жителей окрестных домов, в котором старались поддерживать тепло. Имелся кипяток, запас медикаментов, в случае необходимости, в подвале можно было переночевать. Нуждающимся людям помогали деньгами, дровами, свечами, маслом для освещения и т. д. В соборе с довоенных времен имелся запас строительных материалов, и прихожанам делали из железных листов печи для обогрева квартир, выделяли фанеру, картон, чтобы заменить ими выбитые взрывной волной оконные стекла.

Несмотря на оказываемую помощь, люди умирали. К весне 1942 г. из 6 членов предвоенного клира в Преображенском соборе в живых осталось лишь двое - протопресвитер Павел Фруктовский и протодиакон Лев Егоровский. Оба они жили на очень большом расстоянии от храма: настоятель на Васильевском острове, у Смоленского кладбища, протодиакон же - за городом, в Парголово. Но даже в самую тяжелую пору они постоянно служили в соборе. В ходатайстве прихожан осенью 1943 г. о награждении Фруктовского медалью "За оборону Ленинграда" говорилось: "...в зиму 1941-42 г., когда отсутствовало трамвайное сообщение, а живет отец Павел

от собора 15 км., он, опухший от недоедания, в возрасте 65 лет, ежедневно посещал собор, он был единственный священник, временами он приходил на службу совсем больной и домой уже не мог возвращаться и ночевал в холодном соборе". Много месяцев Фруктовский обслуживал приход на пределе физических возможностей: он один и литургисал, и исповедовал, и отпевал, и совершал все требы. Но община выстояла. Весной 1942 г. она приступила к уборке прилегавших к храму площади и улиц, начала обрабатывать выделенный ей для огорода участок земли.

Приближалась первая военная Пасха (5/18 апреля). В праздничном послании митр. Алексия подчеркивалось, что в этот день исполняется 700 лет со дня разгрома немецких рыцарей в Ледовом побоище св. князем Александром Невским - небесным покровителем города на Неве. Пасхальное богослужение собрало много народа, однако, меньше, чем год назад: сказывались последствия войны. Каждый третий житель города умер от голода, в первой половине 1942 г. развернулась массовая эвакуация. Важно отметить, что практически все служащее духовенство осталось на своих местах. Эвакуировались лишь заштатные священнослужители. Многие верующие вместо куличей освящали кусочки блокадного хлеба.

Богослужение было перенесено на 6 часов утра, что позволило избежать больших жертв. Именно к Пасхе гитлеровцы приурочили особенно яростный налет на Ленинград. Так, серьезные повреждения были нанесены в Пасхальную ночь Князь-Владимирскому собору. Фашистские самолеты не только сбрасывали на него бомбы, но и обстреливали на бреющем полете из пулеметов. Согласно акту специальной комиссии под председательством митр. Алексия, общий ущерб от попадания снарядов и бомб в собор с августа 1941 по 1 мая 1943 г. составил 5514 тыс. руб. В 1943 г. особенно часто обстреливался Никольский собор, однажды в него попали 3 снаряда, причем осколки врезались в стену покоев митрополита. Владыка вошел в Алтарь, показал причту осколок снаряда и, улыбаясь, сказал: "Видите, и близ меня пролетела смерть. Только, пожалуйста, не надо этот факт распространять. Вообще, об обстрелах надо меньше говорить... Скоро все это кон-

чится. Терпеть недолго осталось". Следует отметить, что представители духовенства наравне со всеми жителями несли труды по обороне города, входили в группы самозащиты МПВО. Например, в справке, выданной 17 октября 1943 г. архимандриту Владимиру (Кобецу) Василеостровским райжилуправлением, говорилось, что он "состоит бойцом группы самозащиты дома, активно участвует во всех мероприятиях обороны Ленинграда, несет дежурства, участвовал в тушении зажигательных бомб".

Активно включилось духовенство города в подписку на военные займы; сбор пожертвований в фонд обороны. К 1 июня 1944 г. сумма таких пожертвований достигла 390 тыс. руб., в том числе митрополит внес 50 тыс., а протодиакон Л.И. Егоровский, сдавший 49 тыс., получил персональную телеграмму с благодарностью от И. Сталина. Однако основной поток пожертвований шел от мирян. Всего же верующие ленинградцы за 1942 г. собрали 1485 тыс., а за 1943 - 5051 тыс. руб.

Торжественно и празднично отмечалось ленинградским духовенством и мирянами полное освобождение города от вражеской блокады. Во всех храмах по благословению митрополита 23 января 1944 г. были совершены благодарственные молебствия, перед началом которых настоятели читали слово митр. Алексия: "Слава в вышних Богу, даровавшему нашим доблестным воинам новую блестящую победу на нашем родном, близком нам Ленинградском фронте... Эта победа окрылит дух нашего воинства и как целительный елей утешения падет на сердце каждого ленинградца, для которого дорога каждая пядь его родной земли..." 28 января Владыка вместе с членами областной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков посетил освобожденные пригороды - Петергоф, Пушкин и под впечатлением увиденной картины варварского разрушения дворцов и храмов написал гневную статью для "Журнала Московской Патриархии".

Религиозный подъем в епархии на заключительном этапе войны наглядно подтверждают статистические данные по Ленинграду. Например, если в Никольском соборе в первой половине 1944 г. было совершено около 86 тысяч треб, то в первом полугодии 1945 г. - 110 тыс. Количество отпеваний покойников составля-

ло в 1 квартале 1944 г. 42,8% всех захоронений на кладбищах Ленинграда, во II квартале - 48,2%. В результате значительно выросли доходы городских священнослужителей - в 1945 г. в среднем по разным оценкам на 130 - 180% и превысили аналогичные показатели в Москве более чем в 3 раза, выйдя на третье место среди всех крупных городов СССР.

Подъем проявился и в том, что с освобождением Ленинграда от блокады патриотическое движение верующих в епархии еще более усилилось. Только за 3 первых послеблокадных месяца было собрано 1 млн. 191 тыс. рублей. Ленинградцы горячо поддержали митр. Алексия, 25 октября 1944 г. опубликовавшего послание об открытии всецерковного сбора в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии. Общая сумма патриотических взносов духовенства и мирян Ленинградской епархии за июль 1941 - июнь 1945 гг. составила 17 423,1 тыс. рублей, в том числе 16 274,5 тыс. собрали жители города на Неве.

Таким образом, обращение к Церкви в блокадном Ленинграде носило массовый характер, более значительный, чем во многих других районах страны. Религиозный фактор сыграл очень существенную роль в обороне города. Действовавшие весь период блокады храмы активно способствовали мобилизации материальных средств и духовных сил ленинградцев.

Материальная помощь государству и советской армии в целом стала одним из самых важных направлений патриотического служения духовенства и верующих в период войны. Уже с лета 1941 г. не только ленинградские, но и практически все православные приходы страны начали сбор денежных пожертвований и ценных предметов в фонд обороны, хотя всецерковный призыв "трудами и пожертвованиями содействовать нашим доблестным защитникам" митрополит Сергий огласил 14 октября. Особенно активно в первые месяцы проявило себя духовенство Горького и Харькова. Протоиерей единственной церкви г. Горького А.А. Архангельский в апреле 1942 г. писал Патриаршему Местоблюстителю: "Любовь к родине, защита ее целостности от врагов была заветом всех православных христиан. Поэтому верующие особенно горячо отнеслись к призыву о помощи на нужды фронта, на нужды и

помощь раненым бойцам. Достаточно указать, что нами собрано пожертвований и передано в Фонд обороны свыше двух миллионов рублей. Верующие охотно несли по примеру своих предков не только деньги, облигации, но и лом серебра, меди и другие вещи, обувь, полотенца, полотно и пр. Было заготовлено и сдано немало валяной и кожаной обуви, шинелей, носков, перчаток, белья. Одной шерсти перевязали на носки более 4 пудов. Был организован особый сбор на подарки для бойцов в день годовщины Красной Армии, давший свыше 30 000 рублей. Подарки были разнесены по госпиталям для раненых, которые сердечно приняли такую внимательную о них заботу. Выпуск денежной вещевой лотереи также встретил поддержку среди верующих. Церковный совет внес за билеты 35 000 руб. с переводом их непосредственно в Фонд обороны для Красной Армии". В Саратове за 1943 г. верующие собрали 2339 тыс. руб., а к 15 сентября 1944 г. еще 1350 тыс. руб., из них 600 тыс. на строительство 6 самолетов эскадрильи имени Александра Невского.

В конце 1944 г. каждая епархия прислала в Синод отчеты о своей патриотической деятельности по специальной форме. Выяснилось, что к этому времени общая сумма церковных взносов на нужды войны по предварительным неполным данным составила более 200 млн. рублей, в том числе по Горьковской области - 9234 тыс., Ставропольскому краю - 6130 тыс., Свердловской области - 4615 тыс., Красноярскому краю - 4179 тыс. и т. д. Лишь священнослужители Кемеровской области, в основном принадлежавшие к "непоминающим", не признавали компромиссов митрополита Сергия с советской властью и к маю 1944 г. никакой церковно-патриотической работы еще не проводили.

Особую страницу составляет создание на церковные средства танковой колонны "Димитрий Донской". Не существовало почти ни одного даже сельского прихода на свободной от фашистов земле, не внесшего свой вклад в общенародное дело. В воспоминаниях о тех днях протоиерея церкви села Троицкого Днепропетровской области И.В. Ивлева говорится: "В церковной кассе денег не было, а их надо было достать... Я благословил двух 75-летних старушек на это великое дело. Пусть их имена будут известны людям: Ков-

ригина Мария Максимовна и Горбенко Матрена Максимовна. И они пошли, пошли уже после того, ка квесь народ уже внес свою посильную лепту через сельсовет. Пошли две Максимовны просить Христовым именем на защиту дорогой Родины от насильников. Обошли весь приход - деревни, хутора и поселки, отстоявшие в 5 - 20 километрах от села, и в результате - 10 тысяч рублей, сумма по нашим разоренным немецкими извергами местам значительная".

Собирались средства на танковую колонну и на оккупированной территории. Примером тому - гражданский подвиг священника Федора Пузанова из села Бродовичи-Заполье. На оккупированной Псковщине для строительства колонны он сумел собрать среди верующих целую котомку золотых монет, серебра, церковной утвари и денег. Эти пожертвования на общую сумму около 500 тысяч рублей были переданы партизанами на Большую землю.

40 танков "Т-34", которые составили общецерковную танковую колонну, были построены на заводе Челябинска. Их передача частям Красной Армии состоялась у деревни Горелки, что в 5 километрах северо-западнее Тулы, по месту расположения комплектующих военных лагерей.

На торжественном митинге в день передачи колонны, 7 марта 1944 г., выступил митрополит Николай (Ярушевич). Он весь период войны был одним из основных организаторов и руководителей патриотической деятельности духовенства Московской Патриархии. Уже летом 1941 г., будучи экзархом западных областей Украины и Белоруссии, владыка был вынужден покинуть свою резиденцию в Луцке, и, переезжая с места на место в прифронтовой полосе, своими богослужениями и проповедями поддерживал дух местного населения. Патриарший Местоблюститель одобрил его инициативу и 15 июля 1941 г. назначил митрополитом Киевским и Галицким, экзархом всея Украины. Но 19 сентября Киев был оставлен советскими войсками и владыка Николай эвакуировался в Москву и в период пребывания митрополита Сергия в эвакуации в Ульяновске в октябре 1941 - августе 1943 гг. был управляющим Московской епархии. Сохранилась обширная переписка между митрополитами Николаем и Сергием того времени. В ней, в частно-

сти, говорилось, что 25 патриарших храмов Москвы и пригородов ко дню рождения советской армии - 23 февраля 1942 г. собрали 1159 тыс. рублей, а к 1 мая на подарки военнослужащим - 541 тыс. рублей. Под руководством Владыки Николая московские приходы внесли также 2 млн. рублей на танковую колонну "Димитрий Донской", свыше 1 млн. - на эскадрилью "Александр Невский" и т. д. Сам митрополит неоднократно выступал с патриотическими воззваниями и обращениями, а 2 ноября 1942 г. был утвержден одним из 10 членов Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. В этом качестве он совершил десятки поездок по разрушенным в ходе боев районам.

С каждым годом войны сумма церковных взносов заметно росла. В 1943 г. саратовские православные клирики и миряне 131 тыс. рублей внесли на восстановление Сталинграда, а новосибирские - 110 тыс. на строительство сибирской эскадрильи "За Родину". Но особенное значение в заключительный период войны имел начатый в октябре 1944 г. сбор средств в фонд помощи детям и семьям бойцов Красной Армии. 10 октября в своем письме к И. Сталину возглавлявший Русскую Церковь после смерти митрополита Сергия митрополит Ленинградский Алексий писал: "Эта забота со стороны всех верующих нашего Союза о детях и семьях наших родных воинов и защитников да облегчит великий их подвиг, а нас да соединит еще более тесными духовными узами с теми, кто не щадит и крови своей ради свободы и благоденствия нашей Родины". Еще в мае 1944 г. митр. Алексий и его сестра А. Погожева передали свою дачу на станции Сиверская под детский дом детей погибших солдат и офицеров. После освобождения части территории СССР ее духовенство и миряне также активно включались в патриотическую работу. Так, в Орле после изгнания фашистских войск было собрано 2 млн. рублей. "День освобождения Донбасса" - 10 сентября, в 1944 г. священники Ворошиловградской области ознаменовали сбором денежных средств - 202 тыс. рублей в фонд Красной Армии. Епископ Уманский Иосиф (Чернов) в апреле 1944 г. сразу же после вступления советских войск в город обратился с воззванием к его жителям: "Поздравляем

вас с освобождением от иноверцев - немецких оккупантов... мы призываем вас... помочь вашими пожертвованиями через Церковь или банк в Фонд обороны страны... Женщины и девушки! Не пожалейте своих колец и серег, своих ценностей, шейных крестиков и других золотых и серебряных предметов, они пойдут на помощь вашим мужьям и братьям. Помогите стране! Боголюбивые старушки! Не пожалейте для ваших сыновей ничего, ваша лепта будет принята самим Господом... да вознаградит вас Господь здесь и в загробной жизни". В рапорте благочинного Черкасского района Киевской области протоиерея Е. Телишенко Патриарху говорилось, что сразу же после освобождения Черкасс 14 ноября 1943 г. он призвал к сбору пожертвований на оборону страны, и в результате к 1 июля 1945 г. было собрано 223 тыс. рублей и 39 тонн продуктов. Монахи Киево-Печерской Лавры за 1944 г., хотя из 30 тыс. рублей их ежемесячных доходов 25 тыс. выплачивалось в виде налогов, дополнительно внесли на оборону страны более 70 тыс. рублей и т. д.

В советских документах можно встретить самые разные суммарные цифры патриотических взносов Русской Церкви в годы войны от 50 млн. до 10 млрд. рублей. Но если первая цифра явно занижена, то вторая представляется многократно завышенной. По подсчетам Московской Патриархии, к лету 1945 г. было собрано более 300 млн. рублей, не считая драгоценностей, вещей и продуктов. Эту же цифру указывает в своем отчете в ЦК ВКП(б) от 27 августа 1946 г. Г.Г. Карпов. Реально общая сумма была больше как минимум на несколько десятков миллионов, так как далеко не везде был организован четкий учет взносов даже прихожан Патриаршей Церкви, не говоря уже об обновленцах, григорианах и иосифлянах. Естественно, не учитывались и суммы, вносимые верующими под влиянием призывов иерархов Церкви непосредственно в банки.

Трудно назвать все виды патриотической деятельности духовенства. К ним относятся и антифашистские послания к народам захваченных Германией стран, и постановление Архиерейского Собора 8 сентября 1943 г. "Осуждение изменников вере и отечеству", в котором говорилось, что "всякий виновный в измене обще-

церковному делу и перешедший на сторону фашизма, как противник Креста Господня, да числится отлученным, а епископ или клирик - лишенным сана". В прифронтовой полосе при храмах существовали убежища для престарелых и детей, а также перевязочные пункты, особенно в период отступлений 1941 - 1942 гг., когда многие приходы взяли на себя попечение об оставленных на произвол судьбы раненых. Участвовало духовенство и в рытье окопов, организации противовоздушной обороны, мобилизуя людей, утешая потерявших родных и кров. В тылу, в сельских местностях, бывали случаи, когда священники после воскресной литургии призывали верующих вместе с ними выйти на колхозные поля для выполнения тех или иных срочных работ.

Особенно много священнослужителей трудилось в военных госпиталях. Такие госпитали были устроены в значительной части монастырей и находились на полном содержании и обслуживании монашествующих. Так, например, сразу же после освобождения Киева в ноябре 1943 г. Покровский женский монастырь исключительно своими силами организовал госпиталь, который обслуживали в качестве Медсестер и санитарок насельницы обители, а затем в нем разместился эвакогоспиталь, в котором сестры продолжали работать до 1946 г. Монастырь получил несколько письменных благодарностей от администрации за отличное обслуживание раненых, а настоятельница игуменья Архелая была представлена к награждению орденом за патриотическую деятельность. Настоятельницу другого Одесского Михайловского женского монастыря игуменью Анатолию (Букач) наградили медалью "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", так как она с сестрами оказала советской армии большую помощь медикаментами, продуктами и одеждой.

Слишком активную, по мнению властей, помощь духовенства госпиталям они порой даже пытались ограничить. Так, 12 мая 1943 г. заместитель наркома государственной безопасности Б.З. Кобулов писал секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову: "По сообщению УНКВД по Тульской области, в г. Калуге местный епископ православной церкви Питирим обратился к командованию госпиталя № 2751/ФЭП №1 с предложением принять шефство над госпиталем.

Согласовав этот вопрос с ... политотделом Западного фронта, командование госпиталя приняло предложение... В дальнейшем, осуществляя это шефство, церковный совет собрал среди верующих 50 000 рублей, приобрел на них до 500 подарков, которые были розданы раненым... На те же средства церковники купили и передали госпиталю плакаты, лозунги, портреты руководителей партии и правительства, нанимали парикмахеров, баянистов и т. д. В апреле месяце силами церковного хора в госпитале дважды устраивались концерты с программой русских народных песен и песен советских композиторов. Получив эти сведения, НКГБ СССР приняты меры к недопущению впредь попыток со стороны церковников входить в непосредственные сношения с командованием госпиталей и ранеными под видом шефства".

В Красноярске в годы войны в должности главного хирурга эвакогоспиталя трудился епископ Лука (Войно-Ясенецкий), - известный ученый-медик, прошедший лагеря и ссылки. Благодаря его операциям, большому числу раненых воинов были сохранены жизнь и здоровье. В кабинете, операционной владыки висели иконы, и каждую операцию он начинал с молитвы. Это вызвало недовольство Г. Карпова, и 4 мая 1944 г. председатель Совета по делам Русской Православной Церкви попросил митрополита Сергия принять соответствующие "меры воздействия". И все же в 1945 г. за капитальный труд "Очерки гнойной хирургии" возведенному в сан архиепископа Луке была присуждена Сталинская премия 1 степени, большую часть которой он пожертвовал на помощь сиротам.

Всего за патриотическую деятельность почти 40 представителей духовенства были награждены медалями "За оборону Ленинграда" и "За оборону Москвы", более 50 удостоены медали "За доблестный труд в Великой Отечественной войне", несколько десятков - медали "Партизану Великой Отечественной войны".

Начавшаяся 22 июня 1941 г. война, вопреки ожиданиям многих, не обострила отношения Московской Патриархии с государством. Церковь не поддалась искушению рассчитаться за нанесенные ей жесточайшие удары. Патриотизм православного духовенства и мирян оказался сильнее обид и ненависти, вызванных долгими годами гонений на религию. С первого дня Отечественной войны ру-

ководство Московской Патриархии призвало народ к защите Родины и этим поддержало и государство. Такая позиция Церкви была особенно важна в свете значительного роста религиозности в первой половине 1940-х гг. как среди мирного населения, так и среди военнослужащих. Она создавала, по словам митрополита Алексия, "нравственные условия победы". Религиозный фактор сыграл очень существенную роль в изменении поначалу неблагоприятного для СССР хода боевых действий. Проявления патриотической деятельности Русской Церкви были очень многообразны: морально-нравственное влияние (через послания, обращения, проповеди); сбор денежных средств, драгоценностей, медикаментов, одежды, продуктов в фонд обороны; служба церковнослужителей в рядах действующей армии и участие в партизанском движении; помощь раненым бойцам шефством над госпиталями и созданием санитарных пунктов; участие в сооружении оборонительных укреплений, организации противовоздушной обороны и т. д. Личным примером духовенство Московской Патриархии призывало народ к мобилизации всех сил в помощь обороне и укреплению тыла. Все это не могло не оказать воздействие и на религиозную политику советского правительства.

Брянский район. Первый период войны на брянской земле (июнь – ноябрь 1941года)

Слюнченко Ю.И.
Муниципальный историко-краеведческого музей
Брянского района,
Брянская область, Россия

В грозном сорок первом танковые армады генерала Гудериана, рвавшиеся к сердцу России – Москве, споткнулись на брянские оборонительные укрепления.

В первую неделю войны около 10 тысяч мужчин Брянского района были призваны в действующую армию. Таким образом, вся

тяжесть сельскохозяйственных работ легла на плечи женщин и стариков. Техника осталась без механизаторов. Из МТС Брянского района ушло на фронт 70% трактористов и комбайнеров. Со 2 июля 1941 г. решением обкома ВКП(б) начали готовить женщин-механизаторов на спецкурсах при МТС. Первой заботой была уборка урожая. Осознавая важность этого мероприятия, колхозники сельхозартели «Ленинская Искра» Госомского сельсовета 4 июля выразили общее мнение жителей Брянщины: «Мы знаем, что каждый убранный гектар урожая на наших полях будет помощью нашей доблестной Красной Армии, а поэтому мы должны работать еще больше и лучше, без паники и всяких колебаний».

В первой декаде августа Брянский район уже дал план государству по уборке зерна. Обмолот проводился круглосуточно, несмотря на то, что с июля район стал прифронтовым.

Ввиду создавшегося с начала войны чрезвычайного положения Президиумом Верховного Совета СССР, ЦК ВКП(б) и СНК СССР 30 июня 1941 г. был создан Государственный Комитет Обороны (ГКО), который принял решение о строительстве рубежей обороны для армий второго эшелона Западного фронта на линии Ржев – Вязьма – Киров – Брянск – Трубчевск (по реке Десне и ее притокам).

В течение трех дней было сформировано управление по строительству оборонительных сооружений. Руководителем 5-го Управления стал М.М. Мальцев, комиссаром назначен А.С. Антоненко, главным инженером И.А. Козлов. Сразу же рабочих – строителей направили к месту назначения. На строительство брянских рубежей, так называемый объект «Н», были посланы почти все московские строительные организации. На брянский железнодорожный узел прибыли также и стрелковые дивизии (89-я, 120-я, 145-я, 217-я, 222-я), сосредоточившиеся сразу по рубежу Жуковка – Жирятино – В. Крупец – Почеп – Трубчевск, и совместно со строителями приступили к сооружению укрепленных рубежей.

3 июля на станцию Брянск-II прибыло 9 эшелонов со студентами московских и воронежских ВУЗов в помощь строителям. Это до 12 тысяч человек.

В Орловский обком партии 4 июля пришла директива, в которой говорилось, что «По заданию Генерального штаба РККА ГУШОСДОР НКВД СССР силами местного населения ….» следует строить объект «Н». 7-го числа были мобилизованы все силы.

На глубине обороны в 1,5 – 2 км надо было строить 8-12 укреплений для орудийных и пулеметных точек, 36 – для ручных пулеметов, 9 – для противотанковых ружей, 36 – стрелковых окопов. Система сооружений включала в себя: противотанковый ров размером 5 – 5,5 м по верху и глубиной 2 – 2,5 м, огневые сооружения – доты, дзоты, железобетонные и металлические колпаки, убежища от огня противника для людей и техники, наблюдательные и командные пункты для управления боем, противотанковые препятствия… Объем работы был очень велик. Сроки были сжатые. Техники не хватало при строительстве рубежей, т.к. большая ее часть была передана из колхозов в армейские подразделения. Свою тягловую силу – лошадей – приводили сельчане. В Брянск, Дятьково, Навлю и другие города Брянщины прибывали строители из Рязани, Тамбова и др. Основные части для дотов и дзотов готовили в леспромхозах и деревообрабатывающих комбинатах прифронтовых районов области.

В полосе обороны (будущего Брянского фронта) первая линия была сплошной и проходила от Новгород-Северского по реке Десне и далее через населенные пункты Суворово, Деревск, Погар, Посудичи, Березовка, Севастьяны, Баклань, Котляково, Рогово, Витовка, Почеп, Калиновка, Сетолово, Азарово, Дмитрово, Рудня, Жаги, Высокое, Б.Коски, Столбы, Быковичи, Белоголовль, Летошники, Ятрово, Мещовск, Вязовск, Владимировка.

Вторая линия обороны – Пильшино, Ольховка, Н. Николаевка, Слепынь, Страшевичи, Госома, Сельцо, Чернетово, Домашово, Лавшино.

Третья линия – Боровка, Фокино, Дарковичи, Глаженка, Бежица, Меркульево, Коростовка (ныне Отрадное), Полужье и дальше по реке Десне.

На строительстве военных объектов за июль-сентябрь 1941 г. участвовало 130608 человек. Строители, при возведении рубежей, размещались в близлежащих населенных пунктах, но чаще распо-

лагались в шалашах и землянках. Стройматериал поступал из Брянска, Бежицы и пос. Цементный (ныне г. Фокино). Досрочно возведенные рубежи как нельзя кстати пригодились нашим войскам.

Бои еще шли под Минском, а на Брянск уже падали бомбы на четвертый день войны. Враг приближался к границам западных районов Орловской области, куда входила Брянщина.

С самого начала войны Брянский железнодорожный узел играл огромную роль в перевозках народнохозяйственных грузов, вооружения, эвакуации раненых и беженцев из западных районов, а также войск, в частности таких армий, как 3-я, 13-я, 19-я, 20-я, 21-я, 28-я, 50-я и другие.

С 10 июля развернулось на западном (Московском) направлении Смоленское сражение, длившееся почти два месяца. С его началом прибывшие дивизии 28-й армии генерала В.Л. Качалова (кроме 217-й-с.д.) были переброшены в район Рославля. С их уходом строительство линий обороны не прекратилось. Было привлечено все трудоспособное местное население таких районов, как Брянский, Жирятинский, Жуковский, Выгоничский, Дубровский, Рогнединский, Брасовский, Навлинский, Дятьковский, Карачевский, Почепский, Клетнянский, Людиновский. Ответственность за работы местного населения была возложена Орловским обкомом ВКП(б) на первых секретарей горкомов и райкомов.

14 июля вышло Постановление ГКО об эвакуации населения и ценностей из 15-ти западных районов Орловщины. 3 сентября Орловский обком партии принял Постановление об эвакуации сельского населения в Поволжье из районов прифронтовой полосы. В Поволжье было отправлено 11 тысяч колхозных хозяйств, причем 500 семейств из Брянского района. Больше всего семей (по одной тысяче) переселялось из Навлинского, Комаричского и Карачевского районов.

Эвакуация предприятий и освоение их на новом месте вошли в историю Брянщины, да и в России в целом, золотым оттиском Второй мировой войны. Недосыпая, многотрудная, часто каторжная работа велась под лозунгом: «Все для фронта! Все для Победы!»

И все же эвакуацию населения и ценностей сельского хозяйства на все 100% осуществить не удалось. Огромная работа была проведена по вывозу в тыл скота. Но … на территории Брянского района было оставлено несколько сот голов крупного рогатого скота и лошадей, а так же значительное количество зерна.

На строительство объекта «Н» была проведена очередная мобилизация несколько десятков тысяч человек. 16 июля, с митинга, проходившего на заводе «Красный Профинтерн», ушло более 8 тысяч рабочих. Для них был отведен участок строительства от пос. Фокино до д. Новый Свет. Слева от них трудились колхозники Нового Света, Глаженки, Старой Нетьинки, Соколовки, Дорожово, Домашово и некоторых других. Для осмотра сюда наезжали председатель и секретарь Глаженского селсьсовета Плетнев и Федин, председатели колхозов Федюшин и Кузнецов. От реки Десна до с. Глинищево трудилось до трех тысяч рабочих, домохозяек и служащих. Многие были и из п. Сельцо. Руководил этими людьми начальник отдела кадров военного завода в Сельцо П.М. Клещев. На этом участке работало до 3,5 тысяч бежицких сталелитейщиков.

18 июля три тысячи рабочих привел в с. Дарковичи заместитель начальника ремонтно-строительного цеха завода «Красный Профинтерн», участник Гражданской войны, Н.В. Максимушкин.

Над оборонительными рубежами часто кружили немецкие самолеты – «мессершмидты», поливающие свинцом строителей и сбрасывающие на объекты бомбы.

Погибших людей хоронили тут же, неподалеку от возводимой линии обороны. И несмотря на это, жители горели желанием как можно быстрее завершить строительство объекта «Н».

Указ партии от 18 июля «Об организации борьбы в тылу германских войск» стал руководством к действию местных парторганов, приступивших к созданию подпольных организаций в районах захваченных врагом и могущих попасть под оккупацию.

С 26 числа город Брянск и его окрестности бомбились немецкой авиацией почти ежедневно. Были и идеологические вылеты. В своих листовках немцы просили местное население разойтись по домам. Были листовки и такого содержание: «Русские дамочки, не ройте ямочки, все равно наши таночки перейдут ваши ямочки».

Ежедневно при строительстве брянцы выполняли полторы-две нормы, землекопы давали даже по четыре (С.А. Сидоренко, С.И. Семыкин, Д.П. Журавлев, И.И. Москин).

Указом Правительства от 22 февраля 1942 года 432-м строителям была объявлена благодарность, а 926 из них награждены орденами и медалями.

К 1 августа 1941 г. первая линия обороны в основном была закончена. Объект «Н» задержал врага на два месяца, а защищавшие его не допустили прорыва противника к Брянску.

Несмотря на большие потери, фашисты продвигались вглубь нашей страны. 20 июля был захвачен Смоленск. 3 августа они вошли в Рославль. 8 августа перешли в наступление в направлении Могилев-Гомель и Рославль-Стародуб. Против наших войск Центрального фронта, прикрывавших брянское, гомельское и черниговское направления, двигались 2-я полевая армия и 2-я танковая группа германских войск.

Учитывая, что Брянск является объектом бомбежек вражеской авиации, штаб вновь создаваемого Брянского фронта разместился в 14 км юго-восточнее него, в лесном массиве, недалеко от железнодорожной станции «Свень». Подписан Приказ о создании Брянского фронта был 16 августа. В этот же день прибыл в Брянские леса и его командующий генерал-лейтенант А.И. Еременко (1892-1970).

22 августа, видя успехи своей армии, Гитлер возбужденно говорил своим генералам: «Сейчас нам представится благоприятная возможность, какую дарит судьба во время войны в редчайших случаях. Огромным выступом почти в триста километров расположены войска противника, с трех сторон охватываемые немецкими группами армий».

В эти дни начальником Генштаба Г.К. Жуковым было предложено создать группировку русских войск в районе Брянска.

23 августа немецкое командование на Юг бросило 3-ю и 4-ю танковые дивизии, а 47-й танковый корпус направило на г. Трубчевск, так как понимало, что в районе Трубчевска советские войска представляют для них угрозу для наступления на южном направлении.

3-я немецкая танковая дивизия потеснила советские части 143-й стрелковой дивизии и захватила г. Новгород-Северский, мост через р. Десну и плацдарм на юго-восточном берегу. Сюда срочно были брошены наши войска генерала С.С. Бирюзова. Была предпринята попытка нанести фланговый удар на наступающих немцев в сторону Стародуба. Противник же, парируя этот удар, сам перешел в наступление танками 47-го корпуса.

В свою очередь командование Брянским фронтом стало готовить контрудар в двух направлениях: на рославльском – силами 50-й армии и стародубском – силами 13-ой, а 3-я армия должна была нанести вспомогательные удары на Почеп. 25 августа был расформирован Центральный фронт, управление которого вошло в состав Брянского фронта. Начальником штаба назначен был генерал-майор Г.Ф. Захаров. Управление 50-ой армии формировалось на базе 2-го стрелкового корпуса, командиром был назначен генерал-майор А.Н. Ермаков. В корпус Ермакова входили две дивизии 100-я и 161-я, которые первыми в Красной Армии стали именоваться Гвардейскими. Сам Ермаков стал заместителем командующего Брянским фронтом, а его начальник штаба Л.А. Пэрн – начальником штаба 50-й армии. Штаб ее находился в районе Выгоничей. Командующим 50-й армией назначили Героя Советского Союза, генерал-майора танковых войск, Михаила Петровича Петрова (1898-1941). Звание Героя он получил в боях с фашистами в Испании.

Войска генерала А.И. Ермакова обороняли Брянск по берегам рек Десны и Угости.

С чувством благодарности занимали оборонительные рубежи воины 50-й армии по мере подхода ее из глубины страны. Брянский фронт разворачивался в составе трех армий: 3-й, 13-й и 50-й. Их задача состояла в недопущении врага к Брянску. 50-я армия формировалась в августе 1941 года в районе Брянска в составе 217-й, 258-й, 260-й, 269-й, 279-й, 280-й, 290-й стрелковых дивизий, 55-й кавалерийской дивизии, корпусных артиллерийских полков 2-го и 20-го стрелковых корпусов, 761-го и 753-го артполков ПТО. В резерве Брянского фронта находилась 299-я (п. Сельцо), 287-я (же-

лезнодорожная станция Синезерки), 283-я (южнее железнодорожной станции Полужье) стрелковые дивизии.

К концу августа в полосе Брянского фронта (шириной 230 км) было оборудовано 140 батальонных узлов обороны, отрыто 570 противотанковых рвов и эскарпов, сооружено 1680 пулеметных точек, около 700 дотов, половина из них – железобетонные.

Слева от 50-й армии занимала оборону 53-я стрелковая дивизия 43-й армии Резервного фронта. В тылу находилась позиция 136-й стрелковый дивизии – в районе г. Кирова. В состав Брянского фронта вошел 29-й стрелковый полк 38-й стрелковой дивизии 16-й армии Западного фронта.

Дивизии 50-й армии, с прибытием в указанные районы, заняли позиции, которые в июле занимали дивизии 28-й армии генерала В.Л. Качалова. Из всех дивизий 50-й армии (как личному составу, так и по вооружению) наиболее сильной была 217-я стрелковая, имевшая два артиллерийских полка – пушечный и гаубичный.

По штабу 1940 года стрелковая дивизия состояла из трех стрелковых, двух артиллерийских полков, противотанкового и зенитного дивизионов, отдельных батальонов (саперного, связи, разведки) и тыловых подразделений. Всего насчитывалось 14,5 тысяч человек. На вооружении находилось 558 пулеметов, 1204 автомата, 144 орудия (из них 54 противотанковых), 150 минометов, 16 легких танков, 13 бронемашин, 558 автомашин, 3 тысячи лошадей.

В начале августа на подступах к Брянску складывалась сложная обстановка. К моменту создания Брянского фронта 13-я армия генерал-майора А.М. Городянского (1896-1942) сдерживала танковые соединения генерала Гудериана. 3-ю армию надо было вновь создать (по гибели воинов) в третий раз, но на это надо было не менее двух месяцев.

Под натиском врага 13-я армия стала отступать на рубеж р. Сож (от Кричева) на Унечу и Погар. В середине августа она была включена в состав Брянского фронта, хотя большинство ее дивизий представляло собой не более 2-3 батальонов, нуждающихся в доукомплектовании и отдыхе.

В конце августа Ставка Верховного Главнокомандования приказала нанести контрудар по врагу силами Западного, Резерв-

ного и Брянского фронтов. Наступательные действия начались 30 августа на рославльском и новозыбковском направлениях против 9-й немецкой полевой армии, входившей в состав центральной части группы армий «Центр».

Против войск Брянского фронта наступали 15 дивизий 2-й танковой группы Гудериана, из которых 9 были танковыми и моторизованными. Немецкая группировка превосходила русских в авиации и танках - абсолютно, в артиллерии – 4,5 раза, в людях – 2,6 раза.

Линия фронта к началу сентября проходила следующим образом: по восточному берегу р. Десна южнее Трубчевска, через Белую Березку, Очкин, Бирин и далее шла на восток до Ямполя. На этой линии стояла 13-я армия. 8-я армия оборонялась на западном берегу р. Десны от Трубчевска до Почепа. 50-я армия занимала оборону от р. Снопоть на правом фланге, далее по р. Десне до Жуковки, затем на Летошники и Почеп.

К концу августа была восстановлена и передана в состав Брянского фронта 3-я армия, занявшая позиции между 13-й и 50-й армиями. Командующим 3-й армией назначили генерал-майора Якова Григорьевича Крейзер (1905-1969).

Ожесточенность боев не ослабевала. Выполняя приказ Ставки, войска Брянского фронта, ведя тяжелые бои на шоссе Рославль-Брянск (ибо эта магистраль вела прямо к Москве) и преодолевая сопротивление противника, отбросили фашистов за 10 дней на 10-12 км.

Брянский фронт сдерживал в течение августа 2-ю танковую группу Гудериана, рвущуюся на юг, в тыл Юго-Западного фронта. В ночь на 2-е сентября 29-я мотодивизия неприятеля форсировала р. Десну у железнодорожного моста к югу от Белой Березки и захватила плацдарм северо-западнее станции «Знобь». Советской армией были приняты меры к недопущению расширения плацдарма. В бой были введены 6-я и 307-я стрелковые дивизии, а также 50-я танковая дивизия. 278-я стрелковая дивизия выгрузилась в Людиново и сосредоточилась в районе г. Дятьково.

В полосе Брянского фронта для срыва наступления танковой группы Гудериана по указанию Ставки ВГК была спланирована и

проведена воздушная операция, в которой участвовало более 460 самолетов ВВС Брянского и Резервного фронтов, 1-й резервной авиационной группы и дальнебомбардировочной авиации. Руководил ходом этой операции заместитель командующего ВВС Советской Армией генерал И.Ф. Петров. С 29 августа по 4 сентября было совершено более 4-х тысяч самолето-вылетов.

В составе группы находилось 230 бомбардировщиков, 179 истребителей и 55 штурмовиков. Удары авиации пехотой не были в полной мере использованы для развития успеха. Наиболее сильная 50-я армия в этот момент вела боевые действия не против танков Гудериана, а против занявшей оборону 4-й немецкой армии.

1–3 сентября крупная танковая и мотопехотная группировка противника прорвалась у хутора Михайловский и стала продвигаться на Орел и Карачев, а от последнего – на Брянск.

Чтобы оборонять участок в 12-15 км западнее Брянска, 5 сентября в резерв Брянского фронта была передана 154-я стрелковая дивизия, штаб которой размещен был в совхозе Толмачево. Перед 154-й с.д. была поставлена задача повернуть фронт обороны на восток и по западному берегу р. Десна прикрыть Брянск и тыл 50-й армии.

К 15-му сентября войска 50-й армии закрепились на достигнутых рубежах, когда передвинулись на 10-12 км вперед. Несмотря на то, что воины дрались с фашистами храбро, поставленной задачи армия выполнить не смогла. Пришлось перейти к обороне.

Танки Гудериана сходу хотели взять Брянск, переправиться на западный берег р. Десна и отрезать пути отхода 50-й армии. Мощный удар 2-й танковой группы вермахта 30 сентября по стыку 13-й армии и группы Ермакова, привел к тому, что оборона советских войск была прорвана. 4-5 октября 47-й танковый корпус вермахта занял Локоть и Навлю, а затем вошел в Карачев.

Со 2-го октября враг перешел в наступление на стыке 50-й армии и 43-й армии Резервного фронта, а 5 октября немцы заняли Жиздру и отрезали пути отхода 50-й армии Брянского фронта.

К началу октября штаб Брянского фронта фактически потерял управление войсками после выхода из строя узла связи. Все это не

могло не отразиться на организации борьбы с противником в первый период войны.

В июле – сентябре 1941 г. большую работу на территории Брянского района провели городской и районный отделы УНКВД во главе с подполковником В.Н. Суровягиным и майором Н.Д. Сидоровым, сумевшие организовать и осуществить руководство борьбой истребительных батальонов и отдельных групп со шпионами, парашютистами, диверсантами и сигнальщиками.

Были сформированы отделы из лиц призванных в армию либо по возрасту, либо по другим серьезным обстоятельствам (в частности, по приказу партии и т.п.). Для таких отделов партизанские отряды и ополченцы обязаны были в лесах закладывать базы с оружием и запасами продовольствия, готовили подрывников, вели разведку в тылу врага, организовывали переход через линию фронта.

В ходе успешного наступления фашисты перешли и к идеологической диверсии. Они засыпали прифронтовые районы листовками – воззваниями, в которых восхваляли своих полководцев и успехи своей армии, призывали прекращать строительство оборонительных сооружений, прекращать сопротивление и переходить на их сторону. Дело доходило до того, что немцы с самолетов в массовом количестве сбрасывали подложные наши центральные издания – «Правду», «Известия», «Красную Звезду». Возьмешь газету в руки и сразу не сообразишь, что это фальшивка: такой же шрифт, внешний вид, оформление. Иногда и первые страницы были настоящими, а далее начинка была фашистской. Все это делалось для того, чтобы духовно надломить русского солдата. Но в «50-й армии не было случая малодушия, измены Родине. Наоборот, подвиги, героизм, самопожертвование встречались на каждом шагу», - вспоминал бывший командир взвода управления артиллерийским полком 260-й стрелковой дивизии В.С. Горбачев.

После окружения немцами 50-й армии командующий обратился по радио с запросом в штаб фронта о дальнейшей задаче армии. 7 октября начальник Генштаба маршал Б.М. Шапошников возложил ответственность за организацию отвода частей Брянского фронта на новый рубеж обороны: Сухиничи, Белев, Мценск – на

генерала М.П. Петрова. Это была тяжелая эпопея выхода соединений фронта из окружения. 50-я армия стала прорываться на восток и, нанося врагу удары, используя разрывы в их построении обходила их колонны.

6 октября танки 17-й дивизии вермахта при поддержке мотопехоты со стороны г. Карачева вторглись в пределы Брянского района. Ведя беспорядочную стрельбу, они прошли железнодорожную станцию «Свень», проглядев или не заметив землянок штаба Брянского фронта. Это спасло командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта А.И. Еременко от гибели, а может даже и плена.

Немецкие танки рвались к Брянску, к конечной цели – его захвату. Но на подступах к городу фашистов встретили бойцы 37-го полка 154-й стрелковой дивизии 50-й армии. Они должны были обеспечить отход своей армии.

К исходу 8 октября, когда силы бойцов иссякли, пришлось отступить от Брянска.

В ходе прорыва немецких танков необходимо было взорвать мост через р. Десну (фокинский мост). Вызвались на эту операцию 7 бойцов и 3 политрука (группа Плешкова). Ночью 9 октября на лодке они переправились через реку, заминировали мост. Все было сделано, но по какой-то причине бикфордов шнур не загорелся. Взрыва могло не быть. Закончить дело по взрыву моста решился красноармеец Елисеев. Жертвуя собой, он взорвал мост на подступах к Брянску.

Близ села Журиничи и деревни Николаевка немцы сконцентрировали свои крупные силы. Вследствие этого войска 50-й армии вынуждены были прорываться по заболоченной реке Рессета в направлении на село Бояновичи Хвастовичского района Калужской области. Прорыв был осуществлен на территорию Карачевского района.

Во время выхода войск Брянского фронта из окружения был ранен командующий – генерал Еременко. Его вынуждены были вывезти на самолете в Москву. Назначенный исполняющим обязанности командующего Брянским фронтом генерал Захаров в тот момент находился вне кольца окружения и, следовательно, никак

не мог повлиять на ход борьбы окруженных армий фронта с противником.

К 10 октября вся территория современного Брянского района была оккупирована врагом почти на два года.

Ведя тяжелые бои в тылу врага, войска Брянского фронта в 20-х числах октября пробились из окружения. Остатки были отведены в Тулу, Ливны и Ефремов. 10 ноября состоялось первое расформирование войск Брянского фронта.

Действия отходящей 50-й армии на три недели сковали главные силы противника. Тем самым были сорваны расчеты немецкого командования на глубокий обход с юга войск Западного фронта.

В ноябре-декабре 1941 года на оккупированной Орловщине развернули свою деятельность 18 подпольных райкомов партии и 16 райкомов комсомола. Почти в полном составе начали работать в тылу врага Брянский (секретарь Д.Е. Кравцов), Навлинский (секретарь А.В. Суслин), Клетнянский (секретарь А.Ф. Семенов) и другие райкомы партии.

Литература

1. Брянский краевед. - Брянск, 1973.
2. Брянску 1000 лет : сборник документов и материалов. - Тула : Приок. кн. изд-во, 1980.
3. Партизаны Брянщины : сборник документов и материалов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны. - 2-е изд. - Тула: Приок. кн. изд-во, 1970.
4. Великая Отечественная война : энциклопедия. - т.2. - С. 240.
5. Книга памяти : Брянская область. - Брянск, 2003. - т.12. - С.23-29, 33-34, 36.
6. История Второй мировой войны. - т. 4. - С. 79-94.
7. Советские Военно-воздушные силы в Отечественной войне 1941-1945 гг. - С. 53.

«Кировский выступ», «кировский коридор»

Их значение в осуществлении планов советского командования, в развертывании партизанского движения на оккупированных врагом территориях. Взаимодействие воинов 10-й армии Западного фронта и партизан

Коваленко В. Г.
Редакция газеты "Новый путь",
Брянская область, Россия

В январе 1942 года войска Западного фронта под командованием генерала армии Г.К. Жукова продолжали победоносное наступление под Москвой, нанося немецким захватчикам сокрушительные удары, освобождая десятки городов, сотни и тысячи сел и деревень. Одним из важных эпизодов этой великой битвы было освобождение города Кирова (в то время Смоленской, нынче Калужской области).

Командованием фронта была поставлена задача освобождения от врага Кирова и ж.д. узла Фаянсовая, имевшего важное стратегическое значение, 10-й армии под командованием генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова.

В 2 часа ночи с 7 на 8 января, вступив в город, группа разведчиков 389-й разведроты 330-й стрелковой дивизии обнаружила, что в нем немцев нет, враг из города бежал – так был силен его страх перед окружением и пленом. Утром 11 января к Кирову подошли основные силы 330-й стрелковой дивизии. Беспрепятственно они заняли город. Вечером 13 января по радио была передана сводка совинформбюро, из которой вся страна узнала об освобождении города Кирова.

Поняв, что со сдачей Кирова ими допущен большой промах, в течение полутора лет, с января 1942 года по сентябрь 1943 года, немецкими войсками предпринимались неоднократные попытки «срезать кировский выступ», нависавший над их частями, расположенными южнее, в районе Брянска.

Но все эти попытки закончились провалом: Киров остался в руках советских войск. Военные саперы с помощью жителей горо-

да построили много инженерно-оборонительных сооружений и огневых точек, в результате чего к лету 1942 года город стал неприступной крепостью для фашистов.

Вот как оценивал значение города в системе обороны на Западном фронте бывший командующий 10-й армией маршал Ф.И. Голиков в своей книге «В Московской битве» (М.1967 г.).

«Захват войсками 10-й армии района Киров – Фаянсовая имел особое значение. Противнику он был нужен не меньше, чем железнодорожный узел Сухиничи. Суть дела в том, что железнодорожная линия Вязьма-Брянск, проходящая через узловую станцию Фаянсовая, имела первоочередное значение для оперативного взаимодействия всей можайско - ржевско - вяземской группировки противника с его войсками, действовавшими в районе Брянска, Орла и Курска. Военное значение освобождения 10-й армией Кирова далеко выходило за рамки тактического успеха местного значения. Киров имел важное значение для всей 10-й армии, для всех войск левого крыла Западного фронта. Ведь овладев районом Кирова, мы разобщили 2-ю полевую и 2-ю танковую армии противника от действовавших севернее 4-й полевой, 3-й и 4-й танковых и 9-й полевой армий этой же группы армий «Центр».

Удержание нами района Кирова сыграло большую роль в период отражения 10-й армией сильного контрудара противника со стороны Брянска на Сухиничи в январе 1942 года. Медленно продвигаясь к Сухиничам, эта группировка противника все время должна была опасаться наших сил, находившихся в районе Кирова и «нависавшими» над ними, отвлекать часть сил в эту сторону для прикрытия своего контрудара.

Существенное значение имело и то обстоятельство, что, выйдя в район г. Кирова, мы получили отличнейшие возможности для широкой и глубокой связи со всеми партизанскими силами, действовавшими в огромном по территории, важном в военном отношении районе между Вязьмой, Смоленском и Брянском».

Через «кировский коридор», лесистую территорию, контролируемую партизанами Рогнединского, Дубровского, Жуковского, Куйбышевского Калужской области районов, примыкавшую к линии фронта, к февралю 1942 года было переправлено на Большую

землю 15 тысяч военнослужащих Красной Армии, попавших в окружение. Из Кирова в глубокий тыл противника и обратно «через «коридор» шли разведчики (в том числе «нелегалы» советской внешней разведки (о чем можно найти подтверждение у П.А. Судоплатова), для которых переход линии фронта всегда был сопряжен с огромным риском: известный Александр Демьянов «Гейне», которого 18 февраля 1942 года под Кировом переправили через линию фронта. Операцию, связанную с ним, разработанную Судоплатовым, по оценкам специалистов, можно считать высшим пилотажем тайной борьбы, классикой, вошедшей в учебники по разведывательному ремеслу во многих странах. Она длилась практически всю войну и на разных этапах по-разному называлась: «Монастырь», «Курьер», а затем «Березина».

По «кировскому коридору» в глубокий тыл противника с особыми заданиями шли радисты, минеры, диверсионные группы и добровольческие отряды специального назначения, два раза переходил здесь линию фронта разведчик, Герой России, ныне известный писатель Ю.А. Колесников, с которым мы поддерживаем связь. По его книге «Лабиринты тайной войны» в канун праздника Победы по телевидению, на канале НТВ, был показан многосерийный художественный фильм «Человек войны». Через этот коридор партизаны направляли обозы с продовольствием для нужд Красной Армии.

Вот что писал об этих событиях в июльском номере журнала «Большевик» за 1942 год первый секретарь Смоленского обкома ВКП(б) Д.М. Попов: «Колхозники Рогнединского и Куйбышевского районов, имея тесную связь с партизанами, через линию фронта доставили Красной Армии в подарок около 500 голов крупного рогатого скота, 86 тонн мяса, 165 тонн зерна, 139 тонн картофеля, 209 тонн фуража, 150 лошадей». В основном это были запасы продовольствия, подготовленные к отправке в Германию и отбитые партизанами 14 мая 1942 года в Рогнедине, некоторых других населенных пунктах, а затем переправленные в Киров.

Более подробного изложения заслуживает так называемая «беловская эпопея», вывод через «кировский коридор» на Большую землю 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала

Белова и авиадесантных частей после их четырехмесячного героического рейда по тылам немецкой группы армий «Центр», исключительно важная роль при этом 1-й, 2-й и 3-й партизанских дивизий.

Последняя в марте 1943 года стала именоваться Рогнединской партизанской бригадой.

В январе 1942 года в Ставке Верховного Главнокомандования (ГВК) было решено окружить и уничтожить крупную вражескую группировку в районе Вязьмы.

С 18 по 22 января для перехвата тыловых путей противника были выброшены в сорока километрах южнее Вязьмы (район Желанье) два батальона 201-й воздушно-десантной бригады и 250-й авиадесантный полк. 33-й армии генерал-лейтенанта М.Г. Ефремова было приказано развивать прорыв и во взаимодействии с 1-м гвардейским кавалерийским корпусом П.А. Белова, авиадесантом, партизанскими отрядами и 11-м кавалерийским корпусом Калининского фронта овладеть Вязьмой.

«27 января, вспоминает Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, корпус генерала Белова прорвался через Варшавское шоссе в 35 километрах юго-западнее Юхнова и через три дня соединился с десантниками и партизанскими отрядами южнее Вязьмы. 1 февраля туда же вышли три стрелковые дивизии 33-й армии (113, 338-я и 160-я) под личным командованием генерал – лейтенанта М.Г. Ефремова и завязали бой на подступах к Вязьме. Для усиления 1-го гвардейского кавалерийского корпуса Ставка приказала выбросить в этот район 4-й воздушно – десантный корпус. Но из-за отсутствия транспортной авиации в дело была введена одна 8-я воздушно – десантная бригада в составе двух тысяч человек.

4 февраля, ударив под основание прорыва, противник отсек группу и восстановил свою оборону по реке Угре». Так наша армейская группировка, насчитывающая около 40 тысяч человек, оказалась отрезанной от основных сил. Вместе с партизанами Смоленщины, которые были объединены Беловым в 1-ю и 2-ю партизанские дивизии, конногвардейцы, армейцы и авиадесантники удерживали огромную территорию более 400 километров в окружности, находившуюся в треугольнике железных дорог Смоленск –

Занозная, Занозная – Вязьма, Смоленск - Вязьма. На первых двух 4 месяца было полностью парализовано движение, часто нарушалось оно и на последней.

Удерживая освобожденную территорию в тылу врага: Дорогобужский, Ельницкий и Глинковский районы Смоленской области, наши воины мужественно переносили все невзгоды, все трудности. Бои шли всю зиму и весну 1942 года, отвлекая с фронта значительные и, притом, отборные части противника. По свидетельству начальника Генштаба сухопутных сил вермахта генерала Гальдера, гитлеровцам приходилось привлечь для сдерживания войск группы до 10-12 пехотных и танковых дивизий.

2 февраля 1942 года начальник генерального штаба германских сухопутных сил генерал Гальдер записал в своем служебном дневнике: «255-й день войны – на фронте группы армий Центр идет подготовка к наступательным действиям с целью ликвидации бреши в районе Медыни. Завтра должна начаться атака. 5-я танковая дивизия будет действовать с целью уничтожения группы русских, прорвавшихся к нам в тыл. Картины этих боев за линией фронта носят уродливый характер и показывают, что война, как таковая, вырождается в какую-то драку, которая все больше отдаляется от принципов настоящей войны».

Видно, не по вкусу пришлось Гальдеру неожиданное появление наших кавалеристов и десантников в фашистском тылу. Немцы, в тех местах, куда мы прорвались, вынуждены были бросать обозы с оружием и ценными военными грузами, вывозить на самолетах различные штабы, а кое-где обращались в паническое бегство.

Ему ли, Гальдеру, морализовать по поводу отхода от «принципов настоящей войны». Гитлеровцы сами растоптали их, да и не только их, а все общепринятые нормы морали и права.

История давно оправдала русских, на которых таким же образом жаловались за 130 лет перед тем французские пришельцы.

Не могу не напомнить ответ великого писателя на их жалобы: «Представим себе двух людей, вышедших со шпагами на поединок по всем правилам фехтовального искусства … вдруг один из противников, почувствовав себя раненым, - поняв, что дело это не

шутка… бросил шпагу и, взяв первую попавшуюся дубину, начал ворочать ею … фехтовальщик, требовавший борьбы по правилам искусства, был француз, его противник, бросивший шпагу и поднявший дубину, был русский…

Несмотря на жалобы французов о неисполнении правил … дубина народной войны поднялась со всею своею грозною и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие».

«В начале апреля, пишет Г.К. Жуков, обстановка в районе Вязьмы серьезно осложнилась. Противник, сосредоточив крупные силы, начал теснить группу, стремясь к весне ликвидировать эту опасную для него «занозу». Наступившая в конце апреля оттепель до крайности сократила возможность маневра и связь группы с партизанскими районами, откуда она так же получала продовольствие и фураж.

По просьбе генералов П.А. Белова и М.Г. Ефремова, пишет Жуков, командование фронта разрешило им выводить войска на соединение с нашими главными силами. При этом было строго указано, пишет Жуков, выходить из района Вязьмы через партизанские районы, лесами, в общем направлении на Киров, где 10-й армией будет подготовлен прорыв обороны противника, так как там она была слабее…

Кавалерийский корпус Белова и воздушно – десантные части в точности выполнили приказ и, совершив большой подковообразный путь, вышли на участок 10-й армии.

Однако выйти удалось, к сожалению, не всем. Генерал – лейтенант Ефремов, считая, что путь на Киров слишком длинен для его утомленной группы, обратился по радио непосредственно в Генштаб с просьбой разрешить ему прорваться по кратчайшему пути – через реку Угру.

Мне тут же позвонил Сталин, пишет Жуков, и спросил, согласен ли я с предложением Ефремова. Я ответил категорическим отказом. Но Верховный сказал, что Ефремов опытный командарм и что надо соглашаться с ним. Что потом произошло, знают все. При движении к реке Угре отряд Ефремова был разбит. Командарм

М.Г. Ефремов был тяжело ранен и, не желая попасть в руки врага, застрелился. Так закончилась жизнь талантливого и храбрейшего военачальника, вместе с которым погиб и почти весь личный состав его группы.

Критически оценивая сейчас эти события 1942 года, далее пишет Жуков, считаю, что нами в то время была допущена ошибка в оценке обстановки в районе Вязьмы.

Мы переоценили возможности своих войск и недооценили противника. «Орешек» там оказался более крепким, чем мы предполагали…»

В своей книге «За нами Москва» П.А. Белов честно утверждает, что маршрут вывода кавалерийского корпуса и авиадесантных частей из окружения в нарушение приказа свыше им был разработан самим. Об этом талантливом полководце его адъютант подполковник Д.Н. Бобылев уже после войны писал: «В те трудные дни Павел Алексеевич Белов был душой всей группировки». И добавлял, что был «счастлив, что почти 20 лет службы в армии прошли у него с этим удивительным человеком и бесстрашным военачальником».

Меня лично поразил такой факт, рассказанный Беловым в своей книге «За нами Москва». Когда со Ставкой согласовывались вопросы вывода из окружения его корпуса, пришла радиограмма за подписью Сталина следующего содержания: партизан с собой через линию фронта не брать.

Я отчетливо представлял, пишет Белов, что будет с теми, с кем мы бок о бок сражались эти месяцы в полном окружении, уйди мы без них. И Белов находит гениальное решение. В ответ на радиограмму за подписью Верховного своей радиограммой, он запросил у командования разрешения, чтобы пополнить поредевшие части, провести мобилизацию среди местного населения. После того, как такое разрешение было получено, в действующую армию были зачислены, поставлены на довольствие несколько тысяч партизан.

С большой теплотой пишет П.А. Белов и о той огромной помощи, которую оказали его корпусу партизаны вначале 1-й и 2-й, а затем, на завершающем этапе похода, и 3-й партизанских дивизий.

Вот как описывает он эти события: «Мы снова выступили в путь, торопясь в район действий 3-й партизанской дивизии, где было назначено место сбора всех частей группы. Впереди двигались разведчики во главе с подполковником Кононенко. И вот на узкой лесной дороге они увидели людей в немецкой форме. Было их человек тридцать. Кононенко сразу определил, что это не немцы: форма на них сидела кое-как, оружие разнообразное. Заметив незнакомых людей, они схватились за винтовки. Затем, улыбаясь и размахивая руками, бросились к нашим разведчикам. Оказалось, что это отряд заготовителей из 3-й партизанской дивизии, посланный в деревню, где выпекался хлеб для партизан. Командир отряда доложил мне, что здесь прошли войска генералов Казанкина и Баранова, партизаны предупреждены, что будут идти и другие части, и теперь ждут нас…

Командир 3-й партизанской дивизии майор Галюга приехал к нам через несколько часов после того, как эскадрон остановился в Марьевке (в деревне Рогнединского района, которую в ноябре 1942 года за связь с партизанами фашисты сожгут вместе с ее жителями. В.К.)

Галюга был подтянут, аккуратен, говорил спокойно, неторопливо. Он доложил, что партизаны прочно удерживают восточный берег Десны, занимают доты и дзоты, сохранившиеся с осени 1941 года, на других участках проводят частные операции. Но в последние дни положение дивизии осложнилось: к району ее действий вышли крупные силы гитлеровских войск.

Партизаны имели надежную радиосвязь с командованием 10-й Армии. Радиограммой я сообщил в штаб Западного фронта, где нахожусь и, что намерен делать в ближайшее время.

Вскоре мы получили радиограмму из штаба Западного фронта. В ней сообщалось, что ночью на партизанский аэродром прибудут 15 самолетов «У-2». Командующий фронтом приказал вылететь на Большую землю мне и вывезти старших командиров по моему усмотрению.

Приземлились мы на одном из аэродромов 10-й армии. Командир авиационного полка доложил, что посадочная площадка была занята гитлеровцами сразу после того, как мы улетели, и со-

вершить второй рейс в тыл врага самолеты не смогли, поэтому часть командиров, назначенных к эвакуации, осталась у партизан. Эта новость огорчила нас. Мы ясно представляли себе, что происходит сейчас в дивизии Галюги. Немцы, обозленные тем, что гвардейцам и парашютистам удалось уйти из вражеского кольца, теперь всеми силами обрушатся на партизан, и те вряд ли смогут устоять под натиском регулярных фашистских войск.

Впоследствии я узнал, что партизаны восемь дней вели очень тяжелые бои с немцами. Дивизия Галюги, прорвав вражеское кольцо, ушла в другой район и продолжала действовать в тылу врага.

О самом Галюге длительное время ничего не было известно. Лишь после окончания войны мы встретились с ним в Ростове-на-Дону. Он был тяжело ранен в бою и захвачен немцами».

Плен. Случится это с Галюгой спустя полгода после описываемых генералом Беловым событий, в январе 1943 года в Клетнянских лесах.

Мы же вернемся к событиям в Раменной даче, лесном массиве, расположенном на территориях Рогнединского и Куйбышевского Калужской области, районах, где более трех тысяч партизан вступили в смертельную схватку с отборными немецкими частями. Неся большие потери, окруженная партизанская дивизия решила до конца исполнить свой долг перед Родиной. Она не могла уйти из-под удара по той причине, что подразделения Белова проходили через район ее дислокации не одновременно, каждую группу необходимо было встретить и проводить к линии фронта, до которой было еще около сорока километров. Когда эвакуировали штаб корпуса (непосредственно ответственными за эту операцию были начальник политотдела и начальник штаба партизанской дивизии Марк Борисович Розин и Иван Яковлевич Корчма) самим уходить было уже поздно. Восемь дней и ночей беспрерывно шло сражение партизан с отборными дивизиями врага. Кончились продукты, их пришлось отдать беловцам, почти не осталось боеприпасов, рядом – беззащитные люди (женщины, дети). Раменная дача буквально была заполнена мирным населением, спасавшимся от преследовавших конногвардейцев и десантников эсэсовцев. Стойкость и упорство, какое партизаны проявили в этом сражении, я все же

объяснил бы тем, что наша партизанская дивизия на 90 процентов была укомплектована из окруженцев, а ее первый батальон целиком – из фронтовых разведчиков 330-й стрелковой дивизии. В нее входило два военных отряда из Московской и Тульской областей, Рогнединский, Дубровский, Жуковский, 2-й Бутчинский, Косеватский партизанские отряды, до октября 1942 года партизанский отряд «За родину» (Боровичева). В ее рядах, как я уже сказал, насчитывалось более 3000 бойцов; на вооружении было более десятка орудий, несколько десятков минометов и пулеметов. Дивизия имела две радиостанции. Почти ежедневно на территорию Раменной дачи, до изложенных выше событий, прилетали самолеты от 10-й армии, которые доставляли вооружение, боеприпасы, продовольствие, газеты и журналы, а также вывозили раненых.

Партизанами было предпринято две попытки вырваться из окружения. Было решено: в нескольких точках завязать бои, а главными силами прорваться в других направлениях. Со второй попытки сделать это удалось. Вышла из окружения с основными силами и часть мирного населения, но только его небольшая часть. Два партизанских отряда: Косеватский и Бутчинский – около 600 человек и, примерно, полторы тысячи мирных жителей остались в Раменной даче. Одни – чтобы прикрывать отход основных сил, другие – чтобы просто переждать, когда все закончится. Захватившие Раменную дачу немецкие палачи, устроили над ними кровавую вендетту. Достоверно известно, что командовал этой сворой, отдавал приказ на уничтожение генерал Хойзингер.

В «зачистке» в Раменной даче принимали участие группа спецподразделения «Бранденбург-800» и отряд диверсантов полковника Рогожкина, охотившиеся за генералом Беловым все пять месяцев находившегося в немецком тылу.

Переодетым в советскую военную форму, говорившим на чисто русском языке им не составило большого труда собрать всех оставшихся в Раменной даче под предлогом дальнейших совместных действий по выходу из окружения на главной лесной просеке, вокруг которой уже были расставлены немецкие пулеметы… Возвращающиеся через Раменную дачу через несколько дней партизанские разведчики увидели страшную картину. Вся большая про-

сека была завалена трупами расстрелянных людей: мужчин, стариков, женщин, детей. По одним данным было расстреляно полторы, по другим – три тысячи человек. Трагедия Раменной дачи – малоизвестное преступление фашистов на нашей земле.

«Правильно ли мы поступили, пойдя на централизацию партизанского движения в своей зоне?» - писал после войны Белов. Во втором томе «Истории Великой Отечественной войны» на стр. 361 написано: «Однако в организации партизанской борьбы имелись и недостатки. В частности, оказалось нецелесообразным создавать крупные партизанские соединения. Такие соединения, обычно не имевшие нужных средств связи и управления, а также достаточно подготовленных командных кадров, теряли подвижность и маневренность и действовали, как правило, в каком-нибудь одном районе. Это избавляло противника вести борьбу с многочисленными и неуловимыми партизанскими отрядами. Гитлеровцы подтягивали к району действий партизанских соединений войска и развертывали операции крупными силами. Партизанские отряды вынуждены были переходить к оборонительной тактике, что несвойственно природе партизанской борьбы, и поэтому несли тяжелые потери».

Во-первых, констатирует П.А. Белов, после объединения мелких партизанских отрядов, партизанское движение в зоне нашей группы значительно возросло и усилилось. В январе 1942 года во всей Смоленской области было шестнадцать тысяч восемьсот семьдесят девять партизан, а на территории, которую контролировала с февраля наша группа, количество их не превышало трех тысяч. Эта территория составляла примерно одну пятую часть Смоленской области. После создания партизанских дивизий количество партизан увеличилось здесь к 1 мая до 15 тысяч человек.

Партизан в нашей зоне стало столько же, сколько было раньше во всей Смоленской области. Кроме того, мы пополнили за счет партизан и вышедших из окружения военнослужащих регулярные части, направив в них около 11 тысяч человек. Если сложить эти данные, результат получится внушительный. В январе – три тысячи партизан, действовавших в мелких разрозненных отрядах, в мае на той же территории – 26 тысяч бойцов и командиров, объединен-

ных в партизанские полки и дивизии или сражающихся в рядах регулярных войск.

Во-вторых, продолжает Павел Алексеевич Белов, вряд ли основательна ссылка на отсутствие командных кадров и средств связи. В 1-й и 2-й Смоленских партизанских дивизиях командных кадров хватало, так как значительное количество партизан составляли военнослужащие, прорвавшиеся из окружения или бежавшие из плена. Были тут и сержанты, и средний командный состав, и такие опытные руководители как полковник Шмелев. Недостаток же средств связи ощущался не только у партизан, но и в регулярных войсках. Однако это не лишало их возможности вести активные боевые действия. Средства связи пополнялись за счет трофеев и путем доставки с «Большой земли». У партизан постоянно ощущалась нужда в батареях, необходимых для питания радиостанций.

В третьих, стремление к объединению вытекало из жизни, диктовалось опытом, накопленным партизанами. Лучшим доказательством этому служит тот факт, что объединительные тенденции проявлялись к весне 1942 года среди партизан не только нашей зоны, а повсеместно.

В книге «Советские партизаны» (М. : Госполитиздат, 1961) есть такие строки: «Обобщая опыт первых боев, где участвовали сотни бойцов с большим количеством вооружения, подпольные райкомы партии приходили к выводу, что главным в успехе этих операций являлось объединение сил. Становилось ясным, что сила и мощь отрядов неизмеримо возрастут, если они будут объединены, и будут действовать под единым командованием.»

В треугольнике Брянск – Киров - Рославль на борьбу с врагом народ поднялся с первых дней оккупации. Смоленский и Орловский обкомы партий старались направлять по нужному руслу деятельность партизан, но поддерживать с ними связь с Большой землей было делом трудным и сложным. Положение изменилось после разгрома немцев под Москвой, когда фронт приблизился к партизанскому району. Это позволило обкомам улучшить руководство партизанскими отрядами. Но приближение фронта поставило партизанские отряды в трудные условия. Мелким отрядам было слишком трудно бороться с регулярными вражескими частями,

вооруженными танками, артиллерией и самолетами. Обстановка вынуждала менять тактику партизанской войны.

Объединение положительно сказалось на партизанских отрядах. Армейцы внесли в них воинскую дисциплину и организованность, подняли боеспособность.

Одной из интересных и блестяще проведенных армейских операций во время Великой Отечественной войны является операция войск 50-й армии в составе Брянского фронта, осуществленная в сентябре 1943 года опять же с «Кировского выступа».

Предпринятое силами армии 24.08.43 наступление на улемльском направлении с целью прорыва обороны и выхода частей к реке Болва существенного успеха не принесло.

Создавшееся положение подсказывало, что тут требуется искать иное решение – найти уязвимое место в обороне противника и теми же силами и средствами выполнить задачу, поставленную фронтом. В Кировской операции осуществляется наступление на новом направлении с двойной перегруппировкой сил и средств. Для осуществления перегруппировки в ограниченный срок (за 2-е суток) на сложной местности (реки, леса, болота) больших сил и техники понадобились большие усилия всех наличных инженерных частей. Инженерными частями было подготовлено 4 рокадных дороги протяженностью 80-100 километров каждая. Соблюдая меры маскировки, войска армии закончили перегруппировку в указанном районе, однако элемент внезапности все же был утерян. Перегруппировка не осталась не замеченной противником. Разведка боем в полосе намеченного прорыва дала много ценных сведений о противнике и его обороне, но так же стало вполне ясным, что замысел наш и цель ему известны. Перебросив резервы из глубины, противник на данном участке создал необходимую плотность боевых порядков и уже ожидал наших атак.

К этому времени активными действиями соседей справа (на участке 10А Западного фронта) было точно установлено, что здесь участок обороняется сравнительно слабо и местность, занятая противником, в инженерном отношении оборудована недостаточно.

Проанализировав все имеющиеся данные, командующий Брянским фронтом принимает решение перенести удар на новое направление. Получив согласие Ставки, войска 50-й армии с вечера 5.09.43 г. производят вторичную рокировку соединений армии, которая осталась незамеченной противником. Как в дальнейшем подтвердилось, на этот раз удар для противника стал полной неожиданностью. Не буду вдаваться в детали дальнейшего хода операции. Остановлюсь лишь на вкладе в нее 2-го гвардейского кавалерийского корпуса генерала Крюкова и Рогнединской партизанской бригады.

После того, как прорыв обороны противника был осуществлен, в него был введен 2-й гвардейский кавкорпус. Развивая стремительные действия в юго – западном направлении и пройдя с боями до 90 километров к исходу 11 сентября 1943 года, конники с ходу форсировали реку Десна и овладели плацдармом на ее западном берегу, а 4-я гвардейская кавдивизия внезапным ударом овладела Жуковкой. Контратаками с востока и запада противник стремился не допустить соединения наших стрелковых частей со 2-м гвардейским кавалерийским корпусом, ведущим ожесточенные бои на плацдарме и в Жуковке.

Создавшееся положение вызвало большое беспокойство. Конники, сражаясь на исключительно неблагоприятной для себя местности, при остром недостатке боеприпасов и других материальных средств, почти в окружении отбивались от наседавшего врага, стремившегося сбросить их в реку. В критический момент на помощь конногвардейцам подоспел первый батальон Рогнединской партизанской бригады под командованием Ильи Ивановича Мураля.

До восьми раз в день немецкая пехота при поддержке танков и авиации атаковывала удерживаемые нами позиции, но откатываясь назад, неся большие потери, - вспоминал участник боев на плацдарме, бывший минер Рогнединской партизанской бригады Иван Шибаев.

На четвертый день боев, 14 сентября, дивизия Теремова, пробилась на плацдарм. Омытый кровью мужественных гвардейцев и партизан, плацдарм был спасен. Развитие флангового удара север-

нее Кирова резко изменило обстановку в районе Брянска, где немцы поспешно начали отвод своих войск перед фронтом наших 3-ей и 11-й армий, в результате чего уже к утру 17 сентября 1943 года нашими войсками были освобождены города Брянск и Бежица.

С овладением этими крупными узлами, войска Брянского фронта перешли к преследованию противника по всей полосе наступления.

Выдержка из истории великой Отечественной войны.

«Рогнединская партизанская бригада соединилась на реке Ветьме со 2-м гвардейским кавалерийским корпусом и участвовала в боях, действуя в его составе 11-13 сентября. Эта бригада, выполняя приказ советского командования, удерживала населенные пункты Погореловка, Казариновка и Заречье, отражая ожесточенные контратаки противника, стремившегося прорваться к Десне. За отличное выполнение боевого задания партизаны Рогнединской бригады получили благодарность от командования советских войск» (История ВОВ г. 3 стр. 71. 1961 г.).

«Просматривая литературу о войне, я всегда с волнением искал рассказы о людях героического «огненного коридора», созданного зимой 1942 года в районе города Кирова Калужской области совместными усилиями калужских, брянских партизан и регулярных частей Красной Армии, и сыгравшего большую роль в развитии партизанского движения. Но, к сожалению, это немаловажное событие и поныне осталось неописанным. А оно заслуживает того, чтобы о нем написали. И я верю, что рано или поздно этот интереснейший материал найдет самое широкое освещение в разнообразных жанрах литературы», - отмечал Филипп Васильевич Аксенов, бывший командир Косеватского партизанского отряда.

Не ставя перед собой задачу, раскрыть всю сложность и глубину этих событий, в книге «Огненный коридор» он рассказал о действиях лишь своего партизанского отряда.

В 2003 году, к 60-летию освобождения Калужской, Брянской, Смоленской областей от немецко-фашистских захватчиков мной был издан сборник воспоминаний участников Великой Отечественной войны, свидетельств ветеранов, прошедших через «Кировский коридор». Своими воспоминаниями поделились москвичи,

смоляне, калужане, фронтовая судьба которых в годы войны была тесно связана с Рогнединским районом. Благодаря их действиям с местным населением, их беспредельному патриотизму был внесен достойный вклад в священную Победу в Великой Отечественной войне.

Я продолжил работу над этой темой. В соавторстве с Ильей Евграфовичем Рыженко уже подготовлена к изданию документальная повесть «В пламени рожденная» о Рогнединской партизанской бригаде, в которой на 350-ти книжных страницах можно будет найти много нового и интересного о тех днях. Главное достоинство повести в том, что в конкретных часто драматических ситуациях, широко показаны рядовые труженики войны. В книге будет увековечено около 300 имен воинов и партизан. Текстовой материал дополнен подборкой иллюстраций, показывающих основных участников военных событий. В этом году, думаю, книга увидит свет.

Война с фашизмом для России – не просто одна из многочисленных войн в ее истории. Как бы ни трактовались события, ей предшествовавшие и последовавшие за ней, каковым бы ни было отношение к мастерству ее ведения, сама она, эта война, останется в памяти потомков, как героический и справедливый акт народов, защищавших страну от взбесившегося врага. Что бы ни сулила им в перспективе собственная судьба, победа нацизма лишала их самой надежды на существование. Планы на этот счет Гитлера и его шайки достаточно хорошо известны.

Чем кончилось – общеизвестно. Однако не следует забывать о том, что «все еще может быть, ибо все уже бывало…»

Времена и нынче не самые лучшие. Уроки минувшей войны не должны предаваться забвению.

Литература

1. Жуков, Г.К. Воспоминания и размышления / Г.К. Жуков. - М., 1985.

2. Белов, П.А. За нами Москва / П.А. Белов. - М., 1963.

3. Голиков, Ф.И. В Московской битве / Ф.И. Голиков. - т. 3. - 1982.

4. Теремов, П.А. Дерзкий рейд / П.А. Теремов. – 3 т. - 1968.

5. Коваленко, В.Г. Венки памяти / В.Г. Коваленко. - Клинцы, 2003.

6. Глухов, В.М. Народные мстители / В.М. Глухов. - К.,1960.

Партизанское движение на территории Выгоничского района. 1941 -1943 гг.

Пономарева Н.М.

Выгоничская центральная библиотека,

Брянская область, Россия

Есть исторические события, над которыми время не властно. В их ряду Великая Отечественная война занимает особое место. Проходят десятилетия, а интерес к её истории всё так же велик. Каждое вступающее в жизнь поколение заново осмысливает героические и трагические страницы минувшего, воздаёт должное бессмертному подвигу народа - победителя, извлекает для себя уроки из прошлого на настоящее и будущее.

Вместе со всем народом жители Брянщины самоотверженно встали на защиту рубежей своей Родины. Плечом к плечу с фронтовиками стояли бойцы «лесного фронта» - брянские партизаны и подпольщики. Легендарная песня «Шумел сурово брянский лес» стала гимном народных мстителей.

«В истории партизанской борьбы на Брянщине отчётливо просматриваются четыре основных этапа.

Первый этап охватывал июль-декабрь 1941 года. Это этап зарождения и организационного оформления партизанского движения.

Разгром немецко-фашистских войск под Москвой положил начало **второму этапу** партизанского движения (с декабря 1941 по апрель 1942).

Начало **третьего этапа** (апрель 1942 - май 1943 г.) совпадает с важнейшим мероприятием по централизации руководства партизанским движением. 23 апреля 1942 года был создан Штаб объединенных партизанских отрядов южных и юго-западных районов Орловской области. Южная группировка включала в себя отряды, сформированные в Брянске, Брянском, Выгоничском, Навлинском, Севском, Суземском, Трубчевском, Брасовском, Комаричском, Погарском районах. Командиром объединенных партизанских бригад был назначен Д.В. Емлютин, комиссаром - Л.Д. Бондаренко. 1 июля 1942 года завершилось формирование Брянского Штаба партизанского движения. Начальником его стал первый секретарь Орловского обкома ВКП (б) А.П. Матвеев, заместителем - майор А.П. Горшков. В целом третий этап - это этап превращения партизанского движения во всенародную партизанскую войну». (1)

Четвертый этап охватывает период с мая по сентябрь 1943 года. Он характерен усилением такой формы борьбы партизан, как «рельсовая война». Завершением этого этапа было освобождение территории Брянщины от гитлеровских оккупантов.

Деятельность брянских партизан достаточно широко освещена в литературе, но, к сожалению, партизанское движение в Выгоничском районе мало изучено. Тем не менее, выгоничские партизаны внесли значительный вклад в победу над врагом. На территории района действовало пять партизанских отрядов: им. Лазо, им. 26 бакинских комиссаров, им. Баумана, им. Щорса, им. Стрельца («Летучка»), которые со временем вошли в бригаду им. Щорса. Взрыв Голубого моста через р. Десну стал яркой страницей в истории партизанского движения на Брянщине. Выгоничская земля помнит мужественных партизан и подпольщиков. Погибли, но не покорились врагу Александр Рябых, связные Николай Гуляков, Петр Карабанов, Федор Марченко, Василий Чикалин, Надя Валькова....

Немцы появились в Выгоничах 7 октября 1941 года. «В спешном порядке фашисты начали вводить «новый порядок». В

ноябре 1941 года немецко-фашистские власти стали создавать органы управления: волостные и районные управы, полицию, насаждая в каждом населенном пункте старост и старшин из бывших кулаков и уголовных преступников. На поверхность всплыли подонки общества. Всем изменникам, перешедшим на сторону врага, было обещано по 20 десятин земли и неограниченная «инициатива», т.е. возможность заниматься частной торговлей, коммерцией и т.п. Лживая немецко-фашистская пропаганда твердила о конце Советской власти, и немцы дважды справляли праздники по поводу «взятия» ими Москвы и Ленинграда». (2)

А в это время в тылу противника разгоралось пламя партизанской войны. «Уже в первые дни оккупации по инициативе местных членов партии и активных граждан - рабочих и колхозников Мокрогузова С., Тарасова Н. (бывший секретарь райисполкома), Аверченкова К., Рысакова В. (председатель сельского Совета), Фильковского Ю. (секретарь РК ВКП(б)), Мажукина И. (райком ВКП(б)) в населенных пунктах района с октября 1941 года были созданы опорные группы партизан.

Партийные организации отрядов проводили большую работу по изданию и распространению листовок и воззваний к населению оккупированных местностей немцами Выгоничского и Почепского районов, а также старшинам, старостам и полицейским. В листовках призывали население срывать мероприятия, проводимые немцами и их ставленниками. Таких листовок было издано и распространено с октября 1941 по апрель 1942 года - свыше 3 тыс. экземпляров. За этот период проведено с населением более 300 собраний и бесед с разъяснением правды о Советской Родине и положения на фронтах, систематически читали сводки от Советского информбюро. В результате население срывало выполнение всех видов заготовок и налогов, а старшины и старосты отказывались служить немцам и стали оказывать содействие партизанским отрядам (старшина Колодненской волости Березовский Н.Д., старосты Хомков Г., Вовасов и другие).

В занятых населенных пунктах в апреле 1942 года были восстановлены Советские органы. Работа была направлена на обеспечение партизанских отрядов продуктами и другими необходимыми

средствами для партизанской борьбы (транспорт, лошади и т.д.). Весной 1942 года Советами был проведен весенний сев на площади 3720 га, Советы оказали помощь красноармейским семьям и другим попавшим в нужду.» (3)

Так, например, большую помощь группа сомообороны деревни Павловка оказывала партизанам отряда им. Баумана, где много было жителей с. Уты.

«По заданию Выгоничского райкома ВКП (б) на левобережье р. Десны организаторскую работу проводили товарищи В. Тишин (директор МТС), А. Мосин, П. Вахрашин, В. Крыловский, М. Шпаков, С. Клочкович (зав. райОНО).

Из жителей деревень Никольск, Малиновка и других посёлков, красноармейцев - окруженцев и беженцев 01.03.1942 г. был создан партизанский отряд **им. Лазо**, в количестве 110 человек (командир С.Д. Клочкович, комиссар В.А. Тишин, начальник штаба А.Ф. Мосин).

На правобережье р. Десны в селах Уты, Уручье организовывали отряды В. Рысаков, А. Карзыкин, А. Пачков, А. Кучерявенков, Г. Алёшин, П. Попов. Там возникли партизанские отряды: **им. Баумана** (командиры отряда Пётр Кузьмич Попов, Григорий Иванович Ульянов), 20.03. 1942 г. - **им. Фрунзе** в количестве 150 человек (командир А. Федотов, комиссар Я. Глебкин).

С октября 1941 по март 1942 года создан отряд **им. Щорса,** состоявший из 220 человек, который стал головным районным партизанским отрядом (командир отряда Мажукин И.С., комиссар Фильковский Ю.А., начальник штаба Андреев В.А.). В Выгоничах сохранилось здание, где располагался штаб отряда, о чём свидетельствует мемориальная табличка, там сейчас находится отделение связи и казначейство.

В деревнях Колодное, Переторги и Рясное организаторскую работу проводили Н. Тарасов, С. Мокрогузов, Н. Аверченков, К. Аверченков, А. Зуев. Там были созданы партизанские отряды **им. 26 бакинских комиссаров** и 25. 02. 1942 г. - партизанский отряд **им. Буденного** в количестве 284 человек (командиры отрядов Николай Данилович Тарасов, Борис Фёдорович Ильин).

В селе Сосновое Болото и посёлках Богдановка, Ивановский, Михайловский 10.03.1942 г. был создан партизанский отряд **им. Чапаева** (командир Катомин А.Н.).

В Хмелевском и Алексеевском сельских Советах поднимали народ на борьбу с врагом П. Макулина, Г. Макулин. В Мякишевском сельском Совете - И. Суслин, Д. Сергеев, М. Голиков.

В партизанских отрядах были созданы отделения разведки в количестве 5 человек, назначались начальники разведки, группы по борьбе с танками по 8-12 человек, группы подрывников - 5-7 человек и группы по борьбе с самолетами в количестве 5 человек.

Партизаны наносили оккупантам ощутимые удары. Вражеские поезда, следовавшие к линии фронта и обратно, летели под откос, взлетали в воздух мосты на железных и шоссейных дорогах, трещал «новый порядок»; партизаны разгоняли сельские управы, полицейские участки, уничтожали предателей. По сводкам от 18.02.42 и 30.03.42 г. партизанами были разгромлены крупные немецкие гарнизоны в с. Красный Рог и в районе трассы Боровень. Пущено под откос три воинских эшелона, взорвана водокачка на станции Красный Рог. В результате боевых операций партизанских отрядов с ноября 1941 по апрель 1942 года было разгромлено 8 волостных управ, с боями были уничтожены Краснорогская, Мякишевская, Хмелевская и Залядковская управы. Совершенно без боя были заняты Утынская, Сосново-Болотская, Уручьенская и Колоднянская управы. В этих населенных пунктах устанавливалась Советская власть.

За этот период партизанами было освобождено 42 населенных пункта, где было прекращено выполнение заготовок и налогов для немецкой армии». (4)

Весной - в марте 1942 - был создан Брянский партизанский край, в нем восстановлена Советская власть. С Большой землей было налажено воздушное сообщение и радиосвязь. В начале июля 1942 года «в связи с одноименностью партизанских отрядов, что создавало ряд затруднений и путаниц, 5 июля 1942 года приказом №63 объединенных партизанских отрядов групп районов Орловской области ниже поименованные отряды именовать: партизанский отряд им. Буденного именовать - **отряд им. 26 бакинских**

комиссаров. Партизанский отряд им. Чапаева и им. Фрунзе именовать отрядом **им. Баумана».** (5)

Было создано командование объединенных партизанских отрядов Выгоничского района: Н.Д. Тарасов - командующий; В.И. Колесов - комиссар; Б.Ф. Власов - начальник штаба. Фактически создалась партизанская бригада.

После того, как были созданы в нашей округе партизанские отряды, по инициативе населения стали возникать группы содействия партизанам. В эти группы вошли те, кто не попал по каким-либо причинам в партизанские отряды. В основном это были молодые люди 14-17 лет, женщины и старики, способные держать в руках оружие. Группы содействия распространяли листовки, собирали обмундирование, продовольствие, оружие, боеприпасы и доставляли их в отряды. Вооруженную борьбу на первоначальном этапе они не вели. По мере развития и расширения партизанской борьбы группы содействия стали брать на себя оборонные функции и даже предпринимать в пределах своей местности активные боевые действия, диверсии на линиях связи. Таким образом, они превратились в группы самообороны.

Один из руководителей партизанского движения в Выгоничском районе Василий Андреевич Андреев 20 февраля 1942 года в своём дневнике записал: «Уже 16 групп самообороны, в которых состояло более 1000 человек. Отвоевано 16 населенных пунктов, причем главное даже не в том, что отвоевано. В наших условиях это относительное понятие: завтра нас могут из них выбить. Главное в том, что народ вступает в борьбу.. Вооружены они кто чем обзавелся: обрезами, пистолетами, курковыми дробовиками, берданками, но оружие - у всех».

О группах самообороны не всегда упоминается, а нынешнее поколение и вовсе мало что знает о них. А ведь эти группы подвергались немалому риску, находясь на оккупированной немцами территории, проявляя мужество, смелость, все те качества, которые по праву называют высокими.

Несмотря на то, что в начальный период оккупации партизанские отряды нашего района были малочисленными, они вели бое-

вые операции с врагом: устраивали засады, взрывали шоссейные и железнодорожные мосты, уничтожали связь.

«Так партизанами отряда им. Баумана 3 сентября 1942 года в районе Полужье была повреждена телефонно-телеграфная связь на расстоянии 100 м и обстреляна ж.д. будка.

7 сентября 1942 года, выполняя задание командования, разведчик Карпушин в районе совхоза Уты поджег две скирды необмолоченного хлеба, приготовленного для немцев, сгорела конная молотилка, 700 пудов хлеба.

9 сентября 1942 года группой подрывников под командованием комиссара 1-го батальона тов. Капезова в районе Красный Рог-Хмелево пущен под откос воинский эшелон с живой силой противника, шедший по маршруту Гомель - Брянск. В результате крушения эшелона убито около 450 немецких солдат и офицеров, замечено большое количество раненых.

За сентябрь 1942 года партизанами района нанесен ущерб противнику:

1. Пущено под откос в/эшелонов-3
2. Уничтожено автомашин - 9
3. Уничтожено полевых кухонь-8
4. Обстреляно 2 эшелона
5. Сожжено 2 скирды необмолоченного хлеба
6. Сожжено караульное помещение с боеприпасами. В боях при крушении эшелонов противник понес потери:

1. Немецких солдат-1104 человека
2. Офицеров -1
3. Украинских солдат - 62 человека.» (6)

Следует отметить тот факт, что на территории района, в населенных пунктах Уручье, Рясное, Колодное, Переторги находились солдаты украинского казачества, мадьяры, выступавшие на стороне немцев.

Одной из удачных операций партизан Выгоничского района является разгром фашистского гарнизона в Красном Рогу. Это было как бы «осиное гнездо», сюда съезжались все предатели, бежавшие из освобожденных партизанами сел и деревень. Здесь были полицейские, старосты и, конечно, немцы. Именно из Красного

Рога враг нападал на партизанские деревни, прочесывал леса, зондировал силу партизан. В Красный Рог отправляли мирных жителей с целью дальнейшего использования в Германии в качестве рабочей силы. Здесь допрашивали и убивали. Весной 1942 года партизаны имели информацию, что неприятель хочет провести рейд в Сосновое Болото и Уты. Руководство партизанских отрядов собралось на совещание партизанского актива. Фильковский, Мажукин, Тарасов, Черный и другие тщательно разработали операцию. Сумели внедрить своего человека, один из партизан был зачислен в штаб полицейского подразделения. Таким образом, партизанский штаб получил схему расположения учреждений, войск и обороны Красного Рога.

Сложность операции заключалась в том, что силы врага были больше в три раза, а вооружение вообще сравнивать трудно. Но всё же операция прошла по плану. В этом бою отличился утынский партизан Андрей Ильич Баздеров, который впоследствии был награжден орденом Красного Знамени.

Операция по разгрому фашистов в Красном Роге 4 апреля 1942 года, которую партизаны нашего района провели успешно, была не первой и не последней. При минимальных потерях они сумели уничтожить местное логово фашистов. Взяли в плен 70 человек, уничтожили 7 пулеметов, 5 минометов, 63 винтовки, складское помещение с оружием и боеприпасами. Было взято около 50 тонн хлеба, часть которого раздали местным жителям, 100 голов скота. Среди партизан было лишь 4 раненых и 1 убитый. К сожалению, им оказался командир отряда им. Щорса Василий Андреевич Рысаков. Посмертно В.А. Рысаков был награжден орденом Красной Звезды.

В феврале 1942 года немцы бросили против выгоничских и навлинских партизан карательные войска. Немецкие карательные экспедиции, не имея успеха в борьбе с партизанами, выливали свою злобу на мирном населении.

«В конце февраля 1942 года в хуторе Малиновка Лопушского с/совета были замучены и расстреляны немецкой карательной экспедицией Дробышевский Иван Васильевич 33-х лет, Дробышевский Николай, 45 лет, были подозреваемы как партизаны, которых

зверски мучили, выламывали пальцы, руки, отрезали носы, выкололи глаза, а после зверских пыток были расстреляны около хутора Малиновка в болоте.

Колхозники Залядковского с/совета зверски были замучены и расстреляны немецкой карательной экспедицией. Романчевский Владимир - 28 лет, Лабутин Николай Матвеевич - 30 лет, везли дрова из леса, подъезжая к поселку, их выследили солдаты немецкой карательной экспедиции, сразу схватили и начали производить пытки, а потом расстреляли.

29 мая 1942 года карательная экспедиция, для того, чтобы узнать семьи партизан и выявить, где находятся партизаны, силой оружия согнали население Соснового Болота на луг. Из толпы жителей были взяты на допрос учительница Николаева Евгения Павловна 1916 года рождения, колхозница Барабанова Мария Сергеевна 1922 года рождения, которые подверглись зверской пытке путем избиения плетьми и угрозой расстрела». (7)

Тяжелые бои, которые пришлось вести в этот период партизанам Брянщины против крупных карательных экспедиций, выявили ряд организационных недостатков. Требовалось объединить силы партизан в более крупные формирования - бригады.

Южная оперативная группа включала в себя 10 партизанских бригад и 3 самостоятельных партизанских отряда. В ГАБО сохранился приказ об образовании **бригады им. Щорса.**

ПРИКАЗ

«От 19.11. 1942 года №0058 О формировании партизанских бригад.

Во исполнении приказа Председателя Центрального Штаба Партизанского Движения члена Военного Совета Брянского фронта ~ старшего майора государственной безопасности т. Матвеева от 19.11.1942г.

о формировании партизанских бригад. Приказываю

1. Из существующих партизанских отрядов сформировать бригады:... ж) бригаду им. Щорса из отрядов: им. Щорса, им. Лазо,

им. 26 бакинских комиссаров, им. Баумана, им. Стрельца Брянский второй

Рапой дислокации бригады - устье реки Ревна, устье р. Наеля, р. Десна, Пролысово.

Район действия бригады — разъезд Полужье, Почеп, Уты, Брянск, Жирятино.» (8)

Впоследствии отряд им. Стрельца остался самостоятельным отрядом, не вошел в бригаду им. Щорса. Командир этого отряда воистину человек - легенда. Отечественную войну он встретил подо Львовом. После тяжелых оборонительных боев Стрелец со своим взводом выходил из окружения в районе Киевщины. По дороге к ним присоединялись такие же как они, окруженцы. Однажды встретились с группой капитана НКВД Сабурова А.Н. Вместе прошли Конотоп и Шостку, Хутор Михайловский. Темной стеной встали перед ними Брянские леса. Оставалось мало надежд пробиться через линию фронта к своим. «Стрелец, Николай Чапов, Иван Скобелев, Янбулатов, Абрам Беленький, Мамади Хомракулов, Анатолий Вырва решили: фронт и только фронт. Группа, которую можно было назвать интернациональной, стала искать место для прорыва. 6 октября она появилась в Суземском районе, затем перебралась в Выгоничский, пришлось отойти в Навлинский. Скоро связались с группой партизан, которую возглавил Е.М. Косов. Проводили мелкие диверсии. Так и родился новый отряд. Филипп Стрелец был назначен его командиром, Василий Бойко - комиссаром. Назвали отряд «Летучка №1». «Летучка №1» оказалась едва ли не самой мобильной боевой единицей во всем партизанском крае. Сегодня она действовала здесь, а завтра - уже на десятки километров вперед. Партизаны первыми навязывали бой. И значит, условия любого сражения уже диктовали сами. К январю 1942 года слава о боевых действиях отряда гуляла по всей Брянщине. Отряд Стрельца рос, совершая дерзкие операции. Он пускал под откос воинские эшелоны с людьми, техникой и вооружением. В конце января 1942 года военный совет Брянского фронта прислал на имя Стрельца телеграмму: «... Гордимся Вашими стойкостью, мужеством, упорством. Военный совет уверен, что находясь в тылу врага Вы и впредь будете беспощадно истреблять немецких извергов». (9)

Разведка установила, что ст. Полужье была превращена гитлеровцами в базу укрытия для своих поездов. Там был склад боеприпасов и горючего. Здесь же останавливались поезда, если более крупные станции подвергались налетам. Станцию предстояло уничтожить. Задание поручили Филиппу Стрельцу. От помощи он отказался. Взял 69 человек. Предстояло пройти многие километры.

В ночь на 4 февраля смело атаковали немецкий гарнизон на ст. Полужье. Были уничтожены многие фашисты. Взорвана водокачка, вагоны с боеприпасами и горючим.

В разгар боя к станции подошел бронепоезд. Трудно пришлось партизанам, слишком неравны были силы. Партизаны в этом бою потеряли 9 человек, 6 было ранено. В бою был тяжело ранен Филипп Стрелец.

Несколько раз товарищи пытались вынести тело командира из вражеского кольца, но каждый раз ложились мертвыми рядом с командиром. Гитлеровцы устроили засаду возле тела «лесного бандита» Стрельца. Знали: за ним обязательно придут. Были сделаны две попытки, но лишь вторая увенчалась успехом. Кирей Петрович Трушкин со своим другом Антоном Васильевичем Толстых сумели под прикрытием метели выкрасть тело командира.

В память о командире отряд был назван его именем. 1 сентября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Ф.Е. Стрелец навечно зачислен в списки первой роты Киевского высшего военного инженерного дважды Краснознаменного училища связи. На ст. Полужье, неподалёку от Выгоничей, установлен скромный памятник, где похоронен Ф.Е. Стрелец. Школа в Полужье носит имя Ф.Е. Стрельца.

К началу марта 1943 года Советскому командованию уже было известно, что летом главные события на Советско - Германском фронте будут происходить в районе Орла и Курска. Надо было, по возможности, мешать немцам готовиться к летней кампании, срывать подвозку к фронту военной техники, продовольствия и боеприпасов. На железнодорожной магистрали Брянск - Гомель, одной из крупнейших артерий, снабжавшей фронт, находился крупный железнодорожный мост через Десну в районе Выгоничей, из-

вестный под названием Голубой мост. По этому мосту шли немецкие воинские эшелоны.

«В конце февраля 1943 года командующий Центральным фронтом К.К. Рокоссовский обратился к начальнику Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко:

- Предлагаю поставить задачу брянским партизанам : взорвать в районе Выгоничей железнодорожный мост, пропускающий к фронту десятки вражеских эшелонов в сутки» (10)

Радиограмма: Горшкову, Емлютину

Матвеев приказал;

Бригада им. Щорса - 800 человек, совместно с отрядом Ворошилов №1 - 25 человек, командованием Ромашина, взорвать ж.д. мост через р. Десна в районе Выгоничи. После взрыва моста этими же силами парализовать грунтовую дорогу Почеп-Брянск, не допустить этим самым движение. Захватить и подготовить рубеж для подхода Красной Армии на правом берегу Десны в районе Уручье - Рябчевск

2. 3. 1943 Гоголюк

(Принял Власов - начальник штаба, капитан)» (11)

3 марта к Ромашину явились командиры и комиссары отрядов. Прибыли Горшков и Емлютин. Для участия в операции из бригады «Смерть немецким оккупантам» направлялось ещё 250 человек и 100 человек из бригады им. Кравцова. Командир отряда им. 26 бакинских комиссаров Н.Д. Тарасов должен был лично возглавить группу захвата «языков» и к 6 марта доставить их в отряд. В бригаде им. Щорса имелось 500 кг тола, выплавленного из артиллерийских снарядов, но так как он был плохого качества, Ромашин обратился к Горшкову и Емлютину с просьбой доставить в бригаду Щорса 300 кг тола, 200 гранат Ф-1, 50 автоматов. 6 марта все это было доставлено.

Понимая стратегическую важность данного объекта, немцы усиленно его охраняли. Фашисты у самого моста, на подступах к нему имели большие гарнизоны, в окрестностях все населенные пункты были заняты неприятелем. Вокруг моста, и особенно с юго-восточной стороны, были сооружены оборонительные укрепления. Немцы установили большое количество мин. Все кусты у Десны

были вырублены под корень. Имелись доты и дзоты. Многие группы смельчаков, которые пытались пробраться к мосту, терпели неудачу. Его можно было взорвать, лишь имея большие силы и хорошо подготовленных специалистов.

Всего неделя ушла на подготовку операции. Для нанесения основного удара по гарнизону охраны «Голубого моста», его полной ликвидации создавалось 2 группы захвата. Первая группа - правое крыло, из состава Брянского районного партизанского отряда и отряда им. 26 бакинских комиссаров. Командиром группы назначен А.Т. Писарев, его зам. - Н.Д. Тарасов, которым поставлена задача: в 00.30 мин. 8.03.43 года сосредоточиться на исходном положении для наступления в районе изгиба Десны, что северо-восточнее моста в одном километре. В 1.00 стремительной атакой уничтожить охрану на правой стороне моста и обеспечить диверсионным группам условия для его взрыва.

Вторую группу - левое крыло, создать из отрядов им. Щорса и им. Лазо. Командиром назначен Б.Ф. Ильин, его зам. - В.И. Колесов, которым поставлена задача: в 1.00 8.03.43 г. стремительной атакой уничтожить охрану на левой стороне моста, обеспечить отсюда прикрытие диверсионных групп. Командиру партизанского отряда им. Баумана Н.Н. Черненкову в 00.30 мин. занять оборону в пункте Выгоничи - Клинок на дороге Брянск - Почеп, чтобы не допустить переброски противника. Второй группе этого отряда под командованием Н.И. Воробьева в 1.00 взорвать ж.д. полотно в районе Хмелево - Бородино, уничтожить телефонно-телеграфную связь, заминировать грунтовую дорогу Брянск - Почеп.

Диверсионная группа по взрыву моста состояла из 2-х взводов - 60 человек. Командиры: группы - С.М. Матюхин, взводов - Ш.В. Локтюшов, В.Б. Щанин. Инструкторы-подрывники - С.И. Лапшин, Н.П. Аржакин.

Группе под командованием майора Г.Ф. Покровского в 1.00 атаковать Выгоничи и Кресты, парализовать противника в с. Лопушь. Второй группе под командованием Волкова Б.В. 7.03.43 г. в 23.00 атаковать противника в Полужье, прервать телефонно-телеграфную связь, взорвать в 2-х местах ж.д. полотно, не допустить переброски вражеского резерва к мосту.

Итак, время нападения - 1.00 8.03.43 г. Конец операции после взрыва моста - через 30 мин., пароль и пропуск на время операции вводится с 18.00 7.03. 43 г. Пароль - «Десять». Пропуск: «Ты куришь?», отзыв: «Огня нет».

На рассвете 7 марта по лесным дорогам потянулись партизанские колонны и обоз. Шли спокойно, неторопливо, путь лежал далекий и тяжелый. В 24.00 группы захвата правого и левого крыла достигли места сосредоточения. Увидев очертания моста, остановились. Ромашину докладывали шепотом. К мосту партизаны подошли с западной стороны, откуда противник не ожидал нападения. С резким шипением взлетают немецкие осветительные ракеты, у моста завязался бой. Начинается бой и на участке Выгоничи - Кресты - Лопушь. Мост взят, но бой продолжается, а два взвода подрывников под контролем Лапшина и Аржакина уже укладывают тол: под каждую ферму моста - 400 кг. Все делается надежно.

«-Все готово! - Кричит Лапшин и снимает шапку. Взметнувшееся огромное багровое пламя рассекло темное небо, озарило широкую пойму Десны, а могучий гул взрыва, долго не утихая, все катился по её раздольным берегам». (10)

С высоты 19 метров северная ферма моста рухнула и проломила лёд, южная опустилась вниз. На часах было 2.20. Партизаны своими слаженными действиями настолько ошеломили врага, что, как потом выяснилось на допросах пленных, фашисты решили, что это регулярные советские войска своим контрударом прорвали фронт и напали на их гарнизон.

Закончилась ночь. Партизаны, уставшие до предела, возвращались в свои отряды. В 12 часов дня Ромашин вошел в свою землянку с группой командиров. Радист Юра Савченко записал текст радиограммы:

Штаб партизанской бригады им. Щорса 8 марта 1943 года 12.30. Брянский лес Матвееву Пономаренко Емлютину Боевое донесение №БД 0803

Ваш приказ о взрыве ж.д. Выгоничского моста через р. Десна Выполнен 8.03 1943 в 2.20 мост взорван, движение эшелонов приостановлено. Взорвано три деревянных моста на грунтовых дорогах Брянск - Почеп. Гарнизон охраны Выгоничского моста

143 человека немцев уничтожено, 3 - захвачено в плен. Дополнительно доношу письмом. Ромашин, Курнявцев, Власов. (11)

В своем боевом донесении начальник штаба и бригады капитан Власов сообщает: «В бою с противником проявили мужество и храбрость командиры, бойцы, подрывники:

1. Алёшин Г.В.
2. Мартыненко Е.
3. Сапин А...

всего 62 фамилии.

Потери отрядов: убитыми 10 человек, ранеными 39 человек.

Потери отряда Ворошилова №1 - убито -2 человека, ранено - 7 человек, обмороженных -12 человек.....» (11)

О взрыве Выгоничского моста доложили командующему фронтом генералу Рокоссовскому. Анатолий Петрович Горшков рассказал о курьезном случае, который тогда произошел.

«Во время доклада Рокоссовскому в его кабинете находился один из летчиков, который только что вернулся из района операции.

- О каком мосте идет речь? - спросил он.

- О мосте через Десну в районе Выгоничей, - ответил офицер, докладывавший Рокоссовскому, и показал его на карте.

- Ничего подобного, - заявил летчик. - Я только что был там. Мост целехонек!

- Вы не ошиблись? - спросил Рокоссовский.

- Никак нет, товарищ генерал» (12)

Решили послать другого летчика проверить и доложить о действительном положении дела. Может быть, этот случай и явился причиной того, что только через неделю, 14 марта, Совинформбюро сообщило: «Партизаны, действующие в одном из районов Орловской области, на днях взорвали большой железнодорожный мост. Движение поездов на железной дороге, ведущей к фронту, прекращено».

Позднее, в район моста была послана разведка, состоящая из военных инженеров. Ими был составлен акт.

Акт

20 марта. 1943 год. Брянский лес.

Я, уполномоченный штаба в/ч 00130 инженер Медведев совместно с представителем штаба Объединенных бригад Западных районов Орловской области - ст. лейтенантом Аржакиным Н.П., заместителем командира бригады им. Щорса по разведке и диверсии партизанского отряда им. 26 бакинских комиссаров - провели разведку в направлении Выгоничского ж.д. моста через р. Десна у ст. Выгоничи -подорванного партизанскими отрядами бригады им. Щорса 8.3.43 и установили

1. Ко времени выхода в район моста 20.3.43-мост восстановлен не был.

2. Ясно было видно, (с юга) первая левая ферма южного моста (от правого берега) лежащая наклонно и ниже других ферм и частью ниже быков.

3. Крайняя - левая ферма с северного моста видна не была.

4. Во время наблюдения к мосту со стороны ст. Выгоничи подошел состав (задним ходом) общей длиной 115 м. Состав остановился у моста, после чего начались какие-то работы по погрузке или разгрузке.

5. Во время наблюдения никакого крупного передвижения по мосту не наблюдалось. В результате разведки следует придти к выводу, что:

а/мост был взорван, при этом были разрушены обе левые фермы моста В настоящее время ж.д. движение составов через мост не наблюдается в/ж.д. движение по линии поддерживается с помощью перегрузки или это движение имеет целью подвоза строительных материалов. Подписи:

Инженер Медведев
Ст. лейтенант Аржакин
Ст. лейтенант Николашкин
21 марта 1943 года. (11)

Временный захват немецкими войсками территории Выгоничского района принес его населению огромные экономические тяготы, полную незащищенность от произвола оккупационных властей.

Немецкие оккупанты всячески истребляли население района, мужчин, женщин, подростков и стариков, угоняли на каторгу в

Германию в немецкое рабство. Жители п. Красное, Хмелево, Лопушь, Борачевка, Козловка находились в лагере №142 п. Урицкий, в 3-х километрах от станции Брянск-1. «Голод, грязь и холод в лагере - всё это приводило к большой смертности, особенно гибли дети. Ежедневно из лагеря вывозили по 100-150 трупов. Иногда немцы устраивали для себя развлечения: в лагерь привозили мясо павших лошадей и бросали в толпу. Когда обезумевшие от голода люди кидались на добычу, солдаты открывали огонь». (13)

Часть жителей возвратилась из Германии. Они рассказывают: «Несколько сот мирного населения, большинство из них женщин, были погружены в эшелоны и отправлены в Восточную Пруссию. По прибытию на место все проходили медосмотр, здоровые женщины разбиты по группам и угнаны как скот в поместья помещиков. Больные и истощенные женщины погружались в вагоны и возвращались обратно в лагерь. Выдавалось по 100 грамм хлеба через день. Немецкий помещик больному устанавливал срок болезни - максимум три дня, после чего, если больной не выздоравливал, его избивали палками и выгоняли вон». (14)

Всего было замучено зверскими пытками, повешено и расстреляно 552 человека, угнано в немецкое рабство 2388 человек, в т.ч. 130 детей.

Большие трудности пришлось испытать партизанам, ведь кроме боевых операций и заданий были ещё и тяжелые будни. Не хватало не только оружия, но и одежды, продуктов, медикаментов, а в зимнее время наблюдались случаи обморожения.

«В связи с тем, что политработа среди партизан до определенного времени совершенно не проводилась, за исключением распространения незначительного количества сводок Информбюро, имелись факты хищения, злоупотребления и другие безобразия в отрядах. На основе всего этого в отряде образовалось два лагеря - лагерь из местных и лагерь из военнопленных и окруженцев, среди которых зародилась ненависть друг к другу. Некоторые командиры отрядов по отношению к военнопленным и окруженцам нередко проявляли грубость и нетактичность, чем усугубляли ненависть. Часто на боевые задания и операции в первую очередь посылали военнопленных и окруженцев. Позднее, для наведения порядка в

партизанских отрядах создавались оперативно- чекистские отделы при УНКВД.» (15)

Немецкое командование и его разведорганы принимали все меры к тому, чтобы подорвать и разложить партизанское движение изнутри. Они забрасывали свою агентуру в районы деятельности отрядов, с задачей выведать планы партизан, разложить политически отряды, проводить диверсии и террор в отношении командиров и политработников партизанских отрядов В итоговой разведсводке за 23 апреля 1943 года: «... 12. Выгоничском районе противник проводит мобилизацию мужского населения в полицию, возраст мобилизируемых от 16 до 55 лет». (11)

Как ни прискорбно, имелись факты дезертирства на сторону врага из партизанских отрядов Выгоничского района.

Создание оперативно-чекистских отделов в партизанских отрядах сыграли значительную роль по ограждению и очищению партизанских отрядов от немецкой агентуры, предателей и изменников Родины.

Нельзя сказать, что все, кто служил новой власти, являлись предателями Родины. Определенная часть работала на немцев по заданию партизан или была оставлена советским командованием для организации подпольной работы. Вряд ли мы имеем право осуждать тех, кто в условиях оккупации согласился помогать немцам из-за страха, по недомыслию или по принуждению, или для кого работа на немцев была главным источником содержания себя и своих детей. Чаще всего эти люди пытались загладить свою вину, искали контакты с партизанами, оказывали помощь, либо просто переходили на их сторону. Естественно, что для предателей, запятнавших себя в расстрелах и других массовых репрессиях советских граждан, такой путь был невозможен.

Но, несмотря на все эти удручающие факты, партизаны заслуживают глубокое уважение. Не раз партизаны Выгоничского района совершали крупные диверсии на дорогах. В ГАБО сохранились десятки боевых донесений партизан о проделанной работе. Вот лишь несколько из них:

"В мае месяце 1942 года руководящими работниками объединенного штаба были разработаны и проведены большие операции

на железных дорогах: Брянск - Гомель, Брянск - Льгов. Так, например, нами, Бондаренко, Алешинским была организована и проведена в ночь с 21 на 22 мая операция по разрушению железнодорожного полотна и связи между ст. Красный Рог и Выгоничи (на линии Гомель - Брянск). В этой операции участвовало 920 человек (из них 200 человек с лопатами, пилами и топорами) 7-ми партизанских отрядов Трубчевского и Выгоничского районов. Итоги операции таковы: было 7,5 км ж.д. полотна, местами была взорвана насыпь, маленькие мосты и (на расстоянии) 4,5 км разрушена была связь (столбы спилили, провода порвали). При выполнении операции был пущен под откос немецкий бронепоезд и убито немецких солдат и офицеров 51 человек, много ранено. Станция Хмелево была разрушена, были захвачены документы и аппаратура. Наши потери - 3 человека убитых и 19 - раненых. В результате проведенной операции на перегоне ст. Красный Рог и ст. Хмелево железная дорога в течении 5-ти дней не работала. Враг вынужден был бросить большие силы и 7 самолетов на борьбу с партизанами, а также мобилизовать местное население, свыше 4 тыс. солдат и 2 ж.д. батальона на восстановление линии. Врагу удалось потеснить наши отряды и он сжег ряд населенных пунктов Выгоничского района". (14)

Из дневника начальника штаба, капитана Власова Ф.А. (16)

Огромную помощь партизанам оказывало советское подполье, которое собирало сведения о враге, организовывали диверсии, осуществляли связь с партизанскими отрядами. Были подпольные организации и на территории Выгоничского района. «7.01. 1942 года. По поручению подпольного райкома А.Ф. Мосин, Н.С. Кузнецов и И.К. Титков в селе Лопушь при больнице организовали подпольную комсомольскую группу... Группу возглавила Л. Унковская, врач» (17) Ровно месяц работала группа, в начале февраля врачи Л. Унковская и Л. Тодорцева, фельдшеры А. Каничева и В. Стеганцова вынуждены были покинуть больницу и уйти к партизанам.

Запись от 7 августа 1942 года: «Разведка доложила, что партизаны-разведчики, комсомольцы Михаил Петрович Зубарев и Татьяна Фёдоровна Полозова 6 августа в 5 часов утра немцами

расстреляны в селе Лопушь против больничной рощи в ольшанике...» (17) По данным ГАБО разведчица Татьяна Федоровна Полозова была расстреляна 6 июля 1942 года.

К сожалению, многие мужественные герои сопротивления не дожили до освобождения, имена многих подпольщиков до настоящего времени остаются неизвестными.

В 1943 году территория Брянщины была освобождена. В Орле был проведён парад партизанских войск, который подвёл итог беспримерной борьбе более чем 60 тыс. патриотов, действующих в Брянских лесах. В этом параде принимали участие и партизаны Выгоничского района.

Во время Отечественной войны, особенно в начальный её период, партизан особо наградами не баловали. Да о них никто и не думал. Тем не менее, за героизм и мужество, проявленные в боях с врагом, многие партизаны района награждены орденами и медалями.

Мы не должны позволить забыть эту героическую и скорбную страницу в истории нашей малой родины. Прикосновение к подвигу наших земляков - урок гражданственности, самоотверженности и мужества. Это урок верности Отчизне.

Литература

1. ГАБО. Предисловие к описи Фонда №1650 Брянского штаба партизанского движения в годы Великой Отечественной войны (1941-1945).

2. Клочкович, С. Уходили в поход партизаны : воспоминания командира партизанского отряда им. Лазо / С. Клочкович // Свет Октября (Выгоничский р-н). - 1984. - 9 августа.

3. ГАБО, ф. 1650, оп.1,д.307.

4. ГАБО, ф. 1650, оп.1, д. 214.

5. ГАБО, ф. 1650, оп.1, д.307.

6. ГАБО, ф. 1650, оп.1, д.194.

7. ГАБО, «Акт о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов в Выгоничском Районе Орловской области в период оккупации немцами района (1944 г. 30 апреля).

8. ГАБО, ф.1650, оп. 1, д.3.
9. Анищенко, Е. Командир «Летучки №1» / Е. Анищенко // Брянский комсомолец.-1989.-15 окт.
10. Юдичев, Г.А. Война и наша юность / Г.А. Юдичев. - Брянск, 2002.-112 с.
11. ГАБО, ф. 1650, оп.1, д.615.
12. Полозов, И. М. За землю Брянскую / И.М. Полозов.- Брянск, 2000.-134 с.
13. ГАБО, ф.6, оп. 1, д. 54.
14. ГАБО, ф.1650, оп. 1, д. 220.
15. ГАБО, ф.1650, оп.1, д. 4
16. ГАБО, ф.1650, оп.1, д.317
17. ГАБО, ф. 1107, оп. 1, д.75

Партизаны Жуковского района

Русаков Н.И.
Центр культуры и досуга Жуковского района
Брянская область, Россия

22 июня 1941 года фашистская Германия, совершив чудовищный акт вероломства, обрушила на спящие города и села всю мощь своей военной машины. Советское правительство, ВКП(б) предпринимают самые энергичные меры по организации отпора врагу.

Лозунгом дня стал призыв: «Все для фронта, все для Победы».

Страна превращалась в военный лагерь. 24 июня Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о создании истребительских батальонов для защиты городов и сел от немецких диверсантов, тушения пожаров, возникающих при налетах вражеской авиации, поджогов. В начальный период войны эти батальоны сыграли важную роль, а позднее они стали ядром партизанских отрядов.

28 июня 1941 года в п. Жуковка был сформирован истребительный отряд, где командиром стал начальник милиции Государев. На отряд были возложены обязанности вылавливать и уничтожать сброшенных с парашютом диверсантов, шпионов и предателей, всячески вредивших населению. Они травили колодцы, пастбища, водопои, взрывали важные объекты, убивали руководителей и активистов. 6 июля отряд перешел на казарменное положение. 29 июля ЦК ВКП(б) принял Постановление «Об организации борьбы в тылу вражеских войск», которое обязывало местные партийные и советские органы, наряду с созданием партизанских отрядов, развернуть сеть наших подпольных организаций и обеспечить их руководство.

11 сентября Орловский обком партии принял постановление о подготовке гражданского населения к вооруженному сопротивлению. Начинается активная борьба с захватчиками. В связи с приближением фронта необходимо было ускорить эвакуацию материальных ценностей, промышленного оборудования, усилить их охрану. На территории района во всех сельских Советах создаются отряды самообороны.

Еще 10 июля РК ВКП(б) стал формировать костяк будущего партизанского отряда. Уже 16 июля А.Н. Жданов объявил о создании партизанского отряда и его руководителях. Командиром отряда назначен Воробьев Ефим Михайлович, функции комиссара отряда возложил на себя А.Н. Жданов и своим заместителем назначил Григория Васильевича Мальцева. Встал вопрос о создании партизанских баз. Начальник разведки Иван Иванович Никишин, бывший Ржаницкий лесничий, предложил расположить базы в урочище Красный уголь - глушь, куда редко заходил человек даже летом. Предложение было принято.

Удержать превосходящие силы противника наша Армия не смогла и с боями отходила на восток к деревне Летошники. В первых числа октября линия фронта подошла к Десне. 6 октября 43-й армейский немецкий корпус расширил прорыв в районе д. Семеновка - Рековичи и, боясь окружения, по приказу 50-я Армия медленно отступает. Весь район оказался в оккупации, а партизаны - в центре линии фронта. Положение складывалось очень тяжелое.

Жуковский партизанский отряд официально утвержден 10 октября 1941 года.

Как вспоминает Иван Романович Белугин, первую боевую операцию совершили партизаны под руководством П.В. Мальцева. 10 октября они пробрались ночью в Жуковку и забросали дом бывшего директора завода, где расположились немецкие офицеры, гранатами. Погибло девять фашистов. Партизаны постоянно устраивают засады на дорогах и окраинах Жуковки.

В ночь с 14 на 15 октября группа партизан в количестве восьми человек взорвала железнодорожный мост у станции Чернетово. 23 октября партизаны сожгли деревянный мост на шоссейной дороге Брянск - Смоленск на реке Угость. 27 октября Г.В. Мальцев и И.Р. Белугин устроили засаду у д. Велия и разогнали карательный отряд и девятнадцать немцев нашли себе могилу на Жуковской земле. В ночь с 6 на 7 ноября комсомольцы Терехов Василий Иванович и Терехов Сергей Федотьевич взобрались на крышу школы и водрузили красный флаг. А на здании бывшей весовой был прикреплен плакат «Да здравствует 24 годовщина Великого Октября». Это работа двух друзей - комсомольцев Михаила Воронина и Михаила Монахова. Эти действия партизан поднимали дух и веру жителей района в скорую победу. В это же утро на хуторе Поляковка завязался бой с немецкой разведкой. В этом бою немцы потеряли троих своих солдат, для партизан обошлось все без потерь.

День за днем писалась тяжелая история борьбы с немецкими оккупантами. Враг не знал покоя на нашей земле. 12 ноября 1941 года Жуковский партизанский отряд ликвидировал поселковую полицию и разогнал работников районной управы.

Для проведения более масштабных действий необходимо было объединить силы небольших групп, партизанских отрядов. В этой связи 28 ноября 1941 года командование Жуковского отряда создало Жуковский межрайонный штаб по организации партизанского движения на территории Жуковского, Дубровского и Рогнединского районов. Начальником штаба был утвержден И.Р. Белугин, комиссаром - Г.В. Мальцев. Главной задачей штаба была координация действий всех партизанских отрядов на данных территориях и широкая разъяснительная работа среди населения. Во

многих населенных пунктах проводились собрания, беседы, распространялись газеты «Правда», «Известия», расклеивались листовки, отпечатанные в партизанской типографии.

7 января 1942 года отряд численностью до трехсот человек разогнал немецко-полицейский гарнизон в Жуковке и в течение пяти дней удерживал власть в поселке. Над зданием райисполкома развевался красный флаг. В это время отряд уже имел три десятка станковых и ручных пулеметов и даже 45-ти мм пушку. Командиром расчета был бывший председатель колхоза Кирей Афанасьевич Малкин. В начале февраля на совещании в д. Старое Лавшино был сформирован Дубровский отряд, командиром которого назначили И.Р. Белугина, а комиссаром - П.М. Мартынова.

19 февраля 1942 года немецкий карательный отряд численностью до 250-ти человек прибыл в Жуковку. Разведка Жуковского партизанского отряда установила наличие и расположение сил противника, его огневых средств, количество охраны. Командование отряда приняло решение дать бой карателям. Были сформированы четыре боевые группы. Первая группа под командованием М.С. Гончарова должна была прямой наводкой из 45-ти мм пушки начать обстрел здания шпалопропиточного завода, а затем батальон под командованием З.А. Тараканова должен был идти на штурм. В этом здании завода сосредоточены были основные силы карателей. Всей операцией руководили Е.М. Воробьев и И.Р. Белугин. В 2 часа 10 минут ночи взвилась красная ракета. Бой прошел удачно, как и было намечено по плану. Немцы потеряли сто двадцать два своих солдат и офицеров и восемнадцать полицаев. Понесли потери и партизаны. Погибли лейтенант У.К. Тараканов, В. Гринин. Уходя, подрывники взорвали железнодорожные стрелки в сторону Олсуфьево, что на несколько дней выводило железную дорогу из строя. В это время активизировали свои действия партизаны Клетнянских отрядов. Все действия партизан согласовывались с командованием 10-й и 50-й армий.

23 февраля 1942 года Жуковские партизаны разгромили эшелон с продуктами для немецкой армии на Клетнянской железнодорожной ветке, недалеко от станции Белоглавая. Продукты раздали населению и партизанам. К сожалению, в этом бою погиб люби-

миц отряда Поляков Николай Сергеевич, был тяжело ранен Платонов Михаил. После этих событий в Жуковку к немцам прибыло подкрепление из Рославля. Теперь здесь стоял бронепоезд, авиация методично бомбила поселок. В начале марта 1942 года немецкое командование перебрасывает в район Жуковских лесов до четырех тысяч солдат специальных войск для «очистки» лесов от партизан. Секретарь Жуковского РК ВКП(б) сообщил о сложившейся обстановке секретарю Орловского обкома партии.

5 марта стоял морозный солнечный день. Ничто не предвещало беды. И вот разведка сообщает, что идет большой карательный отряд. Рота под командованием Николая Петровича Сушкова заняла оборону у д. Хизня. Не успели укрепиться, как в воздухе появились немецкие самолеты - разведчики. Они обнаружили партизан. Завязался бой. Он длился семь часов. Немцы окружили отряд и только к вечеру, когда стало темнеть, бой затих. План ухода из окружения был прост. Решили уходить по дороге, откуда наступали немцы. Такого маневра партизан враг не предусмотрел. Отряд вышел из окружения, понеся большие потери - двадцать семь человек погибли. Среди них был и секретарь райкома ВКП(б) А.Н. Жданов. В этот же день не вернулись из разведки А. Первицкий, Ф. Жученков и сын командира Жуковского партизанского отряда Воробьев Саша. Самому старшему из них было семнадцать лет. Погибли они от рук полицаев д. Дятьковичи.

Из-за результатов боя между Е.М. Воробьевым и Г.В. Мальцевым возникли разногласия. В этой связи 10 марта 1942 года из 1-го отряда сформировался 2-й Жуковский отряд, где командиром стал Гомонов В.Е., а комиссаром - Мальцев Г.В.

В целях улучшения организованности и боеспособности отрядов 29 апреля 1942 года командование фронта объединяет разрозненные отряды в 3-ю Рогнединскую партизанскую дивизию, ядром которой стал 2-ой Жуковский отряд. Первым командиром партизанской дивизии назначен Галюго А.Н., заместителем - Корбут И.В., вторым заместителем - Гомонов В.Е., начальником штаба - Корчма И.Я., Мураль И.И.

Дивизия на вооружении имела два орудия, 76-ти мм миномет, тридцать ручных и станковых пулеметов.

10 мая 1942 года, около семнадцати часов от связных пришло сообщение, что в деревне Сидоровке немцы. Партизаны предположили, что это «фуражиры», которые ходили по деревням и отбирали скот и птицу для своих вояк, и решили дать им бой. Взвод Дроня с тремя пулеметами ушел левее д. Сидоровки с целью перерезать дорогу на Скрабовку. Взвод С.С. Демина перекрывал путь на Жуковку. Основные силы отряда пошли в деревню. Завязался бой. Только теперь партизаны поняли, что перед ними не хозвзвод, а хорошо обученное и вооруженное войсковое формирование. Это был карательный отряд, шедший на «чистку» брянских лесов от партизан. Враг понес большие потери и вернулся в Жуковку.

20 мая было решено провести ряд крупных диверсий на железной дороге. Группа под командованием М.Ф. Платонова ушла на перегон Жуковка - Олсуфьево; вторая группа под командованием Г.В. Мальцева вышла на участок Тросна - Жуковка. Дорога хорошо охранялась, но партизанам удалось заложить три 20-ти килограммовых заряда. И вот около 11-ти часов дня громыхнул взрыв недалеко от Олсуфьево. Поезд, шедший с живой силой и техникой противника, пошел под откос.

30 мая 1942 года был образован центральный штаб партизанского движения при Военном Совете Брянского фронта.

Трудным было лето 1942 года для партизан Рогнединской дивизии. Немцы неоднократно снимали с фронта боевые части для «чистки» лесов от народных мстителей. Ставка главного командования германской армии разработала основные положения по борьбе с партизанами. В центре всех этих положений - запугивание населения расстрелами и казнями. Так, в мае 1942 года фашисты согнали всех жителей Косилова к школе и расстреляли восемь человек на глазах населения. А в это время на переднем крае, протянувшемся от города Кирова Калужской области через Людиново - Жиздра, назревали события, которые не дали потом немецким войскам задержаться долго при общем наступлении. На этом участке фронта враг затих, концентрируя силы для нового удара. Теперь перед 50-ой армией стояла задача - что замыслило немецкое командование? Необходима была очень тесная связь со всеми партизанскими отрядами, подпольщиками. Этому мешали небольшие, но

многочисленные вражеские гарнизоны в прифронтовых селах и деревнях. Надо было выбить фашистов, создать «коридор» для глубокой связи. Так был создан Кировский «коридор», соединивший партизан Смоленщины, Брянщины и Белоруссии с фронтами. По нему шли из Кирова в глубокий тыл противника разведчики, диверсионные группы выходили из окружения. Через «коридор» население оккупированных районов с помощью партизан направляло обозы с продовольствием для нужд Красной Армии. Эта задача была возложена на 3-ю Рогнединскую стрелковую партизанскую дивизию, личный состав которой достиг две тысячи восемьсот человек. В дивизии было семь отрядов, двадцать одна рота, шестьдесят пять взводов. Кроме того, хорошо укомплектованы подрывные группы. Агентурная разведка партизан большей частью состояла из женщин и подростков.

В мае 1942 года гитлеровцы, встревоженные успешными действиями партизан, начали принимать энергичные меры по ликвидации партизанских отрядов и выходящего из окружения 1-го Кавалерийского корпуса. Весь удар немецкие части обрушили на партизан Рогнединской партизанской дивизии и небольшую часть оставшихся от корпуса, конная бригада была окружена, и девять дней блокады грозил гибелью людей. Только 3 июля глубокой ночью удалось вырваться из окружения. Огромную помощь партизанам оказывала «Большая земля». Регулярно ночью «небесные труженики» самолеты У-2 и ПО-2 сбрасывали партизанам боеприпасы, питание, увозили раненых. Партизаны вели активную «рельсовую войну». Прославили себя Васечкин Николай Васильевич, Чумин Василий Тимофеевич и многие другие. Внезапностью и дерзостью можно отметить налет на д. Падерки. Там располагался немецкий отряд численностью до трехсот человек пехоты и конницы. На деревню наступали две роты под командованием Иванова и Митракова. В каждой роте было до ста пятидесяти человек, три миномета, два станковых и восемь ручных пулеметов, по две - три гранаты на бойца. Противник не ожидал нападения и не сумел организовать оборону, потеряв в бою не менее двухсот человек, пятнадцати автомашин, шесть мотоциклов, два склада с боеприпасами. Учитывая сложности войны 1943 года, немцы усиленно охра-

няли железную дорогу. Вдоль дороги построено было много дзотов, все удобные подходы минированы.

Там, где лес подходил близко к дороге, его вырубали не менее чем 100-150 метров. Немцы ставили ловушки, развешивали консервные банки. Однако, несмотря на все эти ухищрения, партизаны днем и ночью делали свое дело. 9 июня 1943 года диверсионная группа Кужелина, А. Юфрикова и В. Печкурова взорвала вражеский эшелон с горючим и боеприпасами. Сгорело двадцать восемь цистерн, вагоны с живой силой и техникой. Движение по этой стратегической магистрали остановилось на двадцать часов, и это тогда, когда шла усиленная подготовка к Курской битве.

Вообще 1943 год отличался особой активностью партизан. Только в июле отряды партизанской бригады пустили под откос девятнадцать воинских эшелонов, одну дрезину и паровоз, взорвали от Брянска до Рославля и Кирова 417 км рельсов. Не в силах уничтожить партизан немецкое командование делает ставку на запугивание местного населения. Примером тому служит страшная трагедия д. Матреновка, где гитлеровцы сожгли заживо двести сорок три человека. Но это была тщетная попытка приглушить рокот народной войны, а значит признать силу и мощь партизанского движения. Подтверждением тому бой у деревни Каменка, что совсем рядом с д. Белево и Матреновкой. Разведка доложила, что в районе д. Каменка остановился большой отряд немцев, шедших для «чистки» лесов от партизан, отряд шел боевым порядком: разведка, мотоциклисты, усиленная механизированная колонна и пехота в количестве одного полка. Командование бригады срочно принимает решение дать бой. На расстоянии трехсот метров заминировали дорогу подрывники группы командира Мясоедова, Быстрова, Митина, Сушкова. Здесь надо отдать должное семнадцатилетнему подрывнику Николаю Васильевичу Васечкину, который с большой изобретательностью заминировал не только дорогу, но и ее обочины. В четыре часа утра проехали мотоциклисты, прошел танк, два бронетранспортера и вот идет основная колонна. Саша Быстров сумел вбросить в открытый люк танка гранату. Танк горел, вертелся на месте, преграждая путь колонне, начали взрываться на обочине бронетранспортеры. Началась неразбериха, паника. Партизанам

достались большие трофеи: документы, минометы, автоматы, боеприпасы.

Гитлеровские части, выходя из окружения, пытались пробиться через Жуковку, но на их пути встала вся Рогнединская бригада.

На дороге Николаевка - Фошня партизаны устроили засаду, немецкая колонна, войдя в лес, вплотную приблизилась к партизанам. Был открыт губительный огонь. Партизаны пошли в атаку. Дерзко действовал Юрий Смирнов бывший черноморский моряк. Он был одет в немецкую форму, прорвался в гущу немцев, расстреливал их в упор. Часть колонны была уничтожена, часть разбежалась по лесу. В течение двух дней их потом вылавливало подразделение Юрия Ляшенко.

7-9 сентября 1943 года командир бригады И.И. Мураль и комиссар Г.В. Мальцев ознакомили личный состав с обстановкой на фронте, что вызвало воодушевление личного состава.

12 сентября состоялось долгожданное воссоединение партизан с регулярной армией в д. Приютино, Зерновка. Вместе с гвардейцами генерала В.В. Крюкова партизаны освободили Жуковку.

За отличное выполнение боевого задания партизаны 3-й Рогнединской партизанской бригады получили благодарность от командования фронтом.

В 3-й Рогнединской партизанской бригаде и ее подразделениях: пущено под откос - 130 воинских эшелонов; уничтожено 127 паровозов, 82 пассажирских вагона, 529 платформ, 65 цистерн, 3 дрезины; взорвано 32 моста, 16 складов, 37 орудий, 432 автомашины, 63 танка; уничтожено 14022 м проводной связи; убито 9487 немцев, 1355 полицейских; ранено 4365 немцев, 1388 полицейских.

Выполнив свой долг перед Родиной в партизанской войне с врагом, бригада была расформирована распоряжением Верховного командования. Все способные держать оружие ушли на фронт. Женщины, подростки, старики вернулись в свои деревни восстанавливать разрушенное войной хозяйство. Надо было сеять, растить хлеб, помогать Красной Армии, ведь еще два долгих года будет идти война.

Прошли годы. Закипела жизнь в деревнях, селах и городах, но люди не забыли своих героев. На месте боев и трагедий воздвигну-

ты памятники, обелиски, стеллы, зажжен вечный огонь в г. Жуковке. Светлая память героям.

«По берегам реки Десны в лесную глубь ведут нас тропы,
Где до сих пор еще видны травой поросшие окопы.
Где до сих пор еще слышны глухой земли глухие вздохи,
И в царстве мирной тишины березы плачут у дороги.
Здесь шли бои, была война, пролита кровь родных и близких,
Их не померкнут имена на краснозвездных обелисках».

В.К. Козловский

Красногорский район в годы Великой Отечественной войны

Снытко В. А.
Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского, г. Брянск, Россия

Уходили в историю 30-е годы, принесшие немало перемен на Брянскую землю. В очередной раз сменилось административное деление: 27 сентября 1937 года была образована Орловская область, в состав которой вошел и Красногорский район. Он был самым отдаленным от областного центра и насчитывал 28 сельских Советов и 55 тысяч жителей.

Конец тридцатых годов - тревожное, предгрозовое время. Не случайно большое внимание уделялось работе организаций Осоавиахима. «Должны уметь мы целиться, уметь стрелять!» - под такой рубрикой печатались на страницах районной газеты той поры фотографии и сообщения о работе осоавиахимовских стрелковых кружков в Красной Горе.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Спустя всего две недели фронт приблизился к границам Орловщины – враг стоял у белорусских городов Рогачев и Жлобин. Разгоралось ожесточенное Смоленское сражение.

В эти дни в Красногорском районе полным ходом шло строительство оборонительных сооружений. Только в окрестностях Красной Горы общая длина противотанковых рвов превысила 12 километров. На земляных работах участвовали все жители райцентра - от стариков до школьников. Однажды над мирными людьми появился немецкий самолет и, быстро пойдя на снижение, стал бросать бомбы. Погибло более 30 человек. Среди них были учитель литературы Красногорской средней школы Василий Антонович Усов, девятиклассница Марфа Сергеенко, семиклассницы Прасковья Концевая и Мария Сергеенко, мать пятерых детей Екатерина Удовенко. Так жители Красной Горы впервые испытали на себе ужасы войны.

Для борьбы с вражескими диверсантами, а также для поддержания порядка в прифронтовой полосе в крупных населенных пунктах создавались истребительные батальоны. Такой батальон в середине июля 1941 года был организован и в Красной Горе. В его состав вошли вчерашние школьники. Одним их самых молодых бойцов был 16-летний Сергей Борисенко, закончивший 9 классов средней школы.

Тем временем обстановка на фронте резко ухудшилась. По Варшавскому шоссе – через Довск, Славгород и Чериков – враг рвался к Москве, обходя с юга Смоленск. Командование Центрального фронта и входившей в его состав 13-ой армии пыталось любой ценой укрепить дисциплину и остановить врага. Применялись суровые меры по отношению к солдатам. Так было и при оставлении Красной Горы. Красноармеец, откликнувшийся на просьбу женщины не поджигать постройки, был расстрелян своим командиром за невыполнение приказа.

1 августа 1941 года в районе Кричева наша оборона на позициях 13-й армии была прорвана, фашисты оказались северо-восточнее Красной Горы. Затем немецкие танки повернули на юг и 17 августа ворвались в Сураж.

Наиболее острой стала теперь проблема эвакуации – ведь именно в этот день фашисты появились и на территории нашего района. Однако первая попытка выехать была предпринята жителями Красной Горы еще в середине июля. Но тогда беженцы доб-

рались только до села Ущерпье, где узнали от военных, что, возможно, Красногорский район не будет оккупирован. Пришлось вернуться обратно.

Вечером 17 августа истребительный батальон получил приказ оставить Красную Гору. Двигаться нужно было в направлении Новозыбков - Климово - Семеновка – Шостка - Глухов и далее на Курск. Все другие пути были отрезаны. 18 августа гитлеровские войска овладели Стародубом, обойдя район уже и с юго-востока.

На рассвете 18 августа была предпринята новая попытка эвакуации. Жители Красной Горы снова двинулись в направлении села Ущерпье и в районе Великого Удебного, у границы с Гордеевским районом, попали под бомбежку. Здесь же они узнали о падении Стародуба и о взрыве моста через реку Ипуть в Ущерпье на дороге Красная Гора - Клинцы. Путь к отступлению был окончательно отрезан. Но истребительный батальон все же смог выбраться из котла и вскоре соединился с регулярными войсками Красной Армии. А к вечеру того же дня жители Красной Горы, безуспешно попытавшиеся эвакуироваться, вернулись домой. На улицах родного села они увидели поваленные телеграфные столбы, повсюду стояла непривычная тишина.

18 августа 1941 года вышел очередной номер районной газеты. Но он так и не дошел до читателей района: почтовая связь была нарушена. Газету раздавали солдатам. А ночью работники редакции спрятали в яме на дворе типографии шрифты. Вскоре в райцентр вступили гитлеровские войска.

Фашистский «новый порядок» означал возврат к дореволюционному административному делению. Создавались округа, волости и общины, формировались управы и полицейские станы. В округах назначались бургомистры, в волостях и селах – старшины и старосты соответственно. Местные жители подлежали обязательной регистрации. Коммунисты, комсомольцы, советские активисты, красноармейцы, евреи заносились в особые списки и должны были ежедневно отмечаться в управе. Создавались лагеря для военнопленных. Вскоре начались расстрелы мирных жителей, массовые аресты. Был введен комендантский час. Колхозникам выделялись подворные наделы в зависимости от числа едоков. Крестья-

не должны были выполнять продовольственную повинность. Фашисты забирали хлеб, коров, свиней. За время оккупации в районе было расстреляно 170 мирных жителей.

В Красной Горе было создано городское управление во главе с бургомистром. Сохранившиеся в ГАБО документы - переписка Красногорского бургомистра А. М. Гринева с сельскими старостами в марте 1942 года - позволяют сделать некоторые выводы о проводившейся оккупационными властями политике. Старостам сельских населенных пунктов предлагалось обеспечивать жильем, хлебом и картофелем переселенцев из других районов «за счет актива Советской власти». Если переселенцы были раскулачены, то предлагалось вне очереди наделять «их хорошей лошадью, упряжью и инвентарем… если не раскулачены, то на общих основаниях».

С первых же дней существования «нового порядка» предпринимались попытки сопротивления фашистскому режиму. Подпольную работу в Красной Горе начала вести Ольга Григорьевна Удовенко. Вот строки из ее биографии. В 1934 году закончила школу. Сначала работала в Госбанке, затем — в райкоме ВКП(б) машинисткой. Закончив курсы комсомольского актива, стала заведующей сектором учета, а в 1941 году была избрана вторым секретарем райкома комсомола. В августе ушла на фронт. На Украине попала в окружение и вынуждена была вернуться в Красную Гору. 7 декабря О. Г. Удовенко пришла домой и уже через 2 дня на своей квартире провела первое собрание.

Тайный агент фашистов выдал Ольгу Григорьевну. 10 декабря она была арестована, и вскоре отважную патриотку расстреляли в Новозыбкове вместе с другими коммунистами.

Вскоре в районе стало разворачиваться партизанское движение. Один из первых отрядов под командованием Дегтярева, председателя колхоза «Новая деревня» Колюдовского сельсовета, насчитывал около 50 человек. В оперативно-разведывательной сводке штаба 13-й армии Брянского фронта указывалось, что партизанами из отряда Дегтярева было захвачено три вражеских автома-

шины, одна из них легковая, уничтожено десять фашистов.[1]

Жители нашего района сражались с гитлеровцами и в составе партизанского отряда «Вперед», базировавшегося в лесах Чечерского района Гомельской области Белоруссии. В районе Красной Горы действовал и отряд под командованием Ивана Михайловича Дробкова. В документах Национального Архива Республики Беларусь в именном списке личного состава партизанского отряда «Вперед», датированном 26 октября 1944 года и подписанном заместителем начальника 2-го отделения 1-го отдела 4-го управления НКГБ СССР Зеленовым, фамилия И. М. Дробкова обозначена как Драбков. Такое же написание этой фамилии есть и в сборнике документов и материалов «Партизаны Брянщины».[2] Иван Михайлович Дробков, 1911 года рождения, уроженец поселка Новая Москва Красногорского района, сражался в партизанском отряде «Вперед» с апреля 1942 года.

Этим отрядом командовал П. А. Балыков. Петр Антонович Балыков был оставлен на оккупированной территории для организации подпольной и партизанской работы. С декабря 1941 года он возглавлял партизанский отряд «Вперед», а с марта 1943 года – Первую Гомельскую партизанскую бригаду. Местом дислокации партизан стали лесные массивы и некоторые населенные пункты Чечерского и Светиловичского районов Белоруссии, в частности, село Нисимковичи.[3]

И. М. Дробков, став рядовым бойцом партизанского отряда «Вперед», вскоре возглавил группу партизан, действовавшую на территории Красногорского района как подразделение белорусского отряда. В воспоминаниях ветеранов войны Дробков неоднократно упоминался уже как командир отряда, действовавшего в районе Красной Горы. Фашисты назначили награду тому, кто укажет место дислокации отряда. Затем полицейские арестовали жену

---

[1] Партизаны Брянщины : сборник документов и материалов. - Тула, 1970. - С. 73.

[2] Партизаны Брянщины : сборник документов и материалов. - Тула, 1970. – С. 435.

[3] Их именами названы… : энциклопедический справочник. - Минск, 1987. - С. 48.

партизана Анастасию и восьмимесячного сына Сашу, подвергали их жестоким истязаниям. 16 августа 1943 И. М. Дробков был тяжело ранен в районе села Ширки (ныне в черте Красной Горы), попал в плен и был замучен фашистами.[1] После гибели командира партизаны, сражавшиеся под командованием Дробкова, перешли в белорусский отряд П. Р. Шемякина и продолжили в его составе борьбу с врагами.

В ноябре 1941 года была. создана партизанская группа в соседнем Светиловичском районе во главе с секретарем Светиловичского райкома КП(б)Б В. А. Абушенко. В ней было всего 6 бойцов. Поэтому партизаны примкнули к Гомельскому сельскому отряду. Но уже в феврале 1942 года на основе прежней группы был сформирован Светиловичский партизанский отряд, действовавший и на территории Красногорского района. С марта 1942 года Светиловичский отряд возглавлял И. Н. Филиппов, а комиссаром стал В. А. Абушенко.

Таким образом, «в результате активных боевых действий партизан была создана Чечерская партизанская зона, в которую входили более 100 населенных пунктов Чечерского, Кормянского, Светиловичского, Краснопольского и Красногорского районов. Зона охватывала почти все левобережье реки Сож. В ней действовали органы Советской власти – райисполком во главе с бывшим директором Чечерской МТС Т. К. Коротким, председатели сельсоветов».[2] О том, что жители Красногорского района сражались в партизанских отрядах Белоруссии, свидетельствует в своих воспоминаниях бывший командир взвода партизанского отряда «Вперед» Степан Семенович Дробков. Летом 1942 года чечерские партизанские отряды Балыкова, Филиппова и Ушева были объединены под общим командованием П. Р. Шемякина.

Наиболее активно действовали партизаны в приграничной полосе, в районе населенных пунктов Колюды, Кургановка, Березовка. Об этом свидетельствуют и данные оперативно-разведывательной сводки штаба 13-й армии Брянского фронта от

[1] НАРБ, ф. 3500, оп. 6, д. 83, л. 13. Ф. 3500, оп. 11, д. 259, л. 97.
[2] Памяць. Веткаускі раен. кн. 1. - Минск, 1997. - С. 194.

10 ноября 1941 года. Возможно, речь в ней идет именно о населенных пунктах Обруб, Березовка и Малиновка Красногорского района, где 30–31 октября 1941 года были уничтожены мосты на реке Дороговша.[1]

Фашисты организовывали против партизанских отрядов карательные экспедиции, Ожесточенные столкновения происходили на границе Чечерского и Красногорского районов – у села Покоть и на реке Колпита, разделяющей оба района. В бою у Покоти было уничтожено 150 немецких солдат.[2]

Из белорусских лесов на территорию нашего района заходили партизаны из Черниговского соединения А. Ф. Федорова. Это соединение дислоцировалось с 28 августа 1942 года в Чечерских лесах. Узнав от разведчиков из отряда Шемякина о местонахождении отрядов Балыкова, Филиппова и Ушева, Федоров отдал приказ о вхождении их в украинское партизанское соединение для последующего выхода в Клетнянские леса. В августе – сентябре 1942 года партизанские отряды передислоцировались на Орловщину через территорию Красногорского района.[3]

Одним из бойцов соединения А. Ф. Федорова был наш земляк Андрей Евменович Хандожко. В начале войны он ушел на фронт, попал в окружение, затем в лагерь военнопленных в Киеве. После удачного побега вернулся в Красную Гору. Наотрез отказался служить в полиции, а весной 1942 года ушел в село Будище, что в Чечерском районе Гомельской области Белоруссии, и вступил в партизаны. Он храбро сражался с врагами и в июне 1943 года погиб в бою.

В мае 1943 года был создан новый Светиловичский партизанский отряд в составе Первой Гомельской партизанской бригады. Отряду было присвоено имя В. И. Чапаева. Отряд поддерживал связи с подпольщиками и партизанами ряда городов и сел Гомельской и Могилевской областей Белоруссии, а также с Красногорским районом и даже с подпольщиками города Клинцы.[4]

---

[1] Партизаны Брянщины : сборник документов и материалов. - Тула, 1970. - С. 66.
[2] Памяць. Веткаускі раен. кн. 1. - Минск, 1997. - С. 195.
[3] «Памяць. Веткаускі раен». кн. 2. - Минск, 1998. - С. 32.
[4] «Памяць. Веткаускі раен». кн. 1. - Минск, 1997. - С. 194.

На территории Красногорского района действовали и партизаны Клинцовского отряда. В частности, они распространяли здесь свои листовки, которые «освещали действительное положение дел на фронтах, вселяли уверенность среди трудящихся в победе Красной Армии над немецкими оккупантами, призывали к саботажу на предприятиях, в сельском хозяйстве, к организации подрывной работы в тылу врага, помощи партизанам, невыполнению указаний и распоряжений немецких оккупантов и их ставленников».[1]

Наиболее значительной операцией партизан в Красногорском районе был разгром полицейского стана в селе Заборье 18 августа 1943 года. Об этих событиях рассказал в своих воспоминаниях на страницах районной газеты «Красногорская жизнь» ветеран войны и труда И. Толстенок.

Полицейский стан размещался в кирпичном здании бывшей земской начальной школы. В подвале находилась тюрьма. Вокруг здания была вырыта глубокая траншея с колючей проволокой, при входе на территорию стана постоянно находились часовые. По улицам также дежурили вооруженные полицейские патрули. На въезде в село со стороны Красной Горы в зданиях больницы и на выезде из села в помещении средней школы также были организованы опорные пункты, где дежурили круглосуточно отряды, вооруженные пулеметами.

Операцию по разгрому полицейского стана подготовил уроженец Заборья Григорий Булах, который находился на службе у немцев и в то же время поддерживал связь с партизанами. Ему удалось организовать группу из молодых людей, насильно завербованных фашистами для службы в полиции. Расставив на постах своих единомышленников, Булах обеспечил выполнение намеченной операции. В итоге «только один немец-гестаповец оказал сопротивление, и он был убит во время перестрелки. Второй немец, лояльно относившийся к местным жителям, добровольно сдался в плен.

Всех полицаев, рьяно выслуживавшихся перед гитлеровцами, партизаны расстреляли в здании, а само здание сожгли».[2]

---

[1] Партизаны Брянщины. Сборник документов и материалов. Тула, 1970. - С. 419.
[2] «Красногорская жизнь». - №74, 16 сентября 2003.

Затем молодые полицейские вместе с партизанами ушли в белорусские леса. Летом 1943 года в северной части района партизаны практически полностью контролировали обстановку. Полицейский отряд из Красной Горы лишь изредка появлялся в этих местах и быстро возвращался обратно.

Поддерживалась и связь с Большой землей. Там знали о положении дел на оккупированных территориях. Работал Новозыбковский окружком ВКП(б), который координировал деятельность партизан и на территории Красногорского района. 12 октября 1942 года бюро Орловского обкома ВЛКСМ решило создать также и окружкомы комсомола на оккупированной части области. Работу в нашем районе проводил Новозыбковский окружком ВЛКСМ.

Жители Красногорского района храбро сражались с гитлеровцами на многих фронтах Великой Отечественной войны. Например, Василий Илларионович Борисенко участвовал в прорыве блокады Ленинграда, Иван Николаевич Удовенко – в боях под Ржевом, Петр Лаврентьевич Хандожко – в Сталинградской битве, Михаил Герасимович Снытко – в боях под Новороссийском. Многие земляки были награждены орденами и медалями. А уроженец села Заборье отважный разведчик Иван Семенович Буйневич стал полным кавалером орденов Славы.

Приближался день освобождения Красногорщины. Уже 18 сентября 1943 года на заседании Новозыбковского окружкома ВКП(б) был утвержден состав Красногорского райкома. 25 сентября, после ожесточенного боя, части 3-й и 11-й армии взяли город Сураж. В этот же день подразделения 11-й и 63-й армий вошли в Клинцы. Немецкие войска отступали со стороны белорусских городов Хотимска и Костюковичей в направлении Красной Горы. В районе поселка Прогресс Барсуковского сельсовета, у самой границы с Белоруссией, они пытались занять оборону. Наши войска вышли по левому берегу реки Беседь к деревне Антоновка соседнего Гордеевского района. Утром 27 сентября 1943 года немцы начали минометный обстрел наших позиций. Но мелководная в этих местах Беседь не представляла серьезной преграды. К вечеру 27 сентября части Красной Армии перешли в наступление, и фашисты, опасаясь окружения, поспешно отступили. В бою на террито-

рии Барсуковского сельсовета погибло 17 советских солдат и офицеров.[1]

Не удалось фашистам закрепиться и в райцентре. 28 сентября 1943 года Красная Гора была освобождена. В это же время враг был изгнан и из других населенных пунктов самого западного из 65 райцентров Орловщины. День 28 сентября навсегда вошел в историю Красногорского района.

Ущерб от войны был поистине огромен. Гитлеровцы угнали в Германию 770 человек. В Красной Горе были сожжены Дом Советов, крахмальный и маслодельный заводы, мельница, хлебопекарня, МТС, амбулатория и больница, почта и радиоузел, Дом культуры и другие объекты. В районе было уничтожено 28 школ и столько же изб-читален, 1692 жилых дома, 949 общественных построек. Ущерб составил 175 миллионов рублей.[2]

С первых же дней после освобождения жители района включились в мирный созидательный труд и уже к 1 января 1944 года восстановили райпромкомбинат с сапожной, швейной и столярной мастерскими, подготовили к пуску две паровые мельницы и два кирпичных завода в селах Колюды и Любовшо. Начали работать две амбулатории и больница, семь фельдшерских пунктов. Еще осенью были восстановлены торфоразработки. 13 января 1944 года вышел первый после освобождения от оккупантов номер районной газеты «Путь Ленина».

Руководители района М. В. Конопалов и Т. С. Кондратов основное внимание уделяли сельскохозяйственному производству. О проблемах земледельцев и животноводов речь шла на сессиях райсовета, на партийных и комсомольских собраниях, на совещаниях передовиков производства. Дружно был проведен в 1944 году весенний сев. Пахари звена Галины Протирай из колхоза «Страна Советов» Батуровского сельсовета включились в соревнование по достойной встрече 1 Мая 1944 года. В хозяйстве каждый вечер выпускалась стенгазета, в которой подводились итоги работы пахарей. Одним из лучших работников был в эти дни 73-летний Степан

[1] «Красногорская жизнь». - №76, 23 сентября 2003.
[2] «Путь Ленина». - №115, 26 сентября 1987.

Борисович Ушаков. Планы ежедневно выполняли однофамильцы Михаил Петрович, Федор Павлович, Василий Михайлович и Михаил Иванович Грибовы.

Вместе со старшими трудились и подростки. Так, в колхозе «Зеленая Дубровка» (Дубровский сельсовет) школьники М. Поленок и В. Масол выполнили план ручной обработки почвы на 140 процентов. Имена ребят были занесены в хозяйстве на Доску почета.

В июне 1944 года были восстановлены районные Дом культуры и библиотека, а уже 18 июля в Красной Горе демонстрировался художественный фильм «Радуга» по повести Ванды Василевской. Осенью того же занятия проводились в районе в 52 школах, а отделом народного образования принимались меры для обеспечения школ кадрами учителей. Организованно прошли и выпускные экзамены в июне 1944 года.

Одной из главных задач в это время было оказание помощи фронту. За год, прошедший после освобождения от гитлеровцев, жителями района было внесено на выпуск танков и самолетов 2 млн. рублей и на 4 млн. рублей приобретено облигаций внутреннего займа. Например, только за один день, 23 февраля 1944 года, в селе Перелазы было собрано 16744 рубля. Комсомольцы и молодежь внесли в фонд Красной Армии 140 тысяч рублей.[1]

А в это время районная газета «Путь Ленина» постоянно печатала статьи и заметки о том, как воюют на фронте земляки, приближая день великой Победы. «Все для разгрома врага», «Больше хлеба – ближе победа», «От Советского Информбюро» - такие заголовки встречались почти в каждом номере газеты. Это была поистине героическая летопись эпохи. Сегодня о событиях времен Великой Отечественной войны напоминают многочисленные памятники и обелиски в райцентре, селах и деревнях Красногорского района, материалы школьных краеведческих музеев, воспоминания ветеранов войны и труда в периодической печати.

[1] «Красногорская жизнь». - №3, 13 января 2004.

Подпольный партизанский госпиталь

Щиголев И.И.
Брянская областная психиатрическая больница №4,
Брянская область, Россия

Медики в тылу фашистских захватчиков предпринимали все меры, чтобы облегчить участь раненых. Организовывались пункты по перевязке раненых, целые медицинские службы в Бежицком, Дятьковском *(во время войны и после освобождения г. Дятьково медицинскую службу возглавил С.М. Онохин. Он в период с 1943 по 1961 год работал главным врачом Дятьковской ЦРБ, в последующем Герой Социалистического труда, заслуженный врач РСФСР)* и Клетнянских отрядах, формировали так же на оккупированной территории подпольные госпитали.

Одним из организаторов такого вида медицинской помощи был Арам Аркадьевич Туманян, окончивший Ленинградский медицинский институт. Боевое крещение, как военно-полевой врач, он получил во время финской кампании, работая в дивизионном госпитале. Великая Отечественная война застала его с женой Валентиной Андреевной, медсестрой по специальности, на Кавказе, где они проводили «медовый месяц». Сразу же возвратились в Белоруссию в район Орши-Могилева, где с регулярными войсками Советской Армии отступали в глубь страны. Так сложилось, что медсанчасть, возглавляемая А.А. Туманяном, попала в окружение, но нашла пристанище в Брянских лесах. По пути отступления в августе-сентябре 1941 года в район Погара отряд встретил медсестру Шуру Зайцеву, которая длительное военное время работала «наркотизатором», помогая врачу-хирургу А.А. Туманяну.

Сначала, по пути отступления, оказывали медицинскую помощь в г. Почепе, который еще не был захвачен фашистами. В местной больнице находилось большое количество раненых. Врачи были призваны в ряды Советской Армии, оставались только медицинские сестры и обслуживающий персонал больницы. Около месяца в Почепской больнице оказывал медицинскую помощь ране-

ным А.А. Туманян вместе с женой, которая была операционной сестрой.

Почеп был оккупирован фашистами и А.А. Туманян принял решение в конце сентября транспортировать раненых в отдаленное село Деремну, расположенное в Мглинском районе. Расстояние в тридцать километров по лесным дорогам от Почепа до Деремны преодолели за несколько дней. Часть легкораненых шли пешком и помогали в организации передвижения, ухода за своими товарищами и проведению так же разведки, так как вокруг были фашисты. Помогали в этом жители окрестных деревень Шаулино и Селище Почепского района.

В настоящее время Деременскую участковую больницу, реорганизованную недавно во врачебную амбулаторию, в течение последних 42 лет возглавляет врач М.О. Омаров.

Бывшая земская больница, построенная в 1914 году, расположена на окраине села, на горке. Она была рассчитана на пятнадцать стационарных коек, при ней врачебная амбулатория и аптека, которая обеспечивала медикаментами, перевязочными средствами и предметами ухода за больными не только больницу и амбулаторию, но и население округи. Из медицинских работников оставались фельдшер Иустин Терентьевич Татаров *(подлинные документы И.Т. Татарова хранятся в Мглинском краеведческом музее),* акушерка Прасковья Матвеевна Лебедева и медицинская сестра Анастасия Прокоповна Нетбай. Врач был на фронте.

К этому времени Иустину Терентьевичу было лет сорок пять. Высокий, худощавый блондин с суховатым выражением лица и несколько раскосыми глазами. Он не отличался общительностью, говорил мало, медленно и тихо. Работал в Деремне много лет, и родом был почти здешний - из соседнего села Вельжичи *(в школьном музее села имеется отдельный стенд, посвященный медицинской сестре подпольного госпиталя Шуре Зайцевой. Музей располагает ее подлинными документами).* Жил на территории больницы с семьей - женой Прасковьей Илларионовной и падчерицей, лет двадцати пяти, Матреной Исааковной Сергеенко. Жили они замкнуто, очевидно, не всем доверяя. Вскоре стало известно, что Иустин Терентьевич коммунист, участник гражданской войны.

Понятно, что быть на виду в условиях оккупации ему никак не подходило.

И.Т. Татаров оказывал большую помощь раненым. Его как старого работника больницы ценили и уважали люди. К нему приходили за советом, помощью. Он вел амбулаторный прием жителей окрестных деревень. К больным был внимателен, за консультацией по поводу их лечения обращался редко - очевидно, и потому еще, что старался не отвлекать от сложных забот. Зато, не тратя лишних слов, делал все, чтобы в больницу поступали продукты, завозились дрова.

А.П. Нетбай которой исполнилось 22 года, была направлена на работу в деремнинскую больницу после окончания медицинской школы в 1939 году. Муж ее, учитель местной школы, служил в Красной Армии. Это была спокойная, медлительная и исполнительная медицинская сестра, речь ее выдавала украинское происхождение. Анастасия подружилась с Шурой Зайцевой, пустила ее к себе в комнату жить - на территории больницы было плохо с жильем для персонала. Вдвоем им в тех тяжелых условиях было легче. Их дружба проявлялась и в работе - они помогали друг другу, не считаясь со временем, особенно когда было много раненых и больных.

У доброй старой акушерки Прасковьи Матвеевны не было своей семьи. Она жила с племянницей Валентиной Матвеевной Балас, которая незадолго до начала Отечественной войны перенесла сложную операцию - удаление опухоли в задней черепной ямке. Прасковья Матвеевна работала при деремнинской больнице более двадцати лет, имела большой опыт. Добродушная, спокойная, с мягким характером, хотя порой и обидчивая, она пользовалась авторитетом, как у населения, так и у товарищей по работе. Со своими пациентками неизменно разговаривала так: «Голубушка, родненькая, потерпи. Миленькая, еще немного, все будет хорошо...». Жители деревень обеспечивали ее дровами, вскапывали участок, отведенный ей под огород при больнице, брали на себя основную работу при посеве и уборке картофеля и овощей.

По прибытию была развернута операционная и перевязочная. Для этой цели послужили две изолированные смежные комнаты в

конце амбулатории. Более светлую, из них оборудовали под операционную.

В Деремне несомненно, стало спокойнее работать, чем в Почепе, но и здесь были свои треволнения. Уже одно то усложняло дело, что в этой больнице никогда не рассчитывали на серьезные хирургические вмешательства и, следовательно, не предусматривали условия для работы хирурга, не держали даже хирургического инструментария. По-прежнему не хватало перевязочного материала, и приходилось беречь и стирать использованные бинты, подвергая их всесторонней дезинфекции. Больница была рассчитана всего на 15 коек, раненых было более ста. Ни коек, ни постельных принадлежностей для них не было. Пришлось, нарушая элементарные санитарно-гигиенические требования, укладывать раненых на полу на соломе. Вынуждены были смириться со столь дикими, с точки зрения нормы, условиями лечения раненых. Более того, теснота привела к тому, что пришлось, как бы разделить госпиталь, поместив легкораненых в деревянной церкви в центре села, в сарае во дворе больницы и даже в бане. И все-таки эти «филиалы» никак не облегчали жизнь. Чрезвычайно обрадовало то обстоятельство, что в аптеке оказался солидный запас медикаментов.

Лечили в Деремне и не стационарных больных, а точнее, тех же раненых, но «приходящих» (чаще всего привозимых). Были среди них старики, женщины, дети, пострадавшие во время военных действий. Но в основном все-таки попадали военнослужащие с запущенными инфекционными ранами - скрываясь от врага в лесах и у населения, эти выбывшие из строя бойцы длительное время не получали медицинской помощи.

Так что, хотя фронт и был далеко, медработники всегда находились в боевой обстановке. Сознание этого и повседневная нагрузка в работе сплотили медиков в единый трудоспособный коллектив.

День наш начинался рано утром с обхода больных. Так как раненых было много, обход совершался поочередно: один день непосредственно в помещении больницы, другой в церкви и т. д. Затем делали операции, потом приступали к перевязкам. Неходячих

раненых из церкви на перевязки и другие процедуры подвозили на подводах крестьяне.

Помощь населения Деремны и других окрестных сел, которая оказывалась с первого дня нашего прихода, проявлялась в самых разнообразных формах. Местные жители заготавливали и доставляли в больницу продукты питания, дрова, сами вызывались ухаживать за ранеными и больными, стирали их одежду, топили баню.

На оккупированной врагом территории не прекращалась эпидемия сыпного тифа. И не удивительно: всякая санитарно-профилактическая работа, вообще медицинское обеспечение населения отсутствовали, не хватало мыла, люди плохо питались, обходились без жиров, сахара, даже хлеба. Свою роль в распространении заразных болезней играло и большое передвижение масс людей, которые спасались от преследования оккупантов, искали в деревнях прибежищ, тепло, пищу.

В марте 1942 года вспыхнула эпидемия сыпного тифа и в Деремне и окружающих селениях. Много таких больных лежало в больнице. Пришлось их изолировать в жилом корпусе. Всех тифозных подвергали специальной санитарной обработке: стригли и сжигали волосы, делали дезинфекцию одежды сухим жаром в бане, а затем стирали в растворе зольного щелока. Нательное белье после сушки проглаживали по швам горячим утюгом. Доступ посетителей к больным был запрещен.

Медики проводили возможные санитарно-просветительные беседы с сопровождавшими больных, давали советы, рекомендации, как уберечься от болезни. Надо думать, пользу все это приносило, но только частичную. Да что там - сами медики не смогли уберечься. За исключением И.Т. Татарова и А.А. Туманяна, весь маленький медицинский персонал заболел тифом. Когда все медицинские сестры почти одновременно заболели, пришлось А.А. Туманяну одному работать и с ранеными и с больными тифом. Медсестра Шура Зайцева и санитарка Фрося Ковалева первыми стали поправляться, и еще слабые, тут же вынуждены были включиться в работу.

Подоспела и еще помощь. Иустин Терентьевич узнал, что в селе Дивовка *(недалеко от г. Мглина)* живет медицинская сестра Надежда Дмитриевна Ковалева. Он поехал к ней и пригласил ее помочь в уходе за ранеными и тифозными больными. И она сразу согласилась.

Операционную сестру заменяла Шура Зайцева, благополучно перенесшая сыпняк. Шура вскоре ушла к партизанам. Ее, оказывается, «насмотрели» разведчики. Вот что написал о ней бывший командир батальона партизанской бригады «За Родину» А. И. Ильиных в своей книге: «Шура ко всему была и храброй девушкой. Ее можно было видеть на поле боя, где она выносила раненых из-под огня, оказывала им первую помощь. В бою на станции Жудилово... Шура совершила свой очередной подвиг: в глубоком снегу, из самого пекла сражения вытащила и спасла раненого комиссара батальона Ивана Бойко. А были и такие случаи. Трех тяжелораненых партизан перевозили из жирятинских лесов на аэродром, чтобы отправить на Большую землю. Их сопровождали Шура Зайцева и ездовой. В лесу было тихо, никто не ожидал никаких неприятностей. И вдруг при переезде большака - немецкие дозоры...

Были убиты лошади. Немцы бросились к повозке. Казалось, все кончено. Но тут кто-то из раненых крикнул: «Шура, гранаты!» Она выхватила из протянутых рук «лимонки» и одну за другой бросила в фашистов. Те повернули вспять. Теперь Шура, вооружившись автоматом, застрочила из него...

Подоспели партизанские конники. Жизнь раненых была спасена. Они готовы были расцеловать девушку. А она, улыбаясь сквозь слезы, говорила:

«Да что вы, родненькие! Вам спасибо!».

Из воспоминаний о Шуре И. А. Ильиных: *«Она была привлекательной девушкой, военная одежда как-то даже подчеркивала ее женственность. Стройную фигуру плотно облегала гимнастерка, затянутая широким офицерским ремнем. Из-под кубанки падали на плечи вьющиеся светлые волосы. Суровая партизанская жизнь, конечно, наложила свой отпечаток на ее нежном лице, но карие глаза по-прежнему излучали жизнерадостность и теплоту. Как только выдавалась передышка между боями, далеко слышался*

звонкий смех девушки. Она мечтала после войны продолжить учебу в мединституте, стать врачом-хирургом. Медицина была ее призванием, делом ее жизни. И ассистируя доктору у операционного стола, она вся была поглощена этой работой.

В свободное от операций и перевязок время читала раненым фронтовые сводки, газеты, книги. Бойцы часто просили ее спеть что-нибудь, она брала в руки гитару, и в самую душу проникал ее нежный голосок. Выздоравливающие подтягивали ей, и в госпитале возникали импровизированные концерты.

Иногда лицо Шуры мрачнело, и все понимали: она вспоминает маму. Ее мучило, что родные ничего не знают о ней. Наверное, дома получили извещение: «Пропала без вести». А она жива, в большой партизанской семье, участвует в борьбе с врагом.

Первым же самолетом осенью 1942 года она отправила на Большую землю письмо. Сложила его в солдатский треугольник, написала адрес:

Калининская область, Краснохолмский район, поселок Плишкино, Зайцевой Марии Ивановне.

Мать Шуры письмо получила. Мы об этом узнали спустя многие годы... »

Шуре Зайцевой не суждено было вернуться к матери. 8 февраля 1943 года стал последним днем в ее жизни. Об этом рассказывает комиссар батальона Николай Иванович Борисов: ***«У Полховки 8 февраля мы снова встретились с карателями и более пяти часов вели бой. Фашисты обложили нас со всех сторон в мелком кустарнике и орали: «Сдавайтесь!» Мы отвечали им пулями, гранатами и отбили пять атак. Под вечер окреп мороз, разыгралась метель, холодный ветер обжигал щеки, коченели ноги и руки, каратели предприняли отчаянную атаку. Пали смертью наши лучшие пулеметчики, медсестра Шура Зайцева. Сперва она была в цепи стрелком и метким огнем сразила нескольких фашистов. Но появились раненые, и Шура начала оказывать им первую помощь. В эту минуту автоматная очередь прошила и ее...».*** Так погибла партизанская любимица, «большая Шура», как ее ласково называли раненые. В октябре 1942 года И.Т. Татаров сам ушел к партизанам - в Мглинский отряд.

После войны А.А. Туманян встречался с ним и его семьей еще раза два-три, и он о многом рассказал ему, в том числе и о том, как помогал нашим выздоравливающим раненым в Деремне через связных в деревне Вельжичи уходить в партизанские отряды.

После освобождения Брянщины И.Т. Татаров года два заведовал Мглинским райздравотделом, затем работал в той же больнице Деремны и здравпункте крахмального завода в Мглине. В 1978 году он умер.

Так до середины января 1943 года оказывалась медицинская помощь раненым в Деременском подпольном госпитале на оккупированной фашистами территории. После ухода всех медиков больницы в партизанские отряды в больнице осталась одна акушерка П.М. Лебедева, которая оказывала текущую медицинскую помощь населению села.

Фронт двигался на запад. А.А. Туманян в составе партизанского отряда им. Чапаева (командир А.С. Горбачев) продолжил свой боевой медицинский путь до конца войны.

Статья написана в основном по анализу имеющихся у автора писем в его адрес некоторых руководителей партизанских отрядов, бывших партизан-медиков и воспоминаний А.А. Туманяна.

Создание мемориальной зоны «Рессета»

Ератов В.Р.
Карачевский краеведческий музей,
Брянская область, Россия

Военно-патриотический клуб «Каскад» был создан в 1997 году при Карачевском Доме детского творчества. Необходимость создания такого клуба вызвана теми фактами, что в армию в основном приходят юноши, абсолютно не подготовленные к службе, как в физическом, так и в моральном смысле. Это не может не вы-

звать тревогу и естественное желание внести свой вклад в исправление ситуации в лучшую сторону.

Клуб создавался практически с пустого места. Большую помощь при создании и дальнейшей работе клуба оказала директор Куксина Мария Михайловна. Нам был выделен для занятий класс и еще одно небольшое помещение для мини-музея и хранения имущества. Сегодня в нашем клубе занимаются юноши и девушки 8-11 классов из школ и училища города и района. Некоторые приезжают на занятия даже из окрестных деревень.

Целями клуба при его создании стали:

- изучение истории родного края, в том числе военной истории;
- патриотическое воспитание молодежи;
- сохранение и благоустройство воинских захоронений.

Для практического закрепления полученных навыков в клубе практикуются летние 3-5 дневные походы с палатками. С самого начала существования клуба походы проводились на севере нашего района на берегах реки Рессета. В этих местах до сих пор сохранились следы войны - «шрамы» на земле: воронки, окопы, засыпанные блиндажи, стрелковые ячейки. Параллельно с походами в эти края мы начали сбор информации о боях на этой земле. Так мы пришли к поисковой работе по боям 50-й армии осенью 1941 года.

Надо сказать, что материал пришлось собирать почти по крупицам. Информация об этом периоде войны долгое время замалчивалась. Например, в 12-томной "Истории Великой Отечественной воины", выпущенной «Воениздатом» в 1975 году, о боях Брянского фронта в 1941 году говорится очень глухо, а про 50-ю армию и вовсе не упоминается, в отличие от других армий фронта. А на ветеранском знаке 50-й армии вообще боевой путь армии обозначен как "Тула - Кенигсберг". То есть всего того, что было до Тулы, как бы не существовало. В результате эта страничка нашей истории не очень-то известна широкой общественности - о поражениях не принято кричать. Но это наша история, история нашей страны, какой бы она ни была. История любого государства состоит из побед и поражений, и, стремясь умолчать о поражениях, мы обманываем самих себя и своих потомков.

50-я армия была сформирована в июле-августе 1941 года на ¾ из уроженцев Брянской и Орловской областей, то есть наших земляков, поэтому нам было особенно интересно работать с материалом по этой тематике. Осенью 1941 года на берегах болотистой речки Рессета на границе Калужской н Брянской областей прорывалась из окружения 50-я армия Брянского фронта под командованием Героя Советского Союза генерала М.П. Петрова.

Из-за ошибок Генерального штаба и командующего фронтом генерал-лейтенанта А.И. Еременко армия попала в окружение и прорывалась с тяжелыми боями. Не исключено, что "авторство" ошибок содействовало длительному замалчиванию этих боев - ведь и начальник Генерального штаба Б.М. Шапошников после войны долго оставался на своем посту, и А.И. Еременко, ставший после войны Маршалом, не был заинтересован в публикациях о своих ошибках. О том, что именно их решения привели к столь трагичному для 50-й армии финишу, говорят и пишут многие участники и исследователи тех событий.

Например, М.Ю. Мягков прямо указывает на то, что если для 13-й армии (генерал-майора А. М. Городнянского) и 3-й армии (генерал-майора Я. Г. Крейзера) соединение частей Вейхса и Гудериана означало фактическое окружение, то для 50-й армии (генерал-майора М.П. Петрова) оставалась возможность отступления на северо-восток, на город Белев. К 8 октября командование группы армий «Центр» смогло прикрыть это северо-восточное направление лишь силами 112-й пехотной дивизии и частично 52-й пехотной дивизии (2-й армии). Здесь немцы не имели сплошного фронта. Однако начавшийся успешный прорыв 50-й советской армии на Белев был вскоре остановлен по приказу Б.М. Шапошникова, начальника Генштаба РККА. Все попытки частей армии пробиться в юго-восточном направлении (на р. Рессета) оказались безуспешными. Потеряв здесь свыше 80% личного состава и более 97% артиллерии, лишившись командующего генерала М.Н. Петрова, остатки армии все же вышли из окружения, но в направлении на северо-восток, на Белев.[1]

[1] Мягков М. Ю. Вермахт у ворот Москвы. 1941-1942.

Прорыв отдельных частей и бои на Рессете продолжались более двух недель. В результате из окружения сумели прорваться всего 11,5 тысяч бойцов и командиров - все, что осталось от армии численностью более 100 тысяч человек.

Разумеется, советское высшее военно-политическое руководство находилось в те дни под впечатлением масштабной киевской катастрофы. Можно сказать, в Ставке во второй половине сентября 1941 г. царило определенное замешательство и растерянность. Однако оправдать действия Верховного главнокомандующего с чисто эмоциональных позиций было бы, наверное, не вполне правильно. В том числе и отсутствие своевременной оперативной информации как в Ставке ВГК, так и в штабе Брянского фронта[1]. Это, в частности, стало причиной приказа о повороте 50-й армии на Карачев, что, по мнению начальника политотдела армии А.Г. Журавлева, стало причиной разгрома на Рессете.

Есть ли в гибели 50-й армии вина командующего Брянским фронтом Еременко? Наверняка этого сказать нельзя. Однако тут есть над чем задуматься. В частности, интересен тот факт, что после того, как раненого Еременко вывезли в Москву, его навестил в госпитале Сталин. Очевидно, для получения отчета о действиях фронта в последнее время. Видимо, отчет удовлетворил Верховного Главнокомандующего, так как иначе вряд ли Еременко после этого отправился бы долечиваться в Куйбышев, а затем продолжил свою карьеру до маршала. Другое дело, насколько объективным был доклад Еременко Сталину? Вряд ли Сталин удовлетворился бы простым объяснением Еременко о разгроме фронта, и дело обошлось бы без поиска и наказания "стрелочников".

Первые данные о количестве советских военнопленных появились в ноябре 1941 года, когда командование вермахта объявило что «на востоке за период с 22 июня по 20 ноября немецкие войска взяли в плен 3.725.600 пленных»[2]. И.В. Сталин на заседании Мос-

[1] Например, Жуков в одном из интервью говорил: «Одной из главных причин тяжелого положения, сложившегося под Вязьмой и Брянском в начале октября 1941 года, была потеря твердого управления войсками. Войск было много, но действовали они неорганизованно».

[2] Правда. - 1941. - 16 дек.

совета в честь 24-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1941 года заявил, что «за четыре месяца войны мы потеряли... пропавшими без вести 378.000 человек»[1]. Позднее, в декабре этого же года в сводке Совинформбюро было объявлено, что «наши потери пропавшими без вести за 5 месяцев войны составляют всего 520.000 человек, куда входят и пленные». Германское командование сообщало о том, что только в «котлах» под Белостоком и Новогрудком взято в плен 328.898 советских военнослужащих, Уманью - 103.000, в районе Мариуполя - 100.000, под Брянском и Вязьмой - 663.000»[2]. В вышедшей в Германии книге Дите Герпеса «Гитлеровский вермахт в Советском Союзе» приводятся обобщенные данные о советских военнопленных: «1941 год - 3.355.000, 1942 - 1.653.000, 1943 - 565.000, 1944 - 147.000, 1945 - 34.000. Всего 5.754.000 человек». Аналогичная статистика со ссылкой на архивы (от 5.700.000 до 5.734.528) приводится в ряде советских источников[3]. К этим цифрам можно относиться поразному, но других сведений пока нет. А значит и цифры, приводимые немцами о попавших в плен под Брянском и Вязьмой - реальны. Вот и причина, по которой все события сентября - октября 1941 года и действия Брянского фронта вообще и 50-й армии в частности длительное время замалчивались.

В секретной докладной записке ОК/062 от 30.12.1941 года на имя начальника управления по укомплектованию войск Генерального штаба Красной Армии, подписанной начальником отдела кадров интендантом 2-го ранга Шишкаревым, говорится:

«Предоставляю список безвозвратных потерь за время с 6 октября по 31 декабря 1941 года включительно на начсостав управления 50-й Армией.

Одновременно доношу, что в списках не заполнены графы места рождения, места жительства семей, т.к. списки в бытность в

---

[1] Сталин И. В. О Великой Отечественной войне советского Союза. - М., 1947. - С. 20.

[2] Типпельскирх К. История второй мировой войны. - М., 1956. - С. 178, 183-185, 195, 232.

[3] Известия. - 1987. - 20 авг.; Советская культура. - 1988. - 3 сент.; Новое время. - 1990. - №24. - С. 37-39.

окружении Армии были уничтожены, на некоторых удалось установить данные путем опроса знающих их адреса».

Что уж тут говорить о данных на простых бойцов и младших командиров! Общие же потери Брянского фронта составили 103378 человек из наличия 244000[1]. Вероятно, учитывая вышеизложенные факты, можно говорить о том, что 50-я Армия погибла, давая возможность выйти из окружения двум другим армиям Брянского фронта - 3-й и 13-й.

Возможно, не случайна и связь хронологий биографии Л.И. Еременко и упоминаний о 50-й армии. Упоминания о 50-й армии и ее боях ни Рессете начались, в общем-то, после смерти в 1970 году Героя Советского Союза маршала А.И. Еременко. Почему не раньше? До 1953 г., т.е. при жизни Сталина, упоминания о наших неудачах и реальных потерях были вообще невозможны. А с 1955 г. А.И. Еременко становится маршалом и, стало быть, вполне в его силах наложить запрет на какие-либо публикации о тех боях.

Что ж, как говорится, «мертвые сраму не имут». Но, к большому сожалению, мы не располагаем всей полнотой информации по этому поводу, а потому и не можем делать однозначных выводов. Так что, возможно, это так и останется еще одной загадкой той страшной войны, загадкой 50-й армии, загадкой памяти и совести генерала Еременко и маршала Шапошникова, загадкой речки Рессета.

Во время первых походов нашего клуба на Рессету, на места боев 50-й армии, мы впервые встретились со следами раскопок так называемых «черных» поисковиков, то есть тех мародеров, кто ищет по лесам оружие, золотые зубы, плавит из старых снарядов тротил. Эти следы раскопок, небрежно отброшенные в сторону и растоптанные от многократного хождения по ним человеческие кости, обугленные в костре болванки снарядов произвели сильное впечатление на ребят. Именно тогда стало ясно, что необходимо что-то предпринять. Что именно - пока было не ясно.

Решение пришло зимой 2000 года. В ноябре 2000 г. руководитель клуба Валерий Робертович Ератов ездил на Всероссийскую

[1] http://www.serpukhow.su/dirna/war/battle.htm

научно-практическую конференцию педагогов-организаторов поисковой работы в Москве. Вот на этой конференции и было упомянуто о создании Мемориальной зоны «Надежда» на Синявских высотах под Ленинградом[1]. Именно это и послужило основой для создания нашей Мемориальной зоны «Рессета».

В декабре 1995 года в Петрозаводске прошла научно-практическая конференция «Место боя как исторический памятник Великой Отечественной воины 1941 - 1945 гг.». На этой конференции было достаточно подробно рассмотрено создание подобных мемориальных зон. Не все рекомендации конференции подходили для наших условий, поэтому мы решили прибегнуть к помощи Интернет. На различных сайтах нам удалось найти материалы о создании мемориальных зон в Белоруссии, Тверской и Новгородской областях, решения органов власти. Обработав полученные материалы, мы разработали свою методику создания Мемориальной зоны «Рессета».

Для уточнения границ проектируемой мемориальной зоны мы провели ряд походов в летний сезон. Ситуация осложнялась тем, что мы не имели в своем распоряжении топографических карт района Рессеты нужного масштаба. Первоначально нам пришлось работать по изображению этой территории в «Атласе автодорог России», что естественно, давало лишь приблизительное представление об исследуемой территории. Затем нам удалось найти ксерокопию топографической карты выпуска 1920 года. Это было уже лучше, но изображенная на ней ситуация изменилась за прошедшие годы. А когда мы получили карту выпуска 1984 года, то поняли, что зашли в тупик. Качество карты было ниже всякой критики. Например, на ней были изображены два поселка - Московский и Тихеевский, которые реально прекратили свое существование еще в конце 40-х годов. Изображенная на карте узкоколейная железная дорога была давно ликвидирована, часть дорог не использовалась с времен войны и давно заросла, часть дорог на карте не была обо-

[1] Сборник нормативных правовых документов и материалов по поисковой деятельности в системе образовательных учреждений Российской Федерации. - М.: ЦРСДОД, 2001. - С. 104.

значена, хотя старожилы утверждали, что они существуют испокон веков, русла рек и границы болот не совпадали совершенно и т.д.

Найти решение проблемы помогла газета «PC Week/RE». В одном из ее номеров была напечатана статья о фирме «СканЭкс», работающей со спутниковой съемкой земной поверхности. По электронной почте мы отправили запрос в эту фирму с просьбой сообщить, производилась ли ими съемка интересующего нас участка, объяснили наши цели и спросили, можно ли у них купить такой снимок. Фирма любезно пошла нам навстречу и в порядке оказания благотворительной помощи бесплатно отправила нам по электронной почте два GIF-файла спутниковых снимков в разных масштабах.

Совместив полученные снимки с отсканированными фрагментами имеющихся в нашем распоряжении топографических карт, мы получили более-менее достоверную схему местности. В дальнейшем на эту схему мы наносили свои пометки с обозначением различных характерных особенностей местности, следов тех или иных фортификационных сооружений времен войны, степень проходимости дорог, мосты и броды и т.д. На основе этих схем мы создали схему проектируемой мемориальной зоны и определили ее границы.

В августе 2001 года члены клуба обратились в Карачевский районный Совет народных депутатов с предложением создать на Рессете Мемориальную зону - особо охраняемую территорию со статусом памятника под открытым небом. Эту идею активно поддержал заместитель председателя районного Совета Л. И. Шевлякова. Пройдя длительную процедуру различных разрешений и согласований - от председателя Брянской областной Думы С.Н. Понасова до руководителей земельного комитета и Карачевского лесхоза, Мемориальная зона получила право на существование и 29 мая 2002 года была создана постановлением №2-114 районного Совета народных депутатов. Этим же постановлением был определен порядок производства поисковых работ на территории Карачевского района и создан районный Совет по увековечению памяти погибших при защите Отечества, определены его функции.

По результатам походов клуба, работы в архивах, различным мемуарам участников Великой Отечественной войны и поиска в Интернет клубом был создан Web-сайт. На нашем сайте мы начали создавать виртуальный музей техники и вооружения, посвященный Великой Отечественной войне. Сайт расположен на хостинге narod.ru но адресу www.vpk-kaskad.narod.ru. В мае 2004 года сайт стал лауреатом областного конкурса информационно-образовательных проектов, посвященных 60-летию со дня освобождения Брянщины. А в сентябре 2004 проект создания Мемориальной зоны и сайт стали победителем 2-го международного педагогического конкурса "История успеха моих учеников" в Санкт-Петербурге.

"...Чтобы знать настоящее, должно иметь сведения о прошедшем" - написал когда-то русский историк Николай Михайлович Карамзин. Согласимся - замечательная мысль. Но давайте спросим себя, делаем ли мы хоть что-нибудь для этого самого «должно иметь?»

Стремясь привлечь внимание широкой общественности к истории боев 50-й армии Брянского фронта осенью 1941 года, ведению поисковой деятельности в районе реки Рессета и проблемам Мемориальной зоны «Рессета», учащиеся нашего клуба с материалами наших исследований дважды становились лауреатами Всероссийского конкурса исторических исследовательских работ старшеклассников «Человек в истории. Россия XX век», лауреатами областного финала Всероссийского конкурса социальных проектов «Я гражданин России», а также участвовали в других конкурсах. Например, во время профильной смены в г. Жуковка Брянской области в 2001 году наш клуб в 6 конкурсах занял первые места, в 2-х - вторые (из восьми проводимых). За последние четыре года в районных газетах «Заря», «Вестник» и «Вечерний Карачев», а также областных «Десница», «Брянская учительская газета» и «Брянский перекресток» было опубликовано более трех десятков статей и заметок о нашем клубе, поисковой деятельности, боях 50-й армии и Мемориальной зоне «Рессета». Авторами примерно половины заметок являются учащиеся клуба.

В 1983 году в урочище Кресты на берегах реки Рессета был поставлен памятник бойцам 50-й армии - два огромных стальных штыка высотой по семь метров с опоясывающей разрываемой лентой окружения и надписью «Воинам 50-й армии от благодарных потомков». А рядом на мраморных плитах стелы были написаны слова:

«Товарищ! Помни, по какой земле ты идешь, на каких стоишь берегах. Здесь, на реке Рессета, в урочище Кресты, на Лихом болоте в октябре 1941 года приняли неравный бой с фашистами защитники Родины.

Or жестокого огня горел песок, плавился металл. Рессета потемнела от крови, стонала земля, устланная телами павших. А оставшиеся в живых бесстрашным ударом прорвали смертельное кольцо и пронесли знамя 50-й армии к победе над врагом».

В настоящее время этот памятник требует реставрации: краска на нем осталась лишь кое-где, металл заржавел. На весенний сезон 2005 года в планах нашего клуба предусмотрены очистка памятника от ржавчины и его покраска, благоустройство прилегающей территории.

В августе 2004 года учащиеся нашего клуба совместно с Николо-Одринским монастырем доставили и установили на берегу реки Рессета в урочище Кресты православный крест. Он установлен на высоком откосе над рекой и хорошо виден издали. В урочище Кресты тогда же впервые была отслужена панихида по погибшим бойцам 50-й армии.

Ежегодно учащиеся клуба расчищают и восстанавливают оставшиеся с войны оборонительные сооружения. Это делается для воссоздания облика этой территории в период боевых действий. Кроме того, это позволяет воссоздать более достоверную картину боев, определить, где чьи - наши или немецкие - были позиции. Ячейки, землянки и блиндажи наносятся ими на карту-схему Мемориальной зоны и, по возможности, восстанавливаются до первоначального вида. Кроме того, клуб своими силами осуществляет расчистку дорог и ремонт имеющихся мостиков, обустройство бродов. Например, за 2002-2003 год клуб расчистил трехкиломет-

ровый участок дороги от моста через речку Болотня до остановки "38-й километр". Но очень многое еще предстоит сделать.

На основании наших походов учащимися совместно с работниками районного краеведческого музея создается путеводитель по Мемориальной зоне. Он содержит описание боевых действий на р. Рессета, привязку этих мест к тем или иным ориентирам.

В настоящее время завершена работа над документальной книгой о первых месяцах войны 50-й армии, о начале ее боевого пути, который она завершила в Кенигсберге в 1945 году. При создании книги использованы мемуары участников этих событий как с нашей, так и с немецкой стороны, архивные документы. Часть материалов получена благодаря сети Интернет. Достигнута предварительная договоренность о финансировании издания этой книги. Планируется, что она выйдет из печати к 60-летию Победы.

Кроме того, в этом году учащиеся клуба предложили сделать мультимедийный компакт-диск о боях 50-й армии, который, возможно, станет дополнением для школьного учебного курса по истории родного края и краеведению. Предварительная работа над этим диском уже начата: распределен "Фронт работ", начат подбор и сканирование фотографий, распределение текста по страницам.

В августе 2002 года во время одного из полевых выходов на Рессету члены клуба обнаружили в пересохшем болоте на берегу реки обломки нескольких грузовиков ГАЗ-АА. При переправе через Рессету в 1941 году 50-я армия по приказу командарма Петрова сожгла и взорвала всю материальную часть, которую по разным причиним невозможно было переправить, в том числе оставшуюся без горючего. Тогда же были взорваны оставшиеся без боеприпасов установки "катюша". В конце августа 2002 года, благодаря помощи районного Совета народных депутатов и военной части 92919, мы вывезли остатки этих машин в Карачев. Почти два года ушло на сбор информации и чертежей этой машины. Зимой 2004-2005 года начаты работы по восстановлению машины. Мы надеемся, что этот грузовик после его восстановления будет установлен на пьедестал в нашем городе как памятник бойцам 50-й армии.

В целом сделано очень много, но еще больше предстоит сделать. Однако ребята из нашего клуба полны энергии и не сомнева-

ются в необходимости и правильности выбранного пути. А раз так, то можно не сомневаться - это будет выполнено.

Социальная значимость этой проблемы, несомненно, велика, особенно сейчас, когда слово патриотизм, которое в толковом словаре В. Даля расшифровывается как "любовь к Отчизне", а в Большом Энциклопедическом словаре 1975 года - как "любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить ого интересам", исчезло даже из Закона РФ "Об образовании", что наносит урон каждому лично и государству в целом.

О состоянии нравственного здоровья общества можно безошибочно судить по тому, как оно относится к старикам, детям, немощным. И, конечно же, говоря словами поэта, - к отеческим гробам, к памяти о предках. И именно данью уважения памяти наших предков, погибших на дорогах той страшной войны. Послужит еще одна запечатленная страничка, храм Памяти под открытым небом - наша. Мемориальная зона "Рессета".

Хацунская боль

Кузин Е.П.
член Союза писателей России,
Брянская область, Россия

Одному Богу известно - кто, в каких веках дал этой уютной лесной поляне имя Хацунь.

Она - чуть всхолмленная, опушённая сосновыми, осиновыми, дубовыми, берёзовыми рощами, - прилегла северной кромкой к древнему большаку, берущему начало у города Карачева с его западной стороны.

Пробежав вёрст сорок среди посёлков и деревень, миновав хацунскую поляну, вёрст через двадцать с хвостиком дорога встречалась с восточной окраиной старинного Брянска.

Таковы местные координаты этой поляны. В начале двадцатого века на ней нашёл добрый приют единственный её поселенец - Афанасий Яшкин.

А рядом - верстах в двух на юго-восток - встречала путников деревушка хат в семь, возле вековых дубов печными трубами по утрам дымила. Называлась она - Губановы Дворы.

В ней жила семья Кондрашова Стефана Ивановича. Детишками с именами русскими ежегодно прирастала: Полина, Татьяна, Иван, Мария, Павел, Дмитрий. В 1916 году Василий родился. А вот землицы под огородом маловато. Тогда-то Стефан со своим братом Афанасием наведались в гости к Афанасию Яшкину. Первый хацунский поселенец оказался человеком приветливым...

Крестьяне-лесовики - народ предприимчивый: застучали топоры на поляне, и вскоре были срублены два домика братьев Кондрашовых, а рядом с ними зазеленели картофельные всходы, гряды со всякими овощами - морковкою, свёклой, капустой, луком и прочими огородными прелестями для зимнего прокорма семей Стефана и Афанасия.

Так и родилась лесная деревушка, наречённая загадочным именем Хацунь.

И вскоре у большака начали вырастать другие хаты - родственников Стефана и Афанасия Кондрашовых.

Новосёлы были трудолюбивы, находчивы, терпеливы. Владели многими крестьянскими ремёслами, с детства приучались не лениться. Землепашеством занимались, раскорчёвывая у хат ближний кустарник, осинник, березняк. В сараях множилась скотина. И кони, естественно, были - без них крестьянин пропадёт, не прокормится.

Небогатый стол пополняли дары леса - ягоды, грибы, орехи, съедобные и лекарственные травы...

Жить бы да жить хацунцам, детишек растить, но взвыла снарядами, бомбами, пулями, минами война - Великая Отечественная. Буквально в считанные месяцы изменился уклад жизни в Хацуни, как и во всех разноплеменных советских деревнях, городах сёлах, аулах, хуторах.

Уходили на войну мужчины, молодые парни. Их судьба никому была не известна. Редкие письма, приходившие в деревню с фронтов, не радовали: Красная Армия отступала - такого страшного напора вражеских полчищ ещё не случалось в истории Российского Отечества.

К началу октября 1941 года, когда явью стала немецкая оккупация Карачевского района, в двенадцати хацунских домах проживало около 70 человек, 13 из них ушли на фронт или в партизаны.

Перед оккупацией немцы сильно бомбили Брянск. Многие горожане спасались от бомбёжек в Хацуни и соседних лесных деревушках, в устроенных наспех землянках и шалашах - около трёхсот человек. В основном это были старики, женщины и в большинстве своём дети, ради которых и выезжали жители Брянска в лесные посёлки.

...Рано утром, 24 октября 1941 года, в Хацунь вошли несколько вооружённых красноармейцев, попавших в окружение. Они попросили еды у встретившегося старика. Он им сказал: «Сынки, немцы предупредили нас, что за оказание помощи русским солдатам или партизанам - расстрел! Вон у того крайнего дома накопайте картошки и сварите...»

Вскоре со стороны Осиновых Двориков (Губановы Дворы - до 1941 года) в деревню вошла группа пленённых немцами красноармейцев (человек шесть). Конвоировали их три фашиста, ехавшие верхом на лошадях. Солдаты, варившие картошку, завязали бой прямо в деревне. Два немца были убиты, а третий - раненый, успел скрыться в лесу...

На рассвете, 25 октября, Хацунь была окружена карателями, прибывшими со станции Снежетьская и из посёлка Русин.

Фашисты начали выгонять из хат людей - раздетых, разутых, - избивая тех, кто замешкался. Шестимесячную Нину, дочь Кондрашовой Аграфены Фёдоровны, закололи штыком в люльке. Дочь Яшиной Анны Егоровны -17-летнюю Нину, обнаружив у неё какую-то вещь убитого красноармейцами немца, прибили гвоздями на воротах.

Сначала каратели хотели сжечь всех, кто оказался в то утро в Хацуни, но затем, пересчитав обречённых и убедившись, что их более трёхсот человек, передумали.

Первым расстреляли перед народом лесника из урочища Гвозды Тарасова Герасима Григорьевича. Следующим погиб лесник из Фроловского посёлка - Кондрашов Михаил Петрович.

Люди заволновались, немцы, почуяв, что обречённые на смерть хацунцы начнут разбегаться, спрячутся в близком лесу, от-

крыли шквальный огонь из пулемётов, автоматов по сотням метавшихся у хат и на дороге мирных людей...

Через два часа арийцы, разгорячённые убийствами стариков, женщин и детей, добив раненых, завершив своё злодейство, забрали из сараев скотину и ушли в сторону Осиновых Двориков и Приютово.

Итог зверства таков: с 10 до 12 часов было расстреляно 318 человек, которых немцы собрали в Хацуни.

...Много лет спустя мне удалось установить переписку с жителем довоенной Хацуни Василием Стефановичем Кондрашовым - тем самым, который родился в 1916 году, когда его отец Стефан Иванович решил переселиться из Губановых Двориков на хацунскую поляну.

Василий Стефанович в 1937 году был призван в Красную Армию, с первых до последних дней Великой Отечественной он воевал с ненавистной немчурой. Только в 1943 году ему удалось узнать о трагической судьбе своей деревни и его семьи. Вот что писал он мне в одном из первых писем:

«В семье моего отца перед войной было 14 детей: десять парней (Иван, Павел, Дмитрий, Василий, Семён, Пётр, Сергей, Александр, Евгений, Леонид), четыре дочери - Полина, Таня, Мария и Анна.

Отец - Стефан Иванович, мать - Мария Кузьминична, младшие братья - Александр, Евгений и Леонид расстреляны немецкими оккупантами 25 октября 1941 года в Хацуни, как и сестра Мария с её малолетними сыновьями Виктором и Сашей, прибывшая незадолго до беды в гости из Улан-Удэ.

Иван, Павел, Дмитрий, Семён и Пётр погибли на фронте.

Полину и пятерых её детей немцы угнали в Германию на принудительные работы. Я даже и представить не мог, сколько горя принесёт война моей семье.

Будь прокляты навечно немецко-фашистские захватчики!»

Василий Стефанович (по паспорту он сейчас - Степанович) - подполковник в отставке. Живёт в Таллине. Ещё в начале семидесятых годов прошлого века именно он составил подворный список односельчан, расстрелянных немцами. Их, погибших, насчитывалось в то время сорок четыре человека.

Но в Хацуни погибло 318 человек. Как я уже отмечал, под расстрел попали сотни жителей Брянска. За время поиска, начиная с 1960 года, мне удалось установить имена ещё 29 жителей ближайших к Хацуни посёлков, которые тоже были убиты, оказавшись в тот роковой день в этой деревне.

К сожалению, не увенчались успехом поиски имён жителей Брянска. Пока известны имена только трёх человек, 245 погибших брянцев остаются безымянными...

Многие десятилетия, занимаясь поиском свидетельств хацунской трагедии, удивляюсь тому, что об этой беде мало кто знает даже на Брянщине, не говоря уже о России.

Нам известно немецкое злодейство в белорусской Хатыни. Мы начитаны о вьетнамской деревне Сонгми, но совершенно не информированы о судьбе Хацуни. Если и бывают публикации в брянских газетах, то в них допускается много неточностей, вместо 25 октября называются другие даты расстрела.

А ведь по сути Хацунь стала первой жертвой немецкого геноцида над русским народом. Мирные жители в ней были уничтожены через два месяца после издания указа рейхминистром по делам оккупированных областей А. Розенбергом о репрессиях против мирного населения на завоеванных землях. Немецкие солдаты могли убивать сто мирных жителей, в том числе стариков, женщин и детей, за каждого убитого немца на территории населенного пункта.

Известная же всему миру трагедия Хатыни случилась через 17 месяцев после гибели хацунцев от немецких пуль.

Так что фашистский план по уничтожению мирных жителей на оккупированных территориях впервые начал исполняться немцами именно на брянской земле. Следует сказать и о том, что оккупанты около двух недель запрещали хоронить расстрелянных хацунцев. Этим они предупреждали нас, оказавшихся в оккупации: так будет со всеми, кто не смирится с немецким порядком, с бредовой арийской идеей о мировом господстве.

…В начале ноября фашисты наконец-то разрешили захоронить расстрелянных.

В погребении участвовали жители ближайших деревень, рабочего посёлка Белые Берега, лесных посёлков Коммуна, Житные

Поляны. Тела были в таком состоянии, что многие родственники не могли узнать своих родных. Так, Анна Стефановна Кондрашова маму узнала лишь по кофточке.

На месте расстрела (у северной канавы дороги) были выкопаны глубокие могилы. Убитых женщин, стариков, юношей, малолетних детей укладывали в три слоя...

Начиная с 1944 года, на хацунском пепелище стали появляться землянки новосёлов. Их строили жители соседних деревень, решившие поселиться в Хацуни, окрестности которой богаты строевым лесом для будущих хат, лесными дарами для крестьянского стола.

Сначала захоронение погибших было огорожено деревянным штакетником, а в семидесятые годы прошлого века здесь была поставлена металлическая изгородь и открыт памятник «Скорбящая мать».

В те годы в Хацунь часто приезжали жители Брянска, Карачева, Белых Берегов и других населённых пунктов, учащиеся карачевских и брянских школ. Но с годами это стало случаться всё реже и реже. Могила жертв немецкого геноцида пришла в запустение. На ней даже не было могильного холма, выросли осинки, дубы, ели, липы, кустарник...

Десятого сентября 2002 года глава администрации Карачевского района Вячеслав Ильич Кондратов издал распоряжение № 476-р о создании творческой группы по подготовке проекта реконструкции хацунских захоронений. В неё вошли представители общественности района и руководители отделов администрации.

Первый пункт этого распоряжения гласил:

«В целях увековечивания памяти о безвинно расстрелянных немецкими оккупантами мирных жителей создать на территории захоронения Мемориальный комплекс «Хацунь».

За два года группа подготовила и согласовала эскизы объектов будущего комплекса, вела активную агитационную работу, а также сбор средств на возрождение комплекса. В карачевской районной газете «Заря» был установлен корреспондентский пост по реконструкции хацунских захоронений.

К нынешним дням Наблюдательному совету благотворительного счёта удалось собрать около 117 тысяч рублей пожертвований.

Конечно, за эти средства комплекс не возродишь, если учесть, что в Хацуни есть ещё и воинская могила, в которой покоятся 290 защитников Отечества - советских воинов, павших на брянской земле в 1941-1943 годах.

Выручила активная инициатива В.И. Кондрашова. Ему удалось обратить внимание областной администрации на необходимость срочной реконструкции объектов Мемориального комплекса. В феврале нынешнего года губернатор области Николай Васильевич Денин взял под личный контроль обустройство захоронений.

К 60-летию Великой Победы первая очередь необходимых работ в Хацуни была выполнена.

Мемориальный комплекс «Хацунь» в основном возрождён, хотя надо ещё немало потрудиться, чтобы комплекс обрёл необходимый облик, стал настоящим местом поклонения для наших соотечественников. И я верю, что он станет таким святым местом.

Восьмого мая на траурном митинге были возложены первые живые цветы к гранитным мемориальным плитам комплекса с именами расстрелянных немцами мирных людей и советских воинов, освобождавших Брянскую Землю от немецко-фашистских оккупантов.

Надеюсь, что никогда не зарастёт народная тропа к хацунским могилам.

Все для фронта, все для победы!

Соколов Я.Д.
краевед,
г. Брянск, Россия

С объявлением войны брянцы самоотверженно трудились над увеличением продукции. Каждый старался работать за двоих: сын за отца, брат за брата, ушедшего в армию. В июле 1941 года Государственный Комитет Обороны принял постановление об эвакуации населения и ценностей из пятнадцати западных районов Орловской области, куда в то время входила Брянщина. На Волгу, Урал и в Западную Сибирь эвакуировались такие крупные брянские заводы как «Красный Профинтерн», имени С.М. Кирова, имени Урицкого... На восток были отправлены турбины БРЭС. Демонтировалось оборудование железнодорожных станций, вагонных и паровозных депо и отправлялось на восток страны.

Всего из Брянска было вывезено около ста сорока железнодорожных составов с оборудованием и сырьем или почти триста тысяч народнохозяйственных грузов. Эшелоны в пути иногда подвергались налетам вражеской авиации.

Известие об эвакуации было воспринято тяжело. Многие представляли себе, что родной завод нужно поднять и вывезти, но все понимали, какие тяготы, сложности их ждали впереди.

«Стрелки часов словно завертелись в обратную сторону. Вчера трудовая доблесть измерялась количеством изготовленных деталей локомотива, степенью готовности очередного паровоза: сегодня - числом разобранных станков, - вспоминал бывший в то врем директором завода «Красный Профинтерн» Г.Д. Гогиберидзе.

За трое суток был сформирован первый эшелон из 34 вагонов, подвижный состав и локомотив были собственного производства. 6 июля состав, из-за предосторожности, поздно вечером двинулся к седьмым проходным. Проводить его собралось множество народа. В Красноярск он прибыл через месяц. Развернуть производство предстояло на новом месте, на базе Сибтяжмаша. А что он представлял собой? Пустырь. Конопляное поле. Склады «Заготзерно».

Четыре барака. Здесь и должен был вырасти завод-гигант, столь нужный для обеспечения победы над врагом.

Первая забота - о людях. Их удалось разместить в Кировском районе Красноярска, на первых порах в свободных пока школах, клубах. Потеснились кое-где красноярцы в жилых домах.

Эшелоны с людьми и оборудованием продолжали прибывать. Последний эшелон ушел из Бежицы 8 октября. Всего профинтерновцами было отправлено свыше семи с половиной тысяч вагонов. Часть ушло в Горький, Свердловск, Нижний Тагил, но основная масса - более шести тысяч вагонов в Красноярск. На новое место прибыло свыше пятнадцати тысяч человек, целый город!

Новый завод на Енисее рождался трудно, несмотря на то, что был подключен трест №26 Наркомстроя, эвакуированный в Красноярск из Харькова. Он стал генподрядчиком. Неотложной задачей стало строительство жилья. До конца года надо было построить хозяйственным способом пятьдесят тысяч бараков. Возглавил эту работу бывший в Бежице начальником управления капитального строительства завода Н.Н. Каминский. Все эвакуированные заводчане стали строителями: каменщиками, штукатурами, плотниками, бетонщиками, землекопами. Кто сооружал жилье, кто поднимал корпуса цехов, возводил фундаменты для станков.

Страна находилась в тяжелом положении. Фронт нуждался в вооружении. Враг рвался к столице. Не ожидая окончания строительства под одной крышей, или без крыши с одними стенами, в приспособленной конюшне совхоза «Удачный», в здании ремесленного училища начали производство минометов и ручных гранат...

Станки стояли прямо на снегу,
К морозной стали руки примерзали,
И задыхалась вьюга на бегу,
И в белых вихрях затерялись дали.
Еще не воздвигались корпуса
И котлованы только намечали,
Но мы творили, нет, не чудеса,
Мы просто фронту честно помогали.

Это строки красноярского поэта Игнатия Рождественского о тех суровых и трудных днях военного времени.

"Монтажники и электротехники не успели еще закончить свои работы, а мы производственники, примеривались, готовились. В цех были назначены самые квалифицированные токари и слесари-сборщики, которые должны были с ходу показать класс работы, обеспечить качество изделий, не загубить важный почин, - вспоминает технолог П.И. Иовенко о выпуске первых 50-миллиметровых минометов. - Токари Александр Володкевич, Григорий Сенин, Николай Нецветаев запустили станки, погнали стружку. На сборку стали слесари Сергей Евдещин, Григорий Богомолов, Алексей Петров. Им помогали мы с мастером Львом Беззаботновым и начальником цеха Николаем Потаповым". Сборка минометов долго «не ладилась». Почему "Цех" отапливался жаровнями - эмульсия замерзала. Руки прилипали к металлу. Температура колебалась. Менялись отсюда и размеры деталей. И все же технологический процесс был налажен...

К маю сорок второго года действовало шесть цехов - механический, механосборочный, литейный с тремя вагранками, кузнечно-штамповальный с 15 прессами и тремя молотами... Была запущена временная электростанция мощностью в три тысячи киловатт. Проектом не было предусмотрено строительство прокатного цеха. Без него не получалось завершенного цикла производства. Цех был возведен своими силами. Программа сорок второго была выполнена досрочно. Коллектив завода изготовил свыше 22 тысяч головок снарядов М-30, почти две тысячи пятидесяти миллиметровых минометов, более 336 тысяч ручных гранат Ф-1...

Большая группа работников предприятия в июле была награждена значком «Отличник соревнования наркомтяжмаша» за досрочное выполнение заказов для фронта. Среди них: Н.С. Чумичев, М.Н. Раздобаркин, В.А. Лучук, А.В. Шувалов, Н.З. Потапов, П.П. Касаткин, В.Н. Каблуков, Ф.И. Буханенко, И.М. Прашиков, И.Т. Балакин, А.А. Чумичев... Завод не раз занимал классные места в социалистическом соревновании.

По решению Государственного Комитета обороны завод стал выпускать мостовые краны и паровозы серии «СО». Предприятие

расширялось, наращивало производство продукции. «Сибтяжмаш» - это ныне один из гигантских заводов Сибири. А первую жизнь ему дали бежичане и брянцы.

Самоотверженно трудились брянцы и на других эвакуированных предприятиях. В ноябре 1942 года газета «Большевик», выходящая в городе Энгельсе, куда был эвакуирован вагоностроительный завод имени Урицкого, писала о его людях: «замечательных успехов добились токари т.т. Колисниченко и Карпусова. На лицевой счет т. Колисниченко за пять дней занесено 88 деталей и на лицевой счет т. Карпусовой - 161 деталь, выпущенных сверх плана.

Открыты лицевые счета также токарям стахановцам т.т. Толкачевой, Васюриной и другим, в которых записано по 40-60 деталей. Все они стараются работать так, как фронтовики-защитники Сталинграда бьют ненавистного врага».

За успешное выполнение правительственного задания по производству боеприпасов в декабре 1942 года правительство объявило коллективу завода благодарность, перевело деньги для премирования особо отличившихся. В октябре сорок третьего коллективу завода имени Урицкого было присуждено второе место во Всесоюзном социалистическом соревновании.

До войны Брянский Арсенал именовался механическим артиллерийским заводом имени С.М. Кирова или сокращенно - Мехартзавод. Предприятие было эвакуировано на Урал. Первый эшелон ушел 18 июля сорок первого, последний - 12 августа. Наряду с оборудованием эвакуировалось около десяти тысяч заводских специалистов и рабочих с семьями.

В суровых условиях, в короткий срок на новом месте стали выпускать мощные танковые пушки, платформы для зенитных установок... Завод был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

«Трудились, не считаясь со временем, взрослые и подростки», - вспоминает уроженец Бежицы Станислав Васильевич Фомин. Четырнадцатилетним парнишкой он пришел на военный завод в Новосибирске и делал снаряды. Таких примеров множество.

Находясь в тылу, многие брянские железнодорожники героически помогали фронту.

... У рук машиниста
Особый закал.
На крутых перегонах
Их ветер хлестал
И порой, перепутав и ночи, и дни,
Паровозы на фронт возвращали они
И вели эшелоны, рискуя собой,
По истерзанным рельсам к передовой.

Для обеспечения воинских перевозок в прифронтовых районах по решению Государственного Комитета Обороны были созданы специальные железнодорожные формирования - паровозные коллективы особого резерва НКПС - Наркомата путей сообщения. Ряд брянских машинистов - Н.Г. Лохматов, Р.Г. Лохматов, А.Ф. Коленко, А.М. Федоров, Н.И. Зубов, А.Н. Волохов, Н.А. Горбачев, И.С. Киреев, А.А. Батраков, М.М. Иванов, Г.И. Николаев, В.Ф. Цикунов, отец и сын Карпенко, жена и муж Яцковы... Вошли в колонны. Что они представляли собой? Колонна имела свои ремонтные средства, комплекты боепитания, продовольствия. К каждому паровозу был прицеплен вагон, в котором жили локомотивные и кондукторские бригады. Под огнем противника они подвозили к фронту все необходимое: живую силу, вооружение, боеприпасы, продовольствие, горючее...

«На днях старший машинист колонны №27 почетный железнодорожник Иван Семенович Устенко со своим помощником Казновским, кочегаром Райщиго и его напарником, машинистом Тарщиковым с помощником Ткаченко и кочегаром Грибановым за сутки сделали 5 фронтовых рейсов. Два из них были совершены на всем тяговом плече без остановок для дополнительного набора воды и топлива. Выполнена норма технической скорости. Сделан небывалый за время войны на этом участке среднесуточный пробег. Локомотив пробежал вдвое больше против взятых колонной обязательств», - сообщалось в «Боевом листке», озаглавленном «Трудовые подвиги». Эта своеобразная листовка была выпущена выездной редакцией газеты «Гудок».

Машиниста Ивана Васильевича Баранова помнят в локомотивном депо Брянск II и Брянск I. В обоих он трудился. Был избран депутатом. В войну днем и ночью возил железнодорожные составы на фронт. Работал напряженно. В октябре сорок третьего года погиб под Сталинградом. О нем рассказано в музее депо Брянск II, а в локомотивном депо Брянск I о славном машинисте напоминает мемориальная доска.

Тыл и фронт в войну были едины. Без прочного тыла не было бы и Великой Победы. Медаль за бой, медаль за труд - вылиты из одного металла.

Деятельность местных органов власти по упорядочению жизни населения в предвоенный, военный и послевоенный период (на архивных материалах Жирятинского района)

Коваленко В.И.
Жирятинская средняя школа,
Брянская область, Россия

Как жили люди в предвоенные, военные и послевоенные годы – тема нашего сообщения.

Мы взяли материалы Жирятинского района. До войны по своим размерам (около тысячи кв. км.) и количеству населения (свыше 40 тысяч человек) он превосходил Злынковский, Погарский, Новозыбковский, Жуковский, Суземский, Выгоничский, Гордеевский районы.

Во второй раз как административно-территориальная единица наш район появился в сентябре 1939 года, почти за два года до войны.

Для жителей жирятинских сёл и деревень появилась возможность более оперативно решать свои повседневные нужды – теперь районное начальство стало ближе, значит быстрее можно до него достучаться.

Проблем у нового руководства хватало: надо было обустраиваться самим (не хватало административных помещений для управленцев, сами жили в условиях далеко не идеальных - некоторые жили"... на столах у своего рабочего места"), решать государственные задачи – выполнение планов и обязательств.

Не было принято программы развития района, были намечены только планы на 1939-1941 годы, где предусматривалось построить "завод фруктовых вод при райпотребсоюзе", открыть 5 шорных мастерских, организовать мыловарение, открыть райпромкомбинат с уклоном: слесарно - кустарный цех, бондарно-столярный, обозный, текстильный по выпуску верёвок и кожевенный по выпуску кож ".[1]

Основная работа – это выполнение планов поставок сельхозпродукции и её переработка. 1940 год обнадёживал – план по хлебопоставкам выполнен на 100% , дополнительно созданы птицефермы (для наращивания темпов производства мяса). Их уже имели 74 колхоза из 116 – ти.

Но не всё шло гладко. Появились очаги птичьей холеры. А в д. Подузово был установлен карантин, который был снят только в июне 1941 года.[2]

Шла борьба по ликвидации других заболеваний: 53 случая сыпного тифа, 20 – брюшного тифа , 75 – скарлатины, 833 – малярии.[3] Это хорошо понимали власти. Ведь на 40 тысяч населения имелась 1 больница на 15 коек (в 20 км от райцентра Жирятино), 2 лечебных участка, 1 фельдшерский пункт, 3 фельдшерско-акушерских пункта, 2 акушерских, 1 здравпункт. Не имелось санитарного врача, зубного. А из 3-х врачей, работающих в районе – все 3- гинекологи.

И больница для района в этих условиях крайне нужна была. Просьба о её строительстве направлена в 1941 году в область.

Несмотря на довольно сложную эпидемиологическую обстановку, к карантинным мерам в больших масштабах прибегать не пришлось.

---

[1] ГАБО, ф.1924, оп. 1, д.56, л.5,6
[2] ГАБО, ф.1924, оп.1, д.57, л.43
[3] там же, д.56, л.5

Хотя это не принято было говорить, но страна готовилась к войне.

С начала 1941 года на заседаниях райисполкома рассматривались вопросы, так или иначе связанные с обороной.

27-28 декабря 1940 года состоялась сессия райсовета, среди прочих вопросов в её решении отмечалось, что в хозяйствах насчитывается 4 тысячи 287 лошадей, из них истощённых 1 тысяча 325.[1] Конечно, тут же записано, чтобы председатели, специалисты колхозов, ветслужба района приняли меры по улучшению качественного состава конного поголовья как основной тягловой силы в войсках.

Через месяц 27 января 1941 года исполком райсовета на заседании рассматривает вопрос о создании фонда "Обороне - повозка с упряжью", где обязывает председателей колхозов готовить их по разнарядке райвоенкомата.

Вскоре было принято решение райисполкома "Об установлении плана о контрактации и заготовке сигарных табаков и махорки урожая 1941 года".[2] Для реализации этой задачи 8 колхозам было дано задание собрать не менее 10 ц с гектара сырья-сушняка и сдать 500 центнеров государству.

26 июня 1941 года - "Об обязательных поставках государству брынзы-сыра из овечьего молока колхозами, колхозниками, единоличными хозяйствами".[3]

Расклад по заготовкам дифференцирован. Так, колхозам устанавливалась норма с 1 гектара (включая сады и пастбища) по 50 граммов, с двора колхозника – 75 граммов, с двора единоличника – 1 кг.

За этот период в протоколах заседаний райисполкома, сессий райсовета не было рассмотрено ни одного вопроса, связанного с жалобами людей.

Мы можем предполагать, что жалобы, конечно, были, и, скорее всего, рассматривались на месте.

---

[1] там же, д. 57, л. 39
[2] там же, л. 45-46
[3] там же, л. 52

Все понимали, что любая заминка с выполнением директив-заданий, особенно с хлебозаготовками, рассматривались как тяжкие преступления. Выплата по трудодням – только после расчета с государством.

Но были и исключения. В докладе Орловскому облисполкому Жирятинский райисполком приводил два случая, когда в колхозе им. Чапаева и 1 Мая, в августе 1940 года колхозникам был роздан хлеб на трудодни из первого обмолота. Хотя в первом хозяйстве на этот момент не сдано государству ни одного килограмма зерна, а во втором - на элеватор вывезено только 35,8 тонн (при плане – 88,7 тонн).

Председатель райсовета сообщает, что порядок в этих колхозах советские работники навели – "... райисполком предотвратил раздачу, осудил, направил материалы в прокуратуру для привлечения к уголовной ответственности".

Но прокурор района Мармазинский "это дело промариновал 3 месяца и своим постановлением от 31 октября 1940 года дело прекратил из-за мало значимости преступления", и " предложил заведующему районным земельным отделом наложить дисциплинарное взыскание на председателей колхозов".[1]

Этот пример показателен для того времени тем, что такие факты руководители района скрыть не имели права, иначе их могли привлечь к ответственности за укрывательство. (Поэтому эти факты изложены в докладе). Но восхищает и действия прокурора, который, конечно, сознательно затянул рассмотрение этого дела, по всей вероятности, до тех пор, пока колхозы не выполнили планы зерновых поставок, а потом предложил местной власти наказать виновных.

Нам неизвестно: были ли какие последствия для самого прокурора. Можем предположить, что были, так как заведующего районным отделом образования Лупина (который был обвинён инспектором ОблОНО в приписках количества обученных граждан) сняли с работы 20 марта 1941 года.

---

[1] там же, д. 56, л. 3

С 1940 года началось ужесточение дисциплины для всех работающих. 26 октября 1940 года был принят известный Указ Верховного Совета СССР, когда за опоздание на работу, прогулы люди привлекались к уголовной ответственности. Решение по этим вопросам принимал суд по предложению коллективов.

Уже 28 октября 1940 года своё представление направил райисполком: «Вследствие того, что инструктор физкультуры и спорта при исполкоме райсовета Д.А.С. , будучи в командировке в Орле, совершил прогул 3 дня... Передать его нарсуду для привлечения к уголовной ответственности по Указу Верховного Совета СССР от 26.10.40 г."[1]

Особый период жизни населения после 22 июня 1941 года.

28 июня 1941 года в районной газете был опубликован приказ[2] по Жирятинскому райвоенкомату, в основу которого положены Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 года, постановление Военного Совета Орловского военного округа от 23 июня 1941 года, где перечисляются все меры по обеспечению порядка: трудовой день начинается с 8-ми часов утра, с 22-х часов всякое хождение запрещено; культурно-бытовые предприятия работают до 21-го часа 30-ти минут; магазины торгуют с 9-ти часов утра до 21-го часа; приезжающие на рынок должны иметь паспорт или удостоверение личности; покидать рынок до 17-ти часов; свет в домах и учреждениях не зажигать, в случае надобности - должно быть полное наружное затемнение.

Исполком райсовета принимает своё решение – с 30июня установить охрану 29-ти мостов в районе.[3]

29-го июня 1941 года были опубликованы Указы Верховного Совета СССР "Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения", "О мобилизации военнообязанных", "Об утверждении Положения о военных Трибуналах в местностях, объявленных на военном положении и в районе военных действий".

---

[1] там же, д. 30, л. 15
[2] газета "Коммунист" 28 июня 1941 г., с.2
[3] ГАБО, ф. 1924, оп. 1., д. 57, л. 53

4-го июля 1941 года было опубликовано решение райисполкома, принятое 27-го мая того же года "О мерах предупреждения и борьбы с пожарами".

11-го июля - новый Указ Верховного Совета СССР "Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения" по которому трибунал мог осудить на 2-5 лет тюрьмы.

В этот же день публикуется "Обязательное постановление Военного Совета Орловского военного округа", где говорится о привлечении к административной ответственности за нарушение светомаскировки.

Развёрнута была широкая пропагандистская работа, особенно в местной газете, где, как в зеркале, отражалось настроение людей, их готовность идти на защиту Родины, готовность стать к штурвалу комбайна, рычагам трактора, заменить ушедших на войну. Широкую поддержку получило движение женщин, девушек по овладению трактором.

Обучение шло на базе МТС в с. Воробейня.

Примеров было множество, когда брат передавал сестре трактор, когда жена заменяла ушедшего мужа.

Можно по-всякому относиться к этим публикациям. Да, в какой-то степени было небольшое приукрашивание, где-то журналистские натяжки, когда заставляли людей через газету говорить призывы, заверения. Но не это главное. Люди, жившие в то время, вспоминают, что чувство тревоги было в душе каждого, но все верили, что война ненадолго, что надо напрячь силы – помочь армии и она опрокинет врага. В этом суть патриотизма не показного, не лозунгового, а истинно русского, передающегося из поколения в поколение, который выражался в одном понятии: "Надо!". Все понимали трагическую сущность происходящего, но прятаться за спинами никто не собирался.

Спокойно и размерено шел призыв на войну в первый месяц. Работала агитбригада на сборном пункте в здании Жирятинской средней школы. Политруки по классам рассаживали призывников и объясняли суть происходящего, потом короткий митинг – и на фронт.

Выполнялись все сельхозработы, проводилась эвакуация населения и скота, шло строительство оборонительных сооружений.

Перевыполнять дневные нормы выработки становилось неписаным законом.

Стремились к этому и стар и млад. В Кульневском колхозе им. Сталина колхозницы Фещенко Ефросинья Федоровна, Антипенко Марфа Андреевна, учительница Оливкова Лариса Корнеевна выкашивали по 0,40 – 0,45 га луга, вместо 0,30 га по норме.

70-летний Сахаров П.К. из колхоза "Путь к коммунизму" скашивал по 0,50 - 0,70 га трав (вместо 0,30 га)[1]. Работали, не покладая рук, и учителя и школьники.

Но жизнь продолжалась. За тревогами и бедами люди умели и отдыхать и веселиться – устраивали праздники. Кому-то это было не по душе, поэтому в районной газете 26-го июня 1941 года появилась ядовитая заметка "Вместо работы празднуют".

"Правление колхоза "1 Мая" Барышенского сельского Совета вместо напряжённой работы на полях, занимаются празднованием религиозных праздников. Так оно справляло "духов день". В этот день все колхозники не работали, а председатель колхоза Носов даже отпустил средства на водку. Между прочим колхоз запоздал с севом поздних культур.

Такое же положение наблюдается и в колхозе им. Тельмана, где также в этот день не работали, а колхозники еще не закрепили подписку на заем наличными деньгами, а для "праздника " не жалеют средств.

Афонин – заведующий избой-читальней."[2]

Организовано проводилась работа по строительству оборонительных линий для Брянского фронта на жирятинской земле. Райисполком принимает специальное решение "О прикреплении сельских Советов к строительным участкам Жирятинского района". Их было 6. Объём работ огромный: кроме основной линии обороны надо было сделать отсечные рубежи, доты, дзоты – и всё это - вручную.

---

[1] газета "Коммунист", 28 июня 1941 г., с. 2

[2] там же, с. 4

Мобилизации подлежали практически все. Указание было такое: "на строительные работы привлекать лиц, не связанных детьми и домашним хозяйством, не моложе 18-ти лет",[1] свободные отправлялись на уборку хлеба.

Задание расписано каждому: колхозы обеспечивали питанием, сельсоветы следили за тем, чтобы на каждые 100 человек имелось 20% топоров, 10% поперечных пил, остальные – с лопатами.

Работа шла вахтовым методом: люди трудились 6 дней с 6-8-ми часов утра до 8-ми часов вечера.[2] Конечный результат - всё было сделано в установленные сроки!

Как известно на территории Брянской области к августу 1941 года было закончено 3 линии обороны, в стадии строительства были еще две.

С начала августа 1941 года началась эвакуация скота.

Райисполком принимает решение по этому вопросу, где прописываются правила перегона скота и нужное количество людей. 10-го августа был отправлен скот из колхозов Высокского сельсовета, там проходила основная линия обороны, значит, скот надо убрать.

Сельскому Совету приписывалось обеспечить погонщиков лошадью с повозкой для подвоза инвентаря, пастухов; должно быть – 1 человек на 10 голов дойного стада; гнать медленно по видам в отдельности (коров, овец, телят), чтобы избежать давки и ранения мелкого скота.[3]

В документах того времени мы не нашли ни одного факта отказа от работы и срыва задания.

16-го августа 1941 года был образован Брянский фронт, и территорию района заняли 258-я и 260-я дивизии 50-й армии.

Начались бои. Потом отступление Красной Армии и к концу сентября 1941 года Жирятинский район был оккупирован немцами.

Пришла новая власть, стала устанавливать и новые порядки.

---

[1] ГАБО, ф. 1924, оп. 1, д. 293, л. 12
[2] там же, д. 297, л. 27
[3] там же, д. 293, л. 8

Появилось новое административно-территориальное устройство – волостное. Немецкая администрация приняла решения, регулирующие деятельность граждан Жирятинского района.

Стали функционировать земельный отдел (куда входили ветеринарно-зоотехническая служба, лесовод), финотдел, отдел заготовки сельхозпродукции, дор-, здравотделы, почта и полиция.

Без ведома властей не делалось ничего. Существующая система штрафов могла сломать любого человека.

21-го октября 1942 года был издан приказ №146 по Жирятинскому району "О мерах по борьбе с самовольным убоем скота", подписанный комендантом сельскохозяйственного штаба Шинцелем и начальником района Сазоновым, где говорится, что "с целью быстрейшего воспроизводства стада восстановления разрушенного большевиками крестьянского хозяйства Германское земельно-хозяйственное управление приказывает". Далее идёт " приказное разъяснение когда, как можно вести забой скота в личном хозяйстве граждан. Когда же скот зарезан тайно, то мясо конфискуется, а на хозяина налагается штраф: " при забое КРС и свиней от 2-х до 3-х тысяч рублей, овец – от 1300 рублей до 1500 рублей в зависимости от возраста и веса забитого животного".[1]

Определены и лица, которые осуществляли контроль: ответственность по наблюдению за выполнением данного приказа возлагается на старост, волостных старшин, а также на органы милиции (полиции) и ветеринарный персонал.

Наказание следовало и за незаконную порубку леса.

В октябре 1942 года были оштрафованы 25 жителей с. Норино "за самовольную порубку леса на сумму 4436 рублей 26 копеек".[2]

Положение населения осложнялось еще и тем, что оно находилось в зоне действия 4-й Клетнянской партизанской бригады. Оно попадало в положение между молотом и наковальней. В случае малейшего подозрения за связь с партизанами – арест и расстрел. А помощь народным мстителям требовалась, и они получали

[1] там же, д. 540,оп. 1, д. 4, л. 260
[2] там же, л. 252

её. С другой стороны на Жирятинской земле нёс службу батальон полиции, состоящий из 6-ти рот и насчитывающий в своём составе к концу 1942 года 850 человек, который не прощал ничего.

Урезаны были права граждан на передвижение (нужно было получить справку от полиции, чтобы побывать в соседнем населённом пункте), на пребывание на улице. 2-го октября 1942 года до командиров полицейских рот был доведен следующий документ: "Согласно распоряжения Жуковского Ортскоменданта Жирятинская районная милиция воспрещает движение граждан: с 1-го по 31-е октября с 5 ч. 30 мин. вечера до 5ч. утра; с 1-го по 30-е ноября с 5 ч. вечера до 5 ч. 30 мин. утра; с 1-го по 31-е декабря с 4 ч. вечера до 6 ч. утра.

Лица, не имеющие на то специальных пропусков, нарушающих данное постановление, могут быть застрелены.

Данное постановление широко объявите населению и дайте указание постам о наблюдении за выполнением данного постановления".

Командир батальона Домбровский.[1]

Жителей населённых пунктов привлекали на различные виды работы: будь то строительство дзотов, ремонт мостов или перевозка грузов.

Полиция занималась различного вида поборами. Вот, например, что пишет начальник Жирятинской полиции Домбровский старшине Колычевского отряда А. "Приказываю дать 5 милиционеров в распоряжение Жирятинского старшины для сбора одежды и обуви. Неисполнение сего предписания будете наказаны согласно военного времени".[2]

Такие поборы по-другому можно назвать форменным мародерством. Брали все, что попадалось под руку. В д. Кучеево отобрали рубашку и пиджак, в д. Соколья Слобода – гармошку, растаскивали школьное, колхозное имущество (вот пример: «24 июля 1942 г. Начальнику отряда в Кучеево Господину С.:

[1] там же, ф. 2603, оп. 1, д. 4, л. 240
[2] там же, л. 285

Немедленно возвратите пиджак, отобранный у гр. пос. Голубиное Лыскова Сергея, и 2 рубашки, отобранные у гр. пос. Горянь Бурносова Дмитрия.

Зам. Нач. Жирятинской милиции (полиции) Цитович)».

Эти горе-стражники, полицаи, призванные защищать население, сами поджимали хвосты не только перед партизанами. Они боялись и немцев, и украинских карателей-националистов. Об этом свидетельствует следующий документ: "... июня 1942 года Господину С. на Ваше заявление об отборе принадлежащего Вам имущества Жирятинская районная стража сообщает: имущество было взято украинским карательным батальоном, а потому райстража оказать помощь не может.

Начальник Жирятинской райстражи Домбровский ".[1]

В такой обстановке население не было защищено ни от полиции, ни от немцев, ни от карателей.

Немецким властям нужны были продовольственные, лесные, людские ресурсы. Для того, чтобы их получать, оккупанты и создали власть, которая забирала, но не защищала.

19 сентября 1943 года было освобождено Жирятино, а потом и весь район.

В первые дни была сформирована местная власть. Аппарат районного Совета депутатов трудящихся состоял в основе своей из партизан 4-й Клетнянской партизанской бригады. Председателем райисполкома стал Макушкин Н.Т. – бывший политрук роты, заведующим районным земельным отделом руководил командир роты Чувилин П.М., заведующим райздравотделом стал Гриненко, бывший начальник медслужбы бригады.

Всё надо было начинать сначала, потому что район понёс очень большие потери жилого фонда, производственных, административных зданий, погибло от рук карателей и оккупантов свыше 2-х тысяч человек.

13-го октября 1943 года состоялось первое заседание исполкома райсовета. Главный вопрос: " О срочных мерах по борьбе со

[1] там же, л. 29

вспышками и очагами с эпидемиологическими заболеваниями в Жирятинском районе".[1]

В районе свирепствовал сыпной тиф, чесотка. В срочном порядке создаётся аптека, идёт учет и обучение медперсонала. В колхозах и совхозах начинают открывать бани, в Жирятино в быстром порядке открывают санпропускник, даётся задание за 15 дней построить дезинфекционную камеру.

Второй вопрос: "О мерах проведения работ по благоустройству улиц, дорог, зданий, жилых помещений в сёлах и поселках Жирятинского района".

Власть обязывает всех руководителей организовать трехдневник по уборке железа, ящиков, повозок, бочек, машин, кирпича, оставшегося после боёв и отступления немцев.

Организовывают строительные бригады по восстановлению колхозных зданий, помещений для школ, жилого фонда.

В это же время принимается решение о запрещении "произвольного изъятия имущества у бывших старшин, старост, полицейских без ведома органов милиции, прокуратуры и суда, без следственных актов".

Был восстановлен 8-ми часовой рабочий день, но подтверждалось действие довоенного Указа Верховного Совета СССР о нарушениях трудовой дисциплины и опозданиях.

С 13-го октября 1943 года стала работать "комиссия по учету ущерба и злодеяний, причинённых народному хозяйству немецкими оккупантами". Состояла она из 5-ти человек, возглавлял комиссию председатель райисполкома Макушкин Н.Г., работу она должна была закончить 15 ноября 1943 года.

С 1-го ноября 1943 года в Жирятино стал функционировать рынок.

Районные власти – и райком ВКП(б), и райисполком понимали, что надо дать хоть какую-то возможность людям стать на ноги. Это делалось с помощью предоставления различных льгот, отсрочек от платежей.

---

[1] там же, ф. 1924, оп. 2, д. 22

14-го ноября 1943 года на очередном заседании райисполкома был рассмотрен вопрос: "Об освобождении населённых пунктов от проводимого сельскохозяйственного налога в 1943 году отдельных населённых пунктов по сельским Советам Жирятинского района, пострадавших от оккупации"[1].

Сюда входили и отдельные категории граждан, в частности, рабочие и служащие, находящиеся в партизанских отрядах и в Красной Армии, освобождались от военного и подоходного налога сроком на 3 месяца.

От сельхозналога продуктов в фонд Красной Армии освобождались колхозники, рабочие и служащие Столбнянского, Быковичского сельсоветов, 50 хозяйств колхозников д. Сокольня, как особо пострадавших от немецкой оккупации. Право не сдавать мясо государству получили (как особо пострадавшие): в Столбнянском сельсовете – 34 хозяйства, Быковичском – 15, Князичском – 89, Высокском – 130, Павловичском – 65, Молотинском – 63, Морачевском – 41,Сокольня – 17 – всего 458 крестьянских хозяйств.

В то же время с 15-го по 25-е ноября 1943 года был проведен декадник по реализации второго государственного военного займа. Собрать надо было 3 тысячи рублей.

Много внимания в то время уделялось детям, школе. Практически на каждом заседании райисполкома вопрос о школе был в центре внимания.

Сразу же после освобождения района от немцев стали работать школы. Мне удалось побеседовать с учителями, которые учили детей с октября 1943 года. Много не хватало: топлива, ручек, тетрадей, книг, но занятия шли.

1-го февраля 1944 года исполком райсовета направил просьбу в Орловский облисполком о выделении 877 м³ леса и 642 тысячи 425 рублей на восстановление 9-ти школ.[2]

9-го июня 1944 года были подведены итоги первого после освобождения 1943-1944 учебного года. Всего числилось в шко-

[1] там же
[2] там же

лах 5 тысяч 843 ученика, но не все ходили в школу (682 школьника или 12% по различным причинам сидели дома).[1]

Для детей, оставшихся без родителей, было открыто 2 детских дома: в Савлуково, инициативного, существующего за счет фонда помощи детдому из отчислений от зарплаты рабочих и служащих; и в Жирятино – за счет государственных средств.[2]

Можно по-разному относиться к плановой, распределительной экономике, но в тот период – это спасение от нищеты и голода многих тысяч детей и взрослых.

Сегодня без волнения нельзя читать многие документы той поры.

Вот, например, решение райисполкома о выдаче мануфактуры (ткани) детям военнослужащих, сиротам, пострадавшим от немецко-фашистских оккупантов: 78 семей получили 271,5 метров; Жирятинский детский дом – 50 метров.[3]

С 1-го июля 1944 года стали выдавать карточки на получение хлеба (выдавались ежемесячно). Население было разделено на 3 категории: первая - рабочие и служащие, инвалиды войны, учителя – 500 гр.; вторая – рабочие и служащие – 300 гр.; третья – иждивенцы – 200 гр.[4]

Помогали и селянам - выдавали хлеб напрямую колхозникам. В июле 1944 года такую помощь получили в Быковичском сельсовете – 500 кг.; в Морачевском колхозе "Новое Морачево" – 500 кг.[5] Эти территории более всех пострадали от захватчиков.

Детским домам помогали, чем могли. В июле 1944 года Жирятинский райвоенкомат передал Жирятинскому детскому дому муку, сухие овощи, оставленные воинскими частями.

Конечно, не всё было ладно, как писалось в документах.

Находились такие люди, которые старались словчить, не вовремя выдать положенное.

---

[1] там же
[2] там же
[3] там же
[4] там же
[5] там же, л.11

В июне 1944 года было указано председателю Кульневского сельсовета Луговскому немедленно выдать зарплату учителям Ишовской школы за 8 месяцев к 5-му июля того года. Были предупреждены зав. райторготделом Тарасенко и председатель райпотребсоюза Терехов за несвоевременное обеспечение учителей хлебными пайками и промтоварами.[1]

Пристальное внимание местные власти уделяли многодетным семьям.

На заседаниях райисполкома, начиная с середины 1944 года, вопросы оказания помощи этой категории граждан рассматривались постоянно. 6-го августа 1944 года исполком райсовета помог семьям Симоновой Екатерины Павловны (8 детей) из д. Колычево, Кузнецовой Марии Яковлевны, Прокутиной Фене Егоровне (по 7 детей) из д. Комягино.[2]

В сентябре 1944 года в райисполкоме рассмотрели заявление от 22-х многодетных семей. Большинству оказали помощь. Но были и отказы. По этическим соображениям не будем называть фамилии семей, которым показали «от ворот поворот». Напишем только инициалы: отказано

К.О.И. из д. Починок Князичского сельсовета (9 детей) – "муж изменник Родины – расстрелян";

Ф.Ф.С. (8 детей) – "муж и сын служили в полиции";

А у М.А.Т. (7 детей) – п. Ново-Советский Кульневского сельсовета – "имеются компрометирующие данные (муж в полиции); изъяли хату, незаконно приобретенную.

А К.М.Т. отказано в помощи – "так как сын погиб не в боях за социалистическую Родину".[3]

Для нас сегодня эти факты (когда лишают детей государственной помощи) являются вопиющими. Конечно, дети здесь не виновны – сын за отца не отвечает. Но в то время всё было обнажено, зримо, больно. Сирот, обездоленных много. И простить тем, кто в годы оккупации (когда кто-то из родственников служил в полиции), жил лучше, чем остальной люд, было трудно.

---

[1] там же, л. 5-6
[2] там же
[3] там же, л.15

Этим людям не прощали не только власти, но даже сами рядовые жители сел, деревень района. Исполком райсовета вынужден был принять решение о недопустимости изъятия имущества бывших старост и полицаев без ведома правоохранительных органов.[1]

Но отказывали не только рядовым жителям. В феврале 1945 года райисполкомом было рассмотрено заявление директора промкомбината Баранова Н.И об оказании помощи. Исполком, чтобы решить вопрос по справедливости, счел нужным запросить Быковичский сельсовет (где жила семья директора) – "какое участие в колхозе принимает его жена и сколько выработала трудодней".[2]

Отказано и работнику районного отдела НКВД Галаганову в "в выдаче продпомощи… так как семья имела приусадебный участок и глава семьи как служащий пользуется продовольственными пайками".[3]

Всего не получили помощи 6 человек, среди которых и сотрудники НКВД, и директор спиртзавода, и председатель сельпо. Видно эти чиновники скромностью не отличались.

Война продолжалась, нехватка была во всем, но даже в этих условиях власти на местах старались распределить те скудные средства так, чтобы они дошли до остронуждающихся.

Райисполкому после 1944 года стало больше работы по рассмотрению жалоб. Содержание их разное: и о восстановлении прав инвалида, прав пострадавшего, о возврате разного рода имущества, о снижении или снятии молокопоставок.

Среди всех заявлений наибольший интерес вызвал у нас вопрос возврата коров, которые по различным причинам оказались у других владельцев.

Вот характерный пример:

"Слушали: заявление гражданки Бересневой Натальи Ивановны, проживающей в д. Подузово Рубчанского сельсовета об изъятии у неё незаконно приобретённой коровы.

---

[1] там же, л.16
[2] там же, л. 16
[3] там же, л. 16

Решили: незаконно приобретённую корову гражданки Берестовой оставить на один год в её пользовании, после приплода корову изъять и передать её на колхозную ферму".[1]

Люди, принимавшие такое решение, поступали мудро и справедливо. Оставив животное на год в доме Бересневой, они давали возможность этой семье выжить и обзавестись собственной коровой, но и колхоз не будет в убытке.

С высот сегодняшнего дня, рассматривая работу местных органов власти по упорядочению и улучшению жизни населения, приходим к заключению, что партийные, советские руководители на местах делали много, чтобы люди имели самое необходимое, были защищены от различных посягательств, насколько позволяли финансовые, политические, юридические возможности.

Их можно во многом упрекать, критиковать, но нельзя им отказать в чувстве справедливости, самоотверженности, в преданности тому делу, которому служили.

Те годы для местного руководства не могли не отразиться на их здоровье. Многие ушли из жизни слишком рано.

В 1944 году на 37-м году жизни умер Матвей Иванович Борисов, прокурор района. Едва перешагнув 50-летний жизненный рубеж, ушел в мир иной Чувилин Пётр Михайлович – зав. райсобесом.

По иному вела себя оккупационная власть. С октября 1941 года по сентябрь 1943 года на Жирятинской земле от рук захватчиков и их пособников погибло свыше 2-х тысяч местных жителей.[2]

Она создавала условия не для проживания граждан, а для их существования. Беззащитность, несправедливость, масса ограничений прав человека – всё это сыпалось на людские головы. О какой поддержке со стороны населения такой власти могла идти речь!

---

[1] там же, л. 16

[2] Коммунист. - 1944. - 9 янв.

Восстановление народного хозяйства Новозыбкова и Новозыбковского района (1943-1945)

Дунаев О.П.
Новозыбковский краеведческий музей,
Брянская область, Россия

Оккупация нанесла огромный ущерб Новозыбкову и району. Фашистами было расстреляно 5198 человек, угнано 2573 человека. Полностью были разрушены промышленные предприятия, колхозы, совхоз, МТС, учреждения здравоохранения, образования, культуры. Общий ущерб составил 351 миллион рублей.

Руководство по восстановлению города и района взяли секретарь РК ВКП(б) М.А. Левченко, председатель горисполкома А.Н. Поддубина, председатель райисполкома Г.И. Гордеенко.

Восстановительные работы в городе начались с расчистки территории от развалин, разминирования и ремонта производственных помещений.

К 25 октября 1943 года в Новозыбкове работали 12 промышленных предприятий (6 артелей промышленной кооперации, 1 артель кооперации инвалидов, 3 предприятия государственной промышленности, 2 предприятия местной промышленности), 2 предприятия бытового обслуживания. В сельской местности действовало до 15 предприятий колхозной и мукомольной промышленности.

Удалось частично восстановить школьную сеть. В Новозыбковском районе действовало 47 школ, в том числе: в районе - 42 (17 неполных средних, 25 начальных), в городе - 5 (2 средних, 1 неполная средняя, 2 начальных).

Для оказания медицинской помощи было открыто 12 учреждений здравоохранения, из них: в городе -3 (больница, амбулатория, санитарно-бактериологическая лаборатория), в районе - 9 (2 медицинских участка, 3 фельдшерско-акушерских пункта, 4 фельдшерских пункта).

Постепенно налаживалась связь. Было установлено 8 телефонных аппаратов, 12 радиоточек.

Крупным промышленным предприятием Новозыбкова была спичечная фабрика «Волна революции». В первые же дни после освобождения на фабрике начались восстановительные работы, которыми руководил возвратившийся из эвакуации директор С.В. Белугин. Большую роль в восстановительных работах этого предприятия сыграли старые рабочие, мастера автоматов П. Подберезко и М. Коровиков.

В связи с отсутствием техники, с 11 ноября 1943 года на фабрике 7 рабочими был организован выпуск спичек кустарным способом (в пакетах).

За 4 квартал промышленными предприятиями города было выпущено валовой продукции на сумму в 856.9 тысяч рублей. Рабочими спичечной фабрики было выработано к 5 января 1944 года 504 ящика спичек (50400 коробков).

На Новозыбковском железнодорожном узле сильно пострадал от немецкой оккупации Карховский сигнальный завод. В январе 1944 года рабочие завода приняли решение ежедневно после рабочего дня отрабатывать по два часа на восстановлении своего предприятия.

20 марта 1944 года были подведены первые итоги восстановления народного хозяйства. В Новозыбковском районе действовали 18 промышленных предприятий (в городе - 17 (10 артелей промкооперации, 6 предприятий государственной промышленности), в районе - 1 (артель промкооперации), 8 сельпо, 35 магазинов (в городе -7, в районе - 28) и 5 столовых (в городе - 3, в районе - 2), 25 учреждений здравоохранения (в городе - 5 (больница, поликлиника, санитарно-бактериологическая лаборатория, 2 здравпункта), в районе - 20 (12 фельдшерских пунктов, 6 фельдшерско-акушерских пунктов, 2 акушерских пункта), 48 школ (28 начальных, 17 неполных средних, 3 средних).

Работники участка связи осуществили телефонизацию 9 сельских Советов, проложили 109 километров телефонных линий, восстановили деятельность радиоузла в городе, установили в городе 49 телефонов.

Коммунальная служба восстановила в городе 2500 кв.м. жилой площади, частично ввела в действие городскую электростанцию.

Итоги первого полугодия 1944 года - промышленные предприятия выполнили на 93,33%, в том числе: по предприятиям местной промышленности - 79,6%, промкооперации - 69,7%, инвалидной кооперации - 130,7%.Общий объем произведенной валовой продукции составил 1045600 рублей.

Несмотря на то, что план первого полугодия промышленными предприятиями не был выполнен, успешно трудились коллективы артелей промкооперации «Профинтерн», «Вперед», «8 марта», артель инвалидной кооперации «Заря» (Новозыбков), «Заря социализма» (Святск). Из предприятий местной промышленности хорошо трудился коллектив Райтопа.

Успешно выполнил план промышленного производства первого полугодия райпотребсоюз. Значительных успехов достигла и торговая сеть потребкооперации. Из 8 сельпо 7 выполнили план товарооборота с превышением. Среди них - Верещакское, Внуковичское, Деменское, Замишевское, Новобобовичское, Рыловичское, Манюковское, Шеломовское сельпо.

Еще большие трудности пришлось преодолеть при восстановлении сельского хозяйства Новозыбковского района. Необходимо было восстановить 22 сельских Совета и 64 колхоза, бывших до оккупации на территории района.

Возрождение колхозов было делом сложным и трудным, ибо порой его приходилось налаживать на пустом месте. В селах почти не было мужчин трудоспособного возраста. Председатели правлений, бригадиры, агрономы, работавшие в колхозах до войны, были на фронте или погибли в боях. Приходилось наспех подбирать руководящие кадры колхозов. Для организации бригадных дворов использовались дворы колхозников. При восстановлении колхозов возникло много проблем. Основная из них - отсутствие тягла. И хотя партизаны передали в личное пользование колхозам много лошадей, крупный рогатый скот, перехваченных у отступающих фашистов, этого было недостаточно. Новозыбковский район из своих бедных в то время ресурсов передал особо пострадавшим

районам Брянской области 400 лошадей. Колхозники района отправили трудящимся города Сталина 6000 пудов сельхозпродуктов и эшелон семенного картофеля для подсобных хозяйств предприятий Сталинграда. В течение октября 1943 года все колхозы района были восстановлены.

Большую помощь пострадавшим колхозникам оказало государство. С первого дня освобождения они получили бесплатно хлеб, семена, скот, лес, стекло, денежные ссуды.

Под руководством директора МТС Я.Е. Музыченко за зиму 1943-1944 гг. на МТС было отремонтировано и восстановлено 7 колесных тракторов ХТЗ, 6 сеялок, 8 плугов, 2 сложные молотилки МК-1100 и необходимый инвентарь. Были восстановлены ремонтные мастерские, своими силами подготовлено 15 молодых трактористов, из них 10 девушек. В первую после освобождения весну 1944 года в МТС было организовано 4 тракторные бригады, которые работали в две смены.

Вместе с восстановлением МТС и машинотракторной мастерской, согласно плана восстановления сельского хозяйства, планировалось к январю 1944 года восстановить Новозыбковскую нефтебазу Главснаба на 300 тонн, а также организовать сбор трофейных бочек под заливку горючего в количестве 100 штук.

Еще долгое время в районе проблема тягловой силы оставалась наиболее острой. Из 6,1 тысячи лошадей, имевшихся в районе в 1940 году, в 1944 году осталось 1900, поэтому хозяйствам района пришлось взяться за выращивание волов.

Наряду с восстановлением промышленности и сельского хозяйства уделялось внимание подготовке специалистов образования и сельского хозяйства. Одной из важнейших задач стало восстановление педагогического института и сельскохозяйственного техникума.

В ноябре 1943 года возобновились занятия в сельскохозяйственном техникуме, в январе 1944 года - в институте. Преподаватели и студенты института и сельскохозяйственного техникума принимали активное участие в восстановлении учебных зданий, общежитий.

Восстанавливалась деятельность культурно-просветительных учреждений. Начал работу Новозыбковский колхозно-совхозный театр. К 1 января 1944 года в районе работали 16 изб-читален и 6 красных уголков.

Стремясь оказать помощь фронту, работники артелей промкооперации явились инициаторами строительства танковой колонны. На эти цели в начале 1944 года ими было перечислено 19439 рублей. Труженики Новозыбковского района собрали на строительство танковой колонны «Новозыбковский колхозник » 1600000 рублей.

В то же время развитие промышленных предприятий системы промкооперации и кооперации инвалидов сталкивалось со значительными трудностями. Нехватка сырья, недостаток денежных средств у населения, высокая стоимость производимых изделий способствовали тому, что план 3 квартала и 9 месяцев 1944 года оказался невыполненным. Но нельзя забывать и то, что в условиях военного времени успешно работали коллективы артелей промкооперации «Красный текстильщик», «8 марта», «Стахановец», «Профинтерн», Райпромкомбинат, Райтоп и мастерская «Индпошив» (Новозыбков), «Заря социализма» (Святск), выполнившие план и 3 квартала, и 9 месяцев 1944 года. С выполнением плана не справились и предприятия местной промышленности, в частности, Райпищекомбинат.

Но несмотря на трудности, промышленными предприятиями было произведено за 9 месяцев 1944 года валовой продукции на сумму 1907100 рублей, в том числе 6 предприятиями местной промышленности - 209300 рублей, промкооперации - 1504100 рублей, кооперации инвалидов - 193700 рублей.

Эти скромные успехи были достигнуты благодаря самоотверженному труду стахановцев. К 1 октября 1944 года на предприятиях местной промышленности и промкооперации их было около 100.

В целом же промышленными предприятиями в 1944 году было выпущено валовой продукции на сумму 2560300 рублей, в том числе: государственными предприятиями союзного подчинения - 225700 рублей, государственными предприятиями местного под-

чинения - 287900 рублей, предприятиями промкооперации - 1762800 рублей, предприятиями инвалидной кооперации - 283900 рублей.

Производственной программой 1945 года планировалось увеличение производства валовой продукции до 4541200 рублей, в том числе: по государственным предприятиям союзного подчинения - до 938200 рублей, по государственным предприятиям местного подчинения - до 443000 рублей, по предприятиям промкооперации - до 2815000 рублей, по предприятиям инвалидной кооперации - до 345000 рублей. Однако война, хотя и вступила в завершающую стадию, не позволила в полной мере реализовать намеченное.

Огромных усилий стоило возрождение сельского хозяйства.

26 июля 1944 года все колхозы района приступили к уборке первого послевоенного урожая. И, несмотря на неблагоприятные погодные условия, закончили уборочную страду в установленные сроки - 22 августа на площади 15265 га или 76 процентах от довоенной площади. Колхозы Новозыбковского района досрочно выполнили обязательства перед государством по сдаче сельскохозяйственной продукции. Сверх обязательств они сдали 66880 пудов зерна и 801 тонну картофеля.

В течение 1944 года многие колхозы района успешно справились с выполнением всех видов сельскохозяйственных работ. Первенство в соцсоревновании сельских Советов и колхозов одержали колхозы: «Коминтерн» (с. Ст. Рудня), «Комсомолец» (с. Старый Вышков), «Волна» (с. Верещаки), «Интернационал» (с. Святск), «Мопр» (с. Катичи), им. Калинина (с. Внуковичи), «Боец» (с. Старые Бобовичи) и многие другие.

В течение 1944-1945 годов в районе были восстановлены все довоенные посевные площади.

Животноводческие фермы в колхозах района начали возрождаться в 1944 году. Общественное животноводство колхозы создавали в основном за счет молодняка, находящегося в их собственности. Фермы в то время, как и колхозы, были небольшими. В 1944 году в 63 колхозах района было создано 63 фермы крупного рогатого скота с общим поголовьем 3119 голов, 58 овцеводческих ферм

с поголовьем - 8097, свиноводческих ферм с поголовьем - 3419, птицеводческих ферм с поголовьем - 1639.

Государственный план развития животноводства за 1944 год Новозыбковский район выполнил: по лошадям на 126 процентов, по крупному рогатому скоту на 116 процентов, по овцеводству на 53 процента, по птицеводству на 45 процентов.

Успех в восстановлении сельского хозяйства Новозыбковского района во многом зависел и от подготовки сельскохозяйственных кадров. За 1944 год в районе на курсах и семинарах было подготовлено 53 председателя колхоза, 200 бригадиров полеводческих бригад, 300 звеньевых, 97 конюхов, 20 ветсанитаров и санитаров, 62 тракториста, 10 кузнецов, 5 бригадиров тракторных бригад, 5 механиков.

Большую помощь в восстановлении сельского хозяйства Новозыбковского района и всей Брянской области оказала Новозыбковская сельскохозяйственная станция, которая и сама серьезно пострадала за период оккупации. Станция размножила лучшие в Союзе сорта люпинов, сераделлы, вырастила и передала в райкомхозы Брянской области 210 центнеров высокоурожайных семян озимой ржи сорта «Новозыбковская М-4», также размножила сорта проса, овса, гречихи, пшеницы, картофеля.

Первые результаты были достигнуты и в деле подготовки специалистов для школы и сельского хозяйства. В этом большая заслуга преподавательского состава педагогического института и сельскохозяйственного техникума.

В 1944-1945 учебном году контингент учащихся педагогического института вместе с заочным отделением состоял из 794 студентов, на подготовку которых было ассигновано 5428 тыс. рублей. Уже в 1945 году Брянская область получила новый отряд учителей - около 500 человек, которые окончили учительский институт и курсы по подготовке учителей для 5-7 классов.

В 1945 году сельское хозяйство области получило специалистов сельского хозяйства среднего звена - выпускников Новозыбковского сельскохозяйственного техникума.

Следует отметить, что в тяжелых условиях продолжавшейся войны, когда еще все было разрушено, советское государство про-

является большую заботу о детях, оставшихся без родителей. Для того, чтобы ликвидировать детскую беспризорность и безнадзорность в г. Новозыбкове в 1944 году открывается детприемник (начальник Ф.А. Белинская). В этом же году для детей-сирот, родители которых погибли, сражаясь на фронтах Великой Отечественной войны, в партизанских отрядах, в фашистских тюрьмах и концлагерях, открывается спецдетдом смешанного типа на 100 мест (первый директор Н.К. Сулимова).

В 1944 году в Новозыбкове открывается торгово-кулинарная школа для подготовки специалистов средней квалификации. На первый курс на отделения: «Товароведение», «Бухгалтерское» и «Плановое» было принято 120 человек.

Для подготовки специалистов государственной торговли и общественного питания: поваров, официанток, продавцов продовольственных и промышленных товаров в 1944 году в городе организовывается школа торгового и кулинарного ученичества, которая практически стала действовать с 1946 года.

Большая работа была проделана по восстановлению учреждений здравоохранения. В 1944 году в городе и районе работало 6 лечебных учреждений (больниц, родильных домов, диспансеров, поликлиник), 18 медицинских пунктов, 1 здравпункт, 1 рентгенкабинет, 1 лаборатория. В 1945 году в лечебных учреждениях города и района работало 27 врачей и 74 средних медицинских работников.

В 1944-1945 годах в Новозыбкове делается все возможное для того, чтобы скорее создать хотя бы минимум условий, необходимых для работы с людьми и организации отдыха. Восстанавливаются клубы, красные уголки, избы-читальни, библиотеки. На предприятиях, в учебных заведениях и школах создаются кружки художественной самодеятельности. Большим успехом у зрителей пользовались спектакли Новозыбковского колхозно-совхозного театра.

В 1944-1945 годах растет сеть радиоточек. В 1945 году в Новозыбкове и Новозыбковском районе их было 260 , из них в Новозыбкове - 250 , в Новозыбковском районе - 10.

Колхозы Новозыбковского района обязались сдать сверх плана до 5 ноября 1944 года 50 тысяч пудов хлеба. Всего за 1944 год колхозы и колхозники Новозыбковского района сверх плана по сдаче зерна в фонд Красной Армии передали государству 152 тысячи пудов хлеба и 102 тысячи пудов картофеля.

Трудящиеся Новозыбковского края урывали из своего скромного бюджета средства, чтобы отправить подарок воинам Красной Армии. Они посылали табак, спички, полотенца, кисеты, теплые носки и прилагали к ним идущие от сердца послания с пожеланиями быстрейшей победы.

Трогательную заботу на протяжении всех лет войны проявляли труженики тыла о раненых и инвалидах войны, семьях фронтовиков, детях. На территории города Новозыбкова в 1943-1945 годах дислоцировалось три госпиталя для легкораненых и тринадцать эвакогоспиталей, помощь которым оказывали жители города и района, промышленные предприятия и сельхозартели.

Весть о капитуляции гитлеровской Германии пришла в Новозыбков на рассвете 9 мая 1945 года.

Вскоре в Новозыбков стали приходить эшелоны с демобилизованными. Слезами радости и горя встречали жители воинов-героев, воинов-освободителей, избавивших мир от фашистского порабощения.

Для возрождения народного хозяйства Новозыбковского края с момента изгнания фашистских захватчиков с его территории (1943-1945 гг.) сделано немало. Но это было только начало тех больших дел, которые предстояло сделать.

Литература

ГАБО, ф.829, ед.хр.13, л.л. 1, 2, 8, 72-78.

ГАБО, ф.2876, оп.1, ед.хр.1, л.л. 1, 3, 5, 8-8об., 11, 13-18, 20-24, 32, 34-37, 41-41об., 42-48, 50-53, 55-56, 60-63, 65-66.

ГАБО, ф.2876, оп.1, ед.хр.2, ч.1, л.л.21, 23-23об., 26-26об.-29-29об., 31-32, 36-46, 59-59об.-60-60об., 88-98, 127-127об., 129-129об.-130, 182.

ГАБО, ф.2876, оп.1, ед.хр.2, ч.2, л.л. 2, 3, 11-11об., 12, 14, 16, 19, 20, 22, 24, 28, 31-33, 40-42, 44, 46, 117, 119-124, 127-129, 131-134, 145-145об., 146, 152-155, 156, 162, 165, 170, 175-176,182-189, 191-194, 196-197, 199, 201-203, 207, 210, 221, 232, 238.

ГАБО, ф.2877, оп.1, ед.хр.1, л.л. 12-12об., 13, 16-16-16об.-18-18об., 19.

ГАБО, ф.2877, оп.1, ед.хр.5, л.л. 3, 5, 15, 69-69об.

«Ударник», орган Новозыбковского Горкома и Райкома ВКП(б), Горисполкома и Райисполкома Брянской области: 1943: №1; 1944: №№12, 19, 36; 1945: №№13, 37.

Памятники Великой Отечественной войны на территории Брянского района - связующее звено времен

Слюнченко Ю.И.
Муниципальный историко-краеведческого музей
Брянского района,
Брянская область, Россия

Брянский район является одним из крупнейших в Брянской области по наличию памятников и памятных мест. Здесь учтено 59 братских и 24 одиночных могил воинов и партизан, 9 безымянных могил, 9 могил жертвам фашизма, 14 обелисков, 23 памятника односельчанам, погибшим в годы Великой Отечественной войны. В районе значатся два партизанских заповедника. Один находится в урочище «Круглое озеро» – место Бежицкого городского отряда имени А.И. Виноградова (между Дорожово и Толвинкой). Другой - в урочище «Медвежьи печи» – место сельского отряда М.П. Ромашина (в четырех километрах восточнее села Малое Полпино). Есть в Брянском районе и памятные места стоянок партизан, места боев и боевых операций.

В четырех километрах от пос. Пальцо, где ныне пальцовские дачи, размещался в тылу врага с августа 1942 г. по май 1943 г. партизанский лагерь имени Н.И. Бусловского.

Брянцы свято чтят подвиги своих земляков. А памятники, созданные в прошлом, устремляются в будущее. Они являются связующим звеном времен, обеспечивающим непрерывность духовной и культурной традиции нашего народа. Памятники воспитывают чувство патриотизма, вызывают желание пройти по местам боевой славы героев, подражать их бесстрашию, героизму, чтобы быть достойными их вечной памяти. В районе установлена 91 мемориальная доска.

Гитлеровцами в Брянском районе было замучено и казнено **1327** мирных жителей**, 3846** человек угнано в рабство в Германию**,** уничтожено более **7300** домов и свыше **360** производственных объектов.

По выявленным данным на территории Брянского района захоронено **711** воинов, **56** партизан, **434** мирных жителя. На обелисках односельчан, погибших в великую Отечественную войну, нанесены **1664** фамилии.

На данный момент в районную Книгу Памяти занесены имена и фамилии **4147** воинов. Поиск по выявлению безымянных героев продолжается.

В такие знаменательные дни, как День Победы и освобождение Брянщины от немецко-фашистских оккупантов, собираются ветераны 50-й Армии и других воинских подразделений, прикрывавших Москву в 1941, а в 1943 гг. освобождавших брянскую землю от врагов и входивших в состав Брянского фронта, а также партизаны, громившие противника в тылу врага в наших лесах, чтобы почтить память погибших товарищей.

У обелисков и памятников стоят они, склонив головы, вспоминая каждый свой первый бой. Стоят ветераны, отстоявшие родную землю, не щадившие своих жизней, чтобы хорошо жилось молодому поколению, чтобы не были они рабами фашизма. И это нам с вами надо ценить и оберегать памятники, воинские захоронения и братские могилы тех, кто не вернулся с войны, кто был замучен гитлеровцами.

И наша цель, музейных работников, в своих экспозициях показать несостоятельность гитлеровской «машины», героизм советских людей, их патриотизм в деле защиты Отечества.

Известно, что памятники делятся условно на

- Памятники в честь Победы;
- Славы Советской Армии и советского народа;
- Посвященные Героям Советского Союза;
- Связанные с фашизмом, не вернувшихся с войны солдат, односельчан и павших мирных жителей от рук врага.

В таком соотношении их можно представлять в музейных экспозициях, т.к. роль военной экспозиции в музейной деятельности очень сильна, потому что эмоционально влияет на экскурсантов.

Я не буду затрагивать все памятники Брянского района, а лишь на отдельных примерах покажу, как можно обыграть военную тематику на основе воинских захоронений, памятников погибших партизан и мирных жителей, а также Героев Советского Союза.

Итак, все знают, что город Брянск является центром крупного промышленного района, важным узлом автомобильных и железных дорог, связывающих его с другими экономическими районами страны. Поэтому создание Брянского фронта 16 августа 1941 года явилось необходимостью в деле защиты столицы Родины на подступах оккупантов на центральном направлении. Брянский фронт стал щитом Москвы. Его войскам предстояло нанести два контрудара: один – во фланг 2-й танковой группы в районе г. Стародуба и второй – в районе Рославля, чтобы задержать наступление фашистов во взаимодействии с войсками Резервного фронта.

Из вышеизложенного очевидно, что штаб Брянского фронта был размещен не в городе, а в лесу, в районе Осиновой горки, в 14-ти км юго-восточнее Брянска.

Ныне на этом месте, у санатория «Снежка», установлен обелиск. Штабные землянки находились на месте административного корпуса «Снежка», стоявшие некогда поблизости два дома занимали штаб Брянского фронта и его командование. Все остальные помещения в блиндажах и землянках.

17 сентября 1988 года, ко дню освобождения Брянщины от немецко-фашистских захватчиков, коллектив санатория «Снежка»

в 300-х метрах от административного здания установил памятник, вместо памятного знака, с текстом: «Здесь в сентябре 1941 года находился штаб командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта А.И. Еременко».

К памятнику ведет бетонная дорожка шириной в один метр и длиною в шестнадцать, по сторонам которой посажены голубые ели и кедры. Памятник напоминает трехгранный штык 4-х метровой высоты. Площадка вокруг него ограждена цепью из семи гильз от снарядов высотой 90 сантиметров.

Генерал – лейтенант А.И. Еременко был командующим Брянским фронтом с 16 августа 1941 года по 31 октября 1941 г. В состав Брянского фронта входили 3-я, 13-я, 50-я армии.

Командование Брянским фронтом приложило огромные усилия, чтобы организовать устойчивую оборону. Своими активными действиями войска Брянского фронта в течение августа 1941 года сдерживали 2-ю танковую группу Гудериана, рвавшуюся в тыл Юго-Западного фронта. Контрудар был осуществлен, десять дней войска Брянского фронта теснили немецких захватчиков. За это время части Красной Армии сумели продвинуться на 10-12 км вперед, заняв новые рубежи обороны. Именно в этих боях наша армия научилась бить врага.

В начале октября 1941 г. положение на фронте резко изменилось. Фашисты, сосредоточив большое количество частей, сумели прорвать оборону наших войск. Противник превосходил Советские войска по численности в 2 раза, а по танкам более чем в 10 раз. А южнее 13 армии и группы генерала Ермакова немцы превосходили нас в 2,6 раза по числу людей, а по количеству орудий и минометов в 4,5 раза. Танков у советской стороны почти не было.

6 октября враг вступил в Брянск. Наши штабные части Брянского фронта уходили через лес, прикрываемые тремястами бойцами и офицерами из танковой бригады, двумя артиллерийскими дивизиями и оказавшимися поблизости тремя танками.

С 7 на 8 октября был получен приказ: 50-й армии начать отход севернее Брянска на Белёв.

154-я дивизия, обеспечив отход 50-й армии, взорвав мосты через реку Десну, по приказу оставила город. Сложное положение

оказалось у 3-й армии, которой предстояло пройти 200 км по труднопроходимой местности.

Советская армия втягивалась в своеобразный мешок, приготовленный фашистами, где маневр частей был ограничен до предела. Попытка прорыва у Хвостовичей не увенчалась успехом. Дивизии 50-й армии вынуждены были выходить из окружения не через переправу на реке Десне, а правее – форсировать реку Рессета у поселка Воев, Гутовский завод, где ожесточенные бои произошли 12-14 октября.

Рессета! Трагедия 50-й армии. От дивизии мало что осталось. Но прорвались, несмотря ни на что. От полного разгрома войск Брянского фронта спасли мужество, самопожертвование и героизм воинов 50-й армии.

Визитной карточкой или воротами в Брянск стал установленный к 40-летию Победы мраморный памятник воинам 50-й армии, которая вела тяжелые оборонительные бои на реке Рессета. Сегодня на магистрали Москва – Киев, на границе Калужской и Брянской областей, воздвигнут новый обелиск, а мраморная плита была перенесена в Партизанский сквер, в центр села Журиничи.

Гитлеровской Германии к концу ноября 1941 года, используя внезапность и временные преимущества, удалось оккупировать Орловскую область, куда входила и Брянская земля, часть Московской, Курской и Тульской областей.

Немцами на оккупированной территории создавались охранные войска, жандармерия, гестапо и полиция для насаждения «нового порядка» и устрашения населения, чтобы сломить волю к сопротивлению. Для мирных жителей устанавливался жесткий режим, все строго учитывалось. Появлявшиеся новые лица обязаны были зарегистрироваться в полиции. Завершение административного управления на Брянщине оккупантами считалось уже в декабре 1941 года – «хозяева земли Русской».

Местное население оккупированной территории было лишено элементарных человеческих прав. Людей в любое время без суда и следствия могли убить, повесить, расстрелять, лишить имущества, отправить в рабство в Германию.

Массовый террор в отношении людей фашистской Германией был продуман заранее. Газета «Брянский рабочий» от 26 декабря 1945 года, писала о том, что под руководством бывшего командующего тыловым округом 2-й танковой, а затем 9-й пехотной армии генерал-лейтенанта Бернгарда Фридриха-Густава, ежедневно совершались убийства военнопленных. Всего на территории Брянщины фашисты расстреляли и замучили в лагерях более 56 тысяч военнопленных.

Один из скорбных мемориалов находится на территории закрытого предприятия, теперь завода им. Урицкого, и знают о нем немногие. Это место расположения бывшего лагеря военнопленных в пос. Радица. Сейчас поселок относится к Володарскому району г. Брянска. Здесь установлен памятный знак, увенчанный монолитом из красного гранита, за которым располагаются могилы узников. Их три. В каждой, по приблизительным подсчетам, покоится прах 6-8 тысяч военнопленных.

В годы войны село Журиничи стало одним из центров партизанского движения. Вокруг Журиничей размещались партизанские лагеря городского и сельского отрядов. В районе Старого Пальцо до ноября 1941 года размещался партизанский отряд имени Михаила Петровича Ромашина, родом из деревни Крыловка (ныне деревня Толмачево). С ноября 1941 по март 1942 года этот отряд находился в урочище «Медвежьи печи». Здесь ныне находится партизанский заповедник, занимающий 3 га в радиусе 200 метров и располагающийся в 4-х км восточнее пос. Малое Полпино. «Медвежьи печи» была удобной базой для партизан.

10 ноября 1941 года Брянский районный партизанский отряд под командованием Ромашина начал свои боевые действия по разгрому немецких гарнизонов в Полпино, Батогово, Журиничах и т.д.

12 ноября 1941 г. отряд гитлеровцев нагрянул в с. Журиничи, где в этот момент находились партизаны городского отряда под командованием Д.Е. Кравцова. Последние подорвали немецкую машину и уничтожили фашистов. Через три дня прибыл другой отряд немцев из пос. Белые Берега, но, увидев группу партизан, они тотчас ушли, хотя целью имели поиск партизанских семей для

отмщения. 20-го числа они привели с собой большое подкрепление. Село карателями было оцеплено. На площадь согнали женщин, детей и стариков, т.к. остальные были либо на фронте, либо в партизанах. Немецкий офицер зачитал фамилии жертв, ответственных за свою связь с партизанами. Приговоренных на месте тут же и расстреляли. Всего было 50 человек, среди которых была семья командира партизанского отряда имени Щорса Егора Васильевича Прозорова.

Самого же Прозорова Е.В. война застала на посту председателя сельского Совета. По решению райкома партии он был оставлен в тылу для организации борьбы с врагом. С первых дней он вступил в партизанский отряд имени Щорса, в котором прошел путь от рядового бойца до командира. Не было ни одной операции, в которой Егор Васильевич не принял участие. Пал он смертью храбрых в бою за деревню Пашеньки Навлинского района 21 мая 1943 года. Прозоров был посмертно награжден орденом Красного Знамени и медалью Партизана 1-й степени.

В Журиничском сквере Партизанской славы в братской могиле похоронены его семья, его односельчане. И ему благодарные потомки поставили памятник.

Покоится в братской могиле в этом селе и семья Георгия Антоновича Юдичева, разведчика–партизана, секретаря подпольного Брянского райкома комсомола, воевавшего в партизанском отряде Ромашина с 4-го мая 1942 г.

В декабре 1941 г. Ромашинский отряд вывел из строя Полпинскую железнодорожную ветку, по которой немцы возили лес. Одноколейная Полпинская ветка соединяла г. Брянск с рабочим поселком Хвастовичи – райцентром Калужской области. В 11–и км от станции Полпино находился железнодорожный мост длиною 9,5 метров, через который шла перевозка войск к линии фронта. Протяженность этой ветки была более 70 км.

В начале февраля 1942 г. немцы начали по ветке движение. Но вскоре подрывники – ромашевцы взорвали железнодорожный мост на 11-м км. Более чем на месяц его вывели партизаны из строя. И когда уже работа подходила к концу, было отремонтировано стрелочное и путевое хозяйство, его вновь взорвали.

9 марта сельский отряд совместно с городским разгромил вражеский гарнизон на Полпинской железнодорожной ветке. Было уничтожено 230 немцев и 64 взято в плен.

10 марта немцы решили разгромить лагерь партизан, окружив их в урочище «Медвежьи печи». Но народные мстители встретили врага во всеоружии, огнем из пулеметов, минометов и автоматов, заставив фашистов отступить.

Есть памятное место и на 24-м км железнодорожной ветки Брянск – Дударево (это между Журиничами и Николаевкой), где в 1965 г. была установлена мемориальная доска на железной опоре: «Здесь в марте 1942 года Брянский районный партизанский отряд вел бой с карательной экспедицией гитлеровских захватчиков». На этом километре партизаны разгромили 119-ю немецкую отдельную роту, хотя и были в окружении.

Через 10 дней каратели, не без помощи танков, артиллерии и самолетов возобновили свое наступление на лагерь партизан. Но их удары пришлись по пустому месту. Партизаны – ромашинцы передислоцировались в другой лесной лагерь.

После изгнания фашистов с Брянской земли село Журиничи и урочище «Медвежьи печи», были объявлены охранной зоной, как исторический памятник народной борьбы в годы Великой Отечественной войны. В честь партизанского подвига в центре села Журиничи был воздвигнут в 1963 году обелиск. Здесь захоронено 43 партизана, погибших в период 1941 по 1943 года.

В сквере Партизанской Славы в с. Журиничи воздвигнут мемориальный памятник жертвам фашизма. Памятник посвящен и советским воинам (29 имен), и партизанам (7 человек), и мирным жителям (136 фамилий, из которых 53 ребенка), павшим от рук врага в 1941-1943 годах.

В урочище "Медвежьи печи" (ныне 112 квадрат Кульневского лесничества) есть памятное место городского партизанского отряда. Это мраморная доска, где указано, что «10 марта 1942 года была разгромлена крупная карательная экспедиция противника Брянским городским партизанским отрядом имени Кравцова». Здесь же находится братская могила шести партизан, погибших в этом бою.

Увековечено памятное место, где с ноября 1941 года по апрель 1942 года размещался лагерь Брянского городского партизанского отряда имени Кравцова. В 1968 году на этом месте были восстановлены землянки отряда.

В первые месяцы войны, а именно в декабре 1941 года, в деревне Домашево был сформирован партизанский отряд. Его организатором стал бывший командир роты бежицкого отряда И.С. Козенков. В этот отряд вошли местные жители и воины-окруженцы.

Командование Бежицкого отряда домашовским партизанам поставило задачу разгромить агентуру гестапо во главе с матерым немецким прихвостнем, старостой Кузнецовым, по кличке Дюбченок. По разведданным стало известно, что гестаповцы в Домашево привозили народных мстителей после успешных карательных операций, где пленных допрашивали, истязали и здесь же, на месте, расстреливали. Многие фамилии замученных ими людей до сих пор неизвестны. Партизаны сумели разгромить гестаповское гнездо в Домашево.

Ныне в деревне Домашево о мужестве и бессмертии советских людей перед оккупантами говорит созданная после войны скульптурная групповая композиция партизан, местных жителей и воинов Красной Армии. Это памятник подвигу русского народа.

В 1943 году каратели между деревнями Домашево и Николаевкой при очередной операции окружили группу партизан из Дятьковской бригады. Смертью храбрых пали московские комсомольцы-добровольцы Николай и Татьяна Орловы, Лидия Новикова и Софья Пашуканис. Их могила находится в лесу у дороги на Домашево.

На гражданском кладбище в селе Голяжье (ныне Отрадное) в 1984 году был поставлен памятник семьям партизан Гришковых и Никитиных, сожженных фашистами. Выбраться из пылающего дома удалось Матрене Григорьевне Никитиной и Александре Гришковой.

В память о погибших Гришковых и всех патриотов села Голяжье одна из улиц названа Партизанской. А в центре был установлен памятник на братской могиле, в которой покоятся те, кто отдал жизнь за независимость Родины.

Жертвам фашизма благодарные односельчане села Супонево поставили памятник у самой церкви. Здесь в войну немцы казнили за связь с партизанами шестерых жителей.

Символический железобетонный памятник жертвам фашизма установлен и в селе Малое Полпино, где высечены 65 фамилий, среди которых имена шестерых детей.

В Брянском районе Стеклянная Радица, после Журиничей, называется партизанской столицей. Более 120 жителей Радицы находилось в городском и сельском партизанских отрядах. Фашистами за период 1941-1943 годов было уничтожено ни в чем не повинных жителей Стеклянной Радицы около 300 человек.

Двадцати двум партизанам в Стеклянной Радице на братской могиле поставлен памятник с надписью: «Товарищ! Знай, что здесь спят вечным сном отважные партизаны и партизанки, грудью вставшие на защиту нашей Родины в суровые 1941-1943 гг. (перечисляются имена захороненных). Пусть никогда не изгладятся из нашей памяти их имена». Обелиск высотой в пять метров установлен был в 1963 году.

Одиночная могила пробивается сквозь стволы многолетних деревьев, как звездочка на макушке металлического памятника, партизана отряда Ромашина Тихона Андреевича Федоренкова, павшего в бою с врагом 5 сентября 1942 года за станцию Козелкино.

19 января 1942 года Брянский районный партизанский отряд разгромил фашистский гарнизон и взорвал железнодорожный мост у станции Батогово, которая находилась в 30 км от Брянска и со всех сторон была окружена лесом, в 200-х метрах от здания вокзала находился 8-ми метровый мост, по которому немцы доставляли технику и боеприпасы, особенно в дни битвы под Москвой. Так вот, это памятное место напоминает о прошлом, когда 52 партизана подошли ночью к станции и противотанковой гранатой, брошенной удачно в окно фрицам, была выведена из строя телеграфно-телефонная станция связи. Из пулеметов и автоматов был расстрелян батаговский гарнизон фашистов. Более 70 человек было уничтожено. Взорван был и мост, по которому движение приостановилось на целые сутки.

После войны здание вокзала было восстановлено, а в 1960 году на нем установлена мраморная мемориальная доска.

При подготовке операции под кодовым названием «Кутузов» остро стоял вопрос об усилении Брянского фронта танками, т.к. оборона противника была очень сильной. Он явился связующим звеном в системе трех фронтов. Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин согласился передать Брянскому фронту 3-ю гвардейскую танковую армию.

Задача состояла в том, чтобы разгромить немецкую группировку и выйти 3-й общевойсковой армии генерала А.В. Горбатова за реку Оку.

Описывая события тех дней в своей книге «История Второй мировой войны» К. Типпельскирх отмечал, что группа армии «Центр» в середине 1943 года вынуждена была совершить "значительный отход, вызванный наступлением русских против всей группы армии «Юг» и добились успехов, поколебавших весь фронт от Смоленска до Крыма".

И все равно противник рвался вперед. Огромными усилиями фашистов остановили. На Курской дуге наступил кризис немецкого наступления. 12 июля началась операция «Кутузов».

16 августа 1943 года после разгрома Орловской группировки немцев Ставка Главкома поставила перед Брянским фронтом, который снова вступил в пределы Брянщины, задачу продолжить наступление и 26-28 августа выйти к реке Десне в районе Жуковки, Бежицы, Брянска, Трубчевска, овладеть ими, захватить плацдарм для дальнейшего наступления на гомельском направлении.

Наступление 50-й армии И.В. Болдина в районе Дубровки застало гитлеровское командование врасплох. Лишь днем 8 сентября противник понял, какая угроза нависла над ним с тыла, и под прикрытием дымовых шашек начал отводить свои войска из-под Кирова.

7 сентября советские войска прорвали оборону противника. В середине сентября войска 50-й армии, 3-й и 11-й армий, форсировав р. Десну, вышли на подступы к Брянску и Бежице.

При освобождение станции Батогово в августе-сентябре 1943 г. погибло 12 воинов. На братской могиле у железнодорожно-

го вокзала им установлен обелиск, а на самом здании станции «Батагово» открыта мемориальная доска с именами погибших.

Потерпев поражение под Карачевом, фашисты отступили на ранее подготовленные рубежи Журиничи-Белые Берега и др. Этот рубеж русскими был взломан, врага потеснили на новую укрепленную линию в п. Стеклянная Радица.

На братской могиле, что в центре пос. Стеклянная Радица, читаем имена павших смертью храбрых: старший лейтенант Черненко М.И., старший лейтенант Желудков И.П., младший лейтенант Плюскин И.В., рядовые – Быстров, Табаков и Шеин.

За деревню Хотомиричи погибло пять рядовых 197-й стрелковой дивизии. Их перезахоронение было произведено в центр поселка Пальцо, в сквер, в 1981 году. Кроме них еще 11 воинов этой дивизии умерло в медсанбате. В память о них установлен памятник.

В урочище «Береза», в 2-х км южнее с. Журиничи 12 сентября погибли Доронин А.Н., Викторов П.Г., Кудряков Г.С., Никулин И.И. и Сабанов П.М., рядовые 197-й стрелковой дивизии полковника Абашева 11-й армии Брянского фронта.

Покоятся 6 человек в д. Николаевка у здания школы. Это воины минометной роты 39-го стрелкового полка 4-й дивизии полковника Воробьева Д.Д. Подхоронены сюда и 28 воинов 197-й дивизии, погибших при освобождении села Михайловское.

Освобождению Брянского района способствовали 260-я дивизия, 323-я дивизия, 197-я дивизия, 4-я дивизия и 273-я. Большую помощь в этом им оказали артиллеристы.

Разными итогами боев заканчивалось сентябрьское наступление Советских войск. Где за сутки продвигались на 40-50 км, а где и немного меньше. Но движение вперед было неотвратимо.

Успешному наступлению способствовали активные действия брянских партизан. Это был второй фронт в тылу врага – Партизанский.

На территории Брянского района в память о погибших воинах-односельчанах в разное время установлены символические обелиски и памятники. Не забыты и Герои Советского Союза – наши земляки. Это три летчика – С.С. Азаров (д. Соколово), И.М.

Глазов (п. Чистяково), Н.И. Чувин (д. Тимоновка), танкист Н.Т. Лишкин (д. Меркулово) и командир партизанского отряда М.Г. Ромашин (д. Крыловка, ныне Толмачево).

Звание Героя Советского Союза было присвоено летчику, заместителю командира авиаэскадрона гвардии старшему лейтенанту Сергею Семеновичу Азарову 2 сентября 1943 года. В ходе войны Азаров совершил 324 боевых вылета, провел 47 воздушных боев, сбил лично 7 самолетов противника, а в группе - 8. В воздушном бою 8 мая 1943 года, прикрывая раненного командира, выпрыгнувшего с парашютом из горящего самолета, был ранен, но сумел посадить подбитый самолет на своей территории. Умер он от ран 10 мая 1943 года. Похоронен в пос. Ахтырский Абинского района Краснодарского края. Его именем названа одна из улиц города Брянска. А на территории завода БМЗ и у школы в пос. Нетьинка ему поставлены бюсты.

"Независимо от возраста можно забыть отдельные эпизоды своей биографии, тускнеют, стираются черты знакомых когда-то людей… Но нельзя забывать, - говорит писатель Ю. Бондарев, - страницы биографии своего народа…". Воспитание патриотизма не может быть оторванным, не связанным с корнями прошлого. Памятники погибшим героям, солдатам Красной Армии учат ценить подвиг, помогают лучше понять прошлое. Отсюда памятники и являются связующим звеном духовной и культурной традиции русского народа.

К 45-летию Победы над фашистской Германией в с. Кабаличи был заменен обелиск 55-и односельчанам на более совершенный в художественном и техническом отношении.

Символические обелиски погибшим воинам – односельчанам установлены в с. Новоселки (1974 г.) - 141 человек, в с. Теменичи (229 человек) около здания школы и др.

На территории Дворца культуры с. Глинищево возвышается обелиск – знаменитая в районе скульптурная композиция «Скорбящая мать», появившийся 8 мая 1995 года, вместо старого пилона с именами 126 человек.

На всех фронтах отважно сражались с врагом наши сельчане, проявили мужество в партизанских и подпольных отрядах. И

мы должны достойно оценить ратные и боевые дела самых стойких и мужественных.

«Сквозь зимние вьюги и вешние гулы
под пристальным взглядом живущих людей
идут караулы, встают караулы у памятников
посреди площадей!
У скорбных надгробий встают, бронзовея,
И бронза становится цветом лица…
Есть память, которой не будет конца»

Роберт Рождественский

Дневники и воспоминания А.Ф. Мосина как источник по истории партизанского движения в Выгоничском районе

Ронжин А.В.
Управление по делам архивов Брянской области,
г. Брянск, Россия

В 1987 году в государственный архив Брянской области (ГАБО) поступили дневники и тетрадь с записями воспоминаний Александра Федоровича Мосина – бывшего начальника штаба партизанского отряда имени Лазо, комиссара партизанского отряда имени 26 Бакинских комиссаров партизанской бригады имени Щорса. Александр Федорович умер в 1975 году, передачу документов в архив осуществила его вдова Анастасия Ионовна.

Об этом поступлении я узнал от Заслуженного работника культуры Российской Федерации Нины Александровны Мизеровой – дочери Александра Федоровича – только в 2001 году. Нина Александровна попросила осуществить работу по изданию дневников ее отца. До этого даже отрывки из дневников не публиковались.

Передо мной, как исследователем, сразу встали такие вопросы: насколько ценны дневниковые записи А.Ф. Мосина? Можно ли

им верить? Насколько подробно освещены бои и будничные дни партизанских отрядов, в которых находился автор воспоминаний? В каких еще документах и воспоминаниях отражены факты, о которых сказано в дневниках Александра Федоровича?

Попробуем вкратце ответить на эти вопросы.

Дневниковые записи и воспоминания А.Ф. Мосина, переданные Анастасией Ионовной в ГАБО, представлены тремя делами (заголовки которых составлены архивистами при научно-технической обработке поступивших материалов):

1. «Дневник А.Ф. Мосина, начальника штаба партизанского отряда имени Лазо», на 109 листах.[1] Дневниковые записи фиксируют события с 1 января 1942 года по 3 июля 1943 года включительно. Однако сами они не датированы. Дневник состоит из нескольких тетрадей, сшитых вместе. Записи - карандашные и ручкой с использованием разных чернил. Некоторые тетради этого дневника носят следы водных повреждений, местами очень сильные (текст размыт, не читается).

2. «Дневник боевых действий партизанского отряда имени Лазо», на 66 листах.[2] Дневниковые записи фиксируют события с 1 января 1942 года по 8 августа 1943 года включительно. Как и в первом дневнике, дата написания этого документа отсутствует.

Дневник состоит из нескольких тетрадей, сшитых вместе, записи здесь тоже карандашные и ручкой с использованием разных чернил. Повреждений текста (от воды, например) не имеется.

Видимо, дневник №2 написан не позднее августа 1943 года, так как события с 20 июля по 6 августа 1943 года зафиксированы, без сомнения, «по горячим следам»: подробно указаны ежедневное меню столовой госпиталя, где лежал А.Ф. Мосин (утреннее, дневное и вечернее), показания температуры тела раненого, репертуар кинофильмов, привозимых в госпиталь. Записи в госпитале сделаны либо простым, либо красным карандашом.

Записи событий с 1 января по 8 февраля 1942 года очень краткие, что позволяет предположить, что данный дневник (№2)

[1] ГАБО, ф. 1107, оп. 1, д. 74.
[2] ГАБО, ф. 1107, оп. 1, д. 73.

предшествовал написанию вышеупомянутого (№1), явился как бы его конспектом, наброском.

3. «Воспоминания А.Ф. Мосина о пребывании в партизанском отряде», на 131 листе.[1]

Записи воспоминаний фиксируют события с 8 октября 1941 года по 20 июля 1943 года. Время написания воспоминаний не указано, однако с листа 45-го (на котором изложены события 3 сентября 1942 года) записи шариковой ручкой, что позволяет предположить, что написан документ не ранее 1960-х годов. Основанием для написания воспоминаний явились, очевидно, дневниковые записи.

Все три дела написаны одним почерком, часто подневные записи прерываются итоговыми данными боев партизан с фашистскими захватчиками (за месяц, квартал, полгода), которые имеют личную подпись Александра Федоровича. Авторство Мосина здесь сомнений не вызывает.

Значение и ценность этих трех дел определяется тем, что, фактически, только они дают целостную и подробную картину боевых походов и сражений двух партизанских отрядов – имени Лазо и имени 26 Бакинских комиссаров.

Историческая справка о развитии партизанского движения в Выгоничском районе, хранящаяся в Центре новейшей истории Брянской области (ЦНИБО) ГАБО, дает лишь самое общее представление о деятельности этих двух отрядов.[2] Отдельные факты, указанные в дневниках и воспоминаниях, подтверждаются данными сборника документов «Партизаны Брянщины» (Тула, 1970), сборника рассказов бывших партизан «Партизаны Брянщины» (Брянск, 1959), книг К.С.Тихоненкова «Записки партизанского комиссара» (Тула, 1971), Ф.А. Костина «О друзьях-товарищах» (Тула, 1991).

В 1960-е – 1970-е годы много воспоминаний о действиях партизан в Выгоничском районе было опубликовано в районной газете «Деснянская правда». Авторами их были боевые товарищи

[1] ГАБО, ф. 1107, оп. 1, д. 75.
[2] ЦНИБО ГАБО, ф. П.-1650, оп. 1, д. 324.

А.Ф. Мосина – С.Д. Клочкович, бывший командир партизанского отряда имени Лазо, М.А. Карзыкин, бывший партизан, В. Крастелев, бывший командир разведывательной группы, Н.Д. Тарасов, бывший командир партизанских отрядов Выгоничского района, Ф.А. Власов, бывший начальник штаба Выгоничского партизанского объединения, А.И. Каничева, бывший фельдшер партизанского отряда имени 26 Бакинских комиссаров.

Много в районной газете было опубликовано статей и самого А.Ф. Мосина, сведения которых иногда значительно дополняют данные дневников и воспоминаний.

Без сомнения, воспоминания бывших партизан во многом субъективны, но это не недостаток, а свойство любых воспоминаний, ибо они несут на себе отпечаток личности автора.

К ним необходим критический подход, однако следует учитывать, что нет такого письменного источника, к которому можно подходить без критического анализа. По целому ряду вопросов воспоминания бывших партизан (к ним относятся и дневники, воспоминания А.Ф. Мосина) служат единственным свидетельством нигде более не зафиксированных фактов.

Вот, например, вопрос о Лопушском партизанском подполье. Для А.Ф. Мосина сомнений в его существовании нет, так как он сам организовал его. Читаем в воспоминаниях:

«7 января 1942 года. По поручению подпольного райкома А.Ф. Мосин, Н.С. Кузнецов и И.К. Титков в селе Лопушь при больнице организовали подпольную комсомольскую группу… Группу возглавила Л. Унковская, врач».[1]

Ровно месяц работала группа, в начале февраля врачи Л. Унковская и Л. Тодорцева, фельдшеры А. Каничева и В. Стеганцова вынуждены были покинуть больницу и уйти к партизанам. Подпольную группу возглавил комсомолец Михаил Петрович Зубарев[2] (по материалам ЦНИБО ГАБО М.П. Зубарев в списках партизан и подпольщиков не значится).

[1] ГАБО, ф. 1107, оп. 1, д. 75, л. 7,8.
[2] Там же, лл. 10, 11.

3 июля 1942 года члены подпольной группы при Лопушской больнице Михаил Зубарев и Татьяна Полозова (сестра А.Ф. Мосина) были арестованы.

Запись от 7 августа 1942 года: «Разведка доложила, что партизаны-разведчики, комсомольцы Михаил Петрович Зубарев и Татьяна Федоровна Полозова 6 августа в 5 часов утра немцами расстреляны в селе Лопушь против больничной рощи в ольшанике…».[1] По данным ЦНИБО ГАБО, разведчица Татьяна Федоровна Полозова была расстреляна 6 июля 1942 года.

Уже после выхода в свет воспоминаний А.Ф. Мосина в 2003 году небольшим тиражом – всего 100 экземпляров (издание осуществлено на личные средства Н.А. Мизеровой), - книга попала в руки Лидии Ильиничны Унковской – пожалуй, единственной остающейся в живых свидетельницей тех далеких от нас событий. Об этом мне стало известно от сотрудницы ГАБО А.Е. Черненьковой. При личном разговоре с бывшим партизанским врачом я с удовлетворением узнал, что все основные события в книге изложены правильно. «Отдельные моменты вызывают сомнения, но это уже несущественно», - сказала Лидия Ильинична. На конкретный вопрос – был ли М.П. Зубарев в Лопушской подпольной группе, - Л.И. Унковская ответила утвердительно.

Еще на одном сложном моменте истории партизанского движения хотелось бы остановиться.

В начале декабря 1941 года подвижная партизанская группа, состоящая из военных-окруженцев под руководством Филиппа Стрельца, переходит из района Салтановки Навлинского района в район Большой и Малой Ловчи с целью совершения диверсии на железнодорожном мосту через речку Свень. Во время совершения рейда в группу была взята в качестве разведчицы учительница Нина (фамилию пока называть не будем).

12 декабря 1941 года мост был взорван во время прохождения по нему вражеского эшелона, было уничтожено до 800 немецких солдат.[2]

---

[1] Там же, л. 37.

[2] ЦНИБО ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 812, л. 3; д. 813, л. 2.

Вскоре разведчица Нина была схвачена полицией. В воспоминаниях потом А.Ф. Мосин коротко запишет: «11 января 1942 года. Гестаповцы после долгих издевательств в Выгоничах расстреляли И.С. Котова и учительницу деревни Залядка комсомолку Нину Сазонову».[1]

24 января 1967 года в газете «Деснянская правда» бывший командир партизанского отряда имени Лазо С. Клочкович свою статью так и озаглавит: «Разведчица Нина Сазонова».

Однако в документах ЦНИБО ГАБО разведчицей партизанского отряда Ф. Стрельца в декабре 1941 года значится учительница Нина Мазина.[2]

Какую фамилию в действительности носила отважная патриотка, отдавшая жизнь за свободу и независимость своей Родины? Вопрос остается открытым.

Как было уже сказано выше, факты дневниковых записей и воспоминаний, по возможности, нужно сравнивать с их изложением в других источниках. Возможны ошибки в датировке событий, количестве участников, иногда даже в месте события.

Вот конкретный пример.

В воспоминаниях А.Ф. Мосин пишет:

«В ночь с 4 на 5 апреля партизаны под командованием командира отряда В. Рысакова сделали налет на немецкий гарнизон в Сосновом Болоте… Наши потери: убит командир отряда Василий Андреевич Рысаков».[3]

В книге «Партизаны Брянщины» (1959 г.) в статье М. Карзыкина «Гроза над Десной» В.А. Рысаков гибнет при налете на Красный Рог.

О гибели В.А. Рысакова при налете на вражеский гарнизон в Красном Рогу 4 апреля 1942 года пишет и сам А. Мосин в статье «Партизанская зима», опубликованной в газете «Деснянская правда» 25, 27 января 1968 года.

Откуда возникла неточность в воспоминаниях?

---

[1] ГАБО, ф. 1107, оп. 1, д. 75, л. 8.
[2] ЦНИБО ГАБО, ф. П-1650, оп. 1, д. 812, л. 10.
[3] ГАБО, ф. 1107, оп. 1, д. 75, л. 20.

В дневниковых записях А.Ф. Мосина есть указание, что 20 марта 1942 года в землянке, где находился Александр Федорович, взорвалась керосиновая лампа, при тушении пожара автор дневника сильно обжег ногу, был помещен в партизанский госпиталь, где и пробыл до 14 апреля 1942 года.[1] Таким образом, сам А.Ф. Мосин участником операции 4 апреля 1942 года не был, а рассказы своих товарищей по оружию в дальнейшем изложил неточно.

В заключение – еще один пример уникальности дневниковых записей А.Ф. Мосина. Известно, что 19 июня 1943 года часть выгоничских партизан оказалась в плотном вражеском кольце, из окружения было принято решение выходить мелкими группами. Вот что пишет Александр Федорович о событиях последующих дней (одна из дневниковых записей):

«21 июня 1943 года. Мы отбились, осталась группа 6 человек. Выкопали ямы руками. Замаскировались и ожидаем… Противник день и ночь обстреливал болото и ночью пошел прочищать (лес – А.Р.). Слышны были стоны раненых в болоте, огонь оружейный, минометный, пулеметный и автоматный не смолкал всю ночь. Это был ад кромешный.

22 июня 1943 года. Днем из нор не вылезаем, выстрелы по болоту давались редко, но по дорогам огонь не смолкал. Идти нельзя: кругом противник. По дорогам ночью сильное движение танков, куда идут – не установлено.

23 июня 1943 года. С утра стрельбы не слышно, за исключением отдельных выстрелов. Лежим в щелях. Вечером решили идти, но кругом засады, посты, мы решили возвратиться назад…».[2]

Вместе с А.Ф. Мосиным в эти трудные дни были Николай Тарасов, Николай Березовский, Анатолий Запольский, Федор Сантретов.

Всего в двадцатых числах июня 1943 года из окружения вышло несколько сот партизан, и лишь один – А.Ф. Мосин – оставил свои воспоминания о тех страшных днях, когда решался основной вопрос – останутся ли в живых выгоничские партизаны.

---

[1] ГАБО, ф. 1107, оп. 1, д. 74, л. 17.
[2] ГАБО, ф. 1107, оп. 1, д. 73, л. 57.

На мой взгляд, дневники и воспоминания А.Ф. Мосина – ценный исторический источник по истории партизанского движения в Выгоничском районе в годы немецко-фашистской оккупации Брянщины 1941-1943 гг.

Поэтому мной и осуществлена работа по их изданию.

Мемуары, подготовленные составителями к изданию после смерти автора, уже имеются в российских библиотеках. Так были изданы, например, воспоминания А.Д. Сахарова, Л.М. Кагановича.[1] Особенностью таких публикаций является выбор нужного текста из нескольких вариантов записей, из большого количества материала уже без участия автора. Единственное условие для такой работы – согласие близких родственников на ее проведение.

Позвольте выразить общее мнение участников конференции и поблагодарить Нину Александровну Мизерову за возможность издания воспоминаний Александра Федоровича Мосина.

Летопись партизанской жизни «Из записок партизана»

(Из опыта работы Централизованной системы массовых библиотек г. Брянска)

Мизерова Н.А.
Центральная городская библиотека им. П.Л. Проскурина, г. Брянск, Россия

Вот, уже 60 лет, как отгремели победоносные залпы. Трудовые будни притупили боль суровых дней. Многих участников далеких событий не стало.

Я - представитель того поколения, которому пришлось пережить все тяготы второй Мировой Великой Отечественной войны.

---

[1] Данилевский И. Н. Источниковедение: учебное пособие для гуманитарных специальностей / И. Н. Данилевский, В. В. Кабанов, О. М. Медушевская, М. Ф. Румянцева. - М.: РГГУ, 1998. - С. 638.

«Дети войны» называют мое поколение. Детская память на всю последующую жизнь наложила свой отпечаток.

Отчетливо вспоминается начало войны… Громкий голос репродуктора, суровые, заплаканные лица взрослых… Война! И только мы, дети, не понимали, что такое война. Каждый объяснял по-своему. Но вскоре послышались прерывистые, под тяжестью бомб, звуки летящих самолетов, рев падающих бомб и страшные взрывы, взрывы…

Мы поняли, что такое война. Началась эвакуация. В глубокий тыл вывозили оборудование предприятий, заводов, фабрик, Дворцов и Домов культуры, библиотечные фонды и т.д.

Кто на фронт, кто с оборудованием в глубокий тыл, кто в партизаны, война разбросала людской резерв.

Мгновенно повзрослевшие дети стремились внести свой вклад. Пятилетние дети тщательно собирали в поле колоски, девочки помогали в госпиталях по уходу за ранеными, мальчики осваивали станки. Многим из них подставляли ящики и специальные приспособления, так как они были малы ростом. Голодных, холодных детей и взрослых объединяло одно – «все для фронта, все для Победы». С замиранием сердца в те дни ждали почтальона. И не только писем с фронта, но и сообщений СОВИНФОРМБЮРО. Тяжело давалась Победа. Люди всех национальностей, стар и млад стали на защиту Отечества. Война вошла в каждый дом.

С первых дней Великой Отечественной войны встали огромные и неотложные задачи по организации отпора врагу. Вся работа перестраивалась на военный лад, страна превращалась в военный плацдарм.

Военная обстановка заставила партию принять чрезвычайные меры руководства страной, вооруженными силами, народным хозяйством, борьбой народов на оккупированных врагом территориях.

С первых дней Великой Отечественной войны советский народ поднялся на борьбу против фашистских захватчиков. В тылу гитлеровских войск создавались партизанские отряды и подпольные группы. Важнейшей директивой партии о развитии народной борьбы в тылу врага явилось Постановление ЦК ВКП(б) от 18 ию-

ля 1941 г. «Об организации борьбы в тылу вражеских войск». Внезапное нападение и продвижение войск противника, ожесточенные бомбардировки городов и сел усложняли работу.

Нужно было провести мобилизацию, создать условия для госпитализации раненых, возглавить борьбу с вражескими агентами и парашютистами, остановить выведенные из строя участки железных дорог и линии связи, обеспечить порядок и организованность, подобрать кадры для организации борьбы в тылу врага и т.д. На самые ответственные и тяжелые участки борьбы шли коммунисты. Не имея никаких официальных указаний, они по долгу совести создавали на местах различные партийные группы и центры, которые становились во главе развертывавшейся в фашистском тылу всенародной борьбы. В создании партизанских отрядов активно участвовали и многие беспартийные люди. В этой борьбе участвовали старики и молодежь, мужчины и женщины, лица разных национальностей и разных социальных групп. Партизаны и подпольщики проводили многочисленные операции против войск и важнейших объектов противника, особенно против железных дорог. Эти действия осложняли положение армий противника, замедляли темпы их наступления, наносили значительный ущерб в живой силе и материальном снабжении войск врага. Главное командование Германии было обеспокоено широким развитием партизанского движения и стало прибегать к жестоким мерам борьбы с ним. Бросив против партизан крупные вооруженные силы, гитлеровцы блокировали основные районы их базирования, полагая, что партизаны не выдержат в условиях суровой зимы блокаду и будут вынуждены или погибнуть, или прекратить борьбу. Но фашисты не учли, что в этой борьбе партизаны были не одиноки. Они опирались на всестороннюю помощь, поддержку населения, которое собирало для партизан вооружение, оставшееся от отступивших войск, обеспечивало партизан минимумом одежды, обуви, продовольствия. Борьба в тылу врага приобрела такой размах, что назрел вопрос о необходимости централизации руководства партизанским движением. Создание Центрального и местных штабов партизанского движения (в т.ч. и Брянского) способствовало улучшению связи с партизанскими формированиями, их обеспечению.

В своих действиях партизаны использовали современную взрывную технику, проявляли исключительную инициативу, изобретательность, настойчивость. В их действиях было много выдумки, блестящей импровизации, которые каждый раз ставили захватчиков в неожиданные ситуации.

Партизанская борьба в тылу врага являлась главной формой борьбы вооруженного народа против захватчика. Она стала поистине всенародной борьбой. Массированные удары по железным дорогам вошли в историю партизанского движения под названием «рельсовой войны».

Операции «рельсовой войны» периодически повторялись до полного поражения фашистских захватчиков. И как не стремились фашисты поработить, поставить нас на колени, непокоренный народ, преодолев неимоверные тяготы войны, победил фашистские орды.

Трудно представить всеобщее ликование людей… «Победа! Победа!» – доносились голоса людей, спешивших на площади. С гордостью и энтузиазмом народ приступил к восстановлению разрушенных городов.

… И вновь блистает над Десной
любимый город, Брянск родной!

Сегодня мы отмечаем 60-летие нашей Победы. Много печатных изданий посвящено ВОВ. Уходящее старшее поколение, как эстафету завещает всем последующим поколениям беречь и сохранять Мир на Земле.

Время над памятью не властно. Большую воспитательно-патриотическую работу проводят библиотеки города. Во всех библиотеках тщательно продуманы книжно-иллюстративные выставки, оформлены тематические папки со специальными подборками из периодических изданий, составлены рекомендательные списки по самым разнообразным темам: «Социальное обеспечение в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», «Артистические бригады и их деятельность на фронтах и в тылу», «Патриотическая деятельность Русской православной церкви в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.», «Партизанское движение на Брянщине», «Личные средства граждан на защите Родины», «Усынов-

ление детей в годы Великой Отечественной войны» и многие другие.

Работниками муниципальных библиотек г. Брянска разработан и систематически проводится цикл интересных массовых мероприятий, посвященных 60-летию Победы с учетом различных категорий читателей.

Типографским способом изготовлена афиша, с которой можно ознакомиться не только в городских библиотеках, но и в школах, учебных заведениях, различных учреждениях города. Каждое проводимое мероприятие отличается своими инновациями.

Коллектив Централизованной системы массовых библиотек г. Брянска ищет новые формы и методы. Своим творческим огоньком они зажигают партнеров- коллег по работе.

Так, совместно с педагогическим коллективом Брянского Базового Медицинского колледжа Центральная городская библиотека им. П.Л. Проскурина проводят воспитательную работу среди молодежи. Приведу пример, проводившегося здесь совместного вечера Памяти «И вспомнить страшно, и забыть нельзя», посвященного 60-летию Победы. Надолго запомнится студентам презентация книги о войне через образы, запечатленные в дневниковых записях А. Мосина.

Тематически оформлен конференц-зал, в центре книжно-иллюстративная выставка. Оформление сцены меняется в зависимости от эпизода действия. Продумано все до мелочей: школьный бал перед началом войны, лужайка на которой сестры рассуждают о будущей профессии Ани, ее поступлении в институт. И, вдруг… война! Эвакуация в глубь страны, здесь же появляются люди в военной форме, а далее очень натуральная партизанская землянка на фоне которой и разворачивается повседневная жизнь партизан.

На сцене студенты в соответствующих костюмах, подтянутые, серьезные и с очень озабоченными лицами. Парни и девушки в военных гимнастерках, партизанских полушубках с винтовкой за плечами. Будто ожили образы, запечатленные в дневниковых записях комиссара. Все было настолько натурально, у многих на глазах выступили слезы. Прекрасно играли свои роли самодеятельные

студенческие артисты. С замиранием следили за «артистами» собравшиеся в зале более четырехсот студентов и гостей.

Теперь уже трудно было бы не согласиться с утверждением, что среди студентов Брянского Базового Медицинского колледжа есть артистически одаренные юноши и девушки. Более часа лучшие, по всей видимости, самодеятельные артисты (их было 40 человек) играли в лицах в постановке-композиции по книге «Дневник партизана», изданной в 2003 г. мизерным, к сожалению, тиражом. Но попавшая в библиотеку Медицинского колледжа, эта не очень объемистая книга в бумажном переплете нашла своих благодарных читателей. И уже не важно, кому первому из них пришла мысль рассказать о книге, а еще точнее, о войне через образы, запечатленные в дневниковых записях бывшего начальника штаба партизанского им. С. Лазо, комиссара партизанского отряда им. 26 Бакинских комиссаров и бригады им. Щорса Александра Федоровича Мосина. Эти образы будто ожили, когда на сцене перед студентами, заполнившими зал, стали появляться персонажи и зазвучали дневниковые записи.

Вот выходит на сцену сам, молодой Александр Мосин, автор дневника, начинает рассказ: «8 октября 1941 г. я вместе с другими коммунистами покинул Брянск, объятый пламенем город… В селе Уручье разгромлен вражеский гарнизон, убиты двое полицейских, остальные бежали.

Клочкович, Тишин, Степин, Титков и я в районе Малиновки взорвали мост через реку Десну - мост оборонного значения.

Партизаны все время следили за продвижением врага. За Малиновкой партизаны сделали засаду. Подпустив врага на близкое расстояние, по команде «по немецким гадам огонь!» открыли стрельбу, идущие в первой шеренге лыжники – 8 человек были скошены меткими выстрелами.

Тишиным, Кузнецовым, Чикачевым и мною успешно проведена операция по уничтожению изменника Родины господина старосты пос. Никольского. Ему в руки вложена записка «Собаке собачья смерть!».

… А вот на сцену выходит легендарный командир партизанского отряда Ф.Е. Стрелец. И сам герой рассказывает об одной из многих боевых операций.

… Декорации меняются. Партизанская землянка. В белых халатах врач отряда Лидия Унковская, медсестра Анастасия Каничева, несколько партизан и молодой тяжело раненый, которому необходима срочная ампутация ноги. Медицинских инструментов нет. Дезинфицируется пила.

И так, день за днем показана жизнь партизанского отряда.

Обжигающие слова правды. Они смогли дойти до нас, благодаря исследовательским усилиям заместителя начальника Управления по делам архивов Брянской области А.В. Ронжина, обобщившего многообразный архивный материал, сделавшего литературную его обработку.

Воспоминания партизана охватывают период с 1 января 1942 г. и по 3 июля 1943 г. и представляют огромную ценность, в связи с тем, что почти никаких документов о партизанском движении в Выгоничском районе, на территории которого воевал А. Мосин, не имеется, кроме, пожалуй, освещающих знаменитую партизанскую операцию - взрыв Голубого моста. Конечно, книга, написанная от первого лица, должна производить большое впечатление. Именно так составлена книга «Дневник партизана»: с читателем говорит сам автор дневника. «Но, я не думал, – говорит автор А. Ронжин, что Дневник так может ожить на сцене Брянского Медицинского колледжа. Сколько лет было тогда, в далеком 1941, Стрельцу, его разведчице Нине Сазоновой, связному Антону Запольскому? Да столько же, сколько этим ребятам и девчатам на сцене!».

А. Ронжин продолжает… «Когда я получил приглашение на этот вечер, мысленно представил себе: выступают артисты, поют песни военного времени, преподаватели рассказывают о героических походах Брянских партизан, о сражениях Великой Отечественной… Как я ошибся! Артисты на сцене были, но не профессиональные, а самодеятельные, и это были не преподаватели, а студенты. Волновались все. Актеры, присутствующие на вечере дочь А.Ф. Мосина, заслуженный работник культуры России Н.А. Мизерова, преподаватели, гости.

Почему волновались актеры – понятно, они представляли свою работу. А волнение присутствующих говорило об одном: работа студентов колледжа получилась, новый, незнакомый текст слушали внимательно, война предстала перед зрителями так, будто она была здесь, рядом с нами…Вечер удивил и поразил своим необычным сценарием, высоким профессионализмом непрофессиональных актеров. Спасибо! Думаю, именно так и надо проводить вечера, посвященные юбилейным датам».

С пожеланиями помнить, какой ценой досталась Победа, не забывать героев, ветеранов войны – обратился к ребятам председатель Бежицкого райсовета ветеранов войны и труда Ф.И. Клецкин.

Директор колледжа, заслуженный учитель РФ В.А. Тимошенко выразил убежденность в том, что это пожелание дойдет до каждого студента. «Ведь только представьте, - продолжил он, - что могло бы случиться, если бы не наша Победа».

Заместитель Главы районной администрации А.М. Силютин привел примеры мужества и героизма.

Начальник отдела культуры по работе среди молодежи администрации Бежицкого района Т.С. Назарова подчеркнула, что библиотека им. П.Л. Проскурина и коллектив колледжа постоянно ведут большую, кропотливую работу по патриотическому воспитанию среди молодежи.

Студентка Т. Асенкова, будущий фармацевт, поделившись своими впечатлениями от увиденного и услышанного, выразила, пожалуй, общее мнение зрителей в белых халатах: «Мы обязаны с уважением относиться к участникам войны, ведь они защитили от коричневой чумы весь Мир».

Так прошла необычная презентация необычной книги Памяти о Великой Отечественной войне.

Повстанцы

(О деятельности подпольной организации им. Щорса)

Осипов Б.В.
историк-краевед,
Брянская область, Россия

Брасовское подполье – одно из самых многочисленных, действенных и боевых в Брянской области. Оно имело боевые группы в селах Добриковского сельсовета, в поселке Локоть, в селах Брасово, Асоцкое, в деревнях Городище, Воронов Лог и других. Из-за гибели многих наиболее активных антифашистов деятельность подпольной организации имени Щорса недостаточно изучена и до наших дней остается белым пятном в истории нашей области. Оно не вписывается в сухую идеологическую схему недавнего времени, по которой подпольная организация должна была возникнуть по заданию партийного органа и выполнять его указания.

В наше время можно совершенно определенно констатировать, что никакого партийного задания от Брасовского райкома партии патриоты, которые объединились в антифашистскую организацию имени Щорса, на первых порах не получали.

Возникновение подпольной группы в Добрике по инициативе бывшего председателя Добриковского совета Толкачева В.В. и прибывших в это село Константина Васильева, Егора Кабанова, воинов-окруженцев, было показателем не стихийности, а закономерным проявлением сознательности и патриотизма этих людей. Ядро этой организации составляла молодежь села, а также попавшие в окружение командиры и бойцы Красной Армии. На первых порах они распространяли антигитлеровские листовки, вели разведку, разъясняли населению, что скоро вернутся наши, заготовляли и прятали оружие и боеприпасы, подбирали в подпольную организацию надежных людей.

А в районе фашисты уже насаждали представителей «новой власти» – полицаев, старост. Локоть в первые месяцы оккупации стал центром крупного округа, куда входило 7 районов. Локотской

округ был создан как барьер против партизан Брянского леса. Обер-бургомистром Локотского округа гитлеровское командование назначило бывшего преподавателя лесохимического техникума Константина Воскобойника, а бывшего инженера Локотского спиртзавода Бронислава Каминского его заместителем. Обер-бургомистр К. Воскобойник с согласия заместителя командующего 2-й немецкой армии генерала Шмидта начал создавать в округе партию фашистского толка, назвав ее национал-социалистической трудовой партией России. Были разработаны программа и устав, воззвание к народу – манифест. Мероприятия по пропаганде партии Воскобойника велись с ведома и при поддержке фашистского рейха. Воскобойник и Каминский начали активную борьбу против партизан и всех тех, кто им помогал. С согласия фашистского командования Воскобойник и Каминский начали создавать полицию, карательные службы, расширять тюрьмы и лагеря для военнопленных.

Пытаясь запугать партизан, Воскобойник в своем приказе в декабре 1941 года писал: «Предлагаю всем партизанам не позднее 1 января 1942 года сдать старостам свое оружие, а самим явиться для регистрации в поселок Локоть. Являться небольшими группами в 2-3 человека. Все не явившиеся будут уничтожаться беспощадно». Как бы отвечая на приказ Воскобойника, партизаны четырех отрядов в ночь с 7 на 8 января 1942 года одновременно с 3-х сторон ворвались в поселок Локоть. Завязался бой, внезапный для врагов. Полицейский гарнизон и немецкие части не успели привести свои силы в боевую готовность в этом быстротечном сражении. Взвод партизана Малышева вплотную подошел к зданию управы Локотского округа и начал ее обстрел. На крыльцо с пистолетом в руке выскочили Воскобойник и его охрана. Автоматной очередью партизан обер-бургомистр был сражен наповал, а также уничтожено было 40 гитлеровцев. В этом бою был уничтожен штаб фашистской национал-социалистической трудовой партии России, а также наиболее активные ее члены. Таким образом, фашистская партия, которую стремился создать Воскобойник, не дождавшись признания ее Гитлером, после разгрома ее штаба и убийства ее лидера перестала существовать уже в 1942 году. Б. Каминский спрятался

от партизан и случайно уцелел. Он в бой с партизанами не вступал. После гибели Воскобойника пост обер-бургомистра особого Локотского округа и одновременно начальника бригады полиции и частей РОНА занял Б. Каминский. Позже немецкое командование присвоило ему чин бригадного генерала за верную службу вермахту и за жестокость при расправах с партизанами, подпольщиками и мирными жителями.

Немецко-фашистские оккупанты и их новый ставленник – Каминский стали еще с большей жестокостью устанавливать свой агрессивный «новый порядок», стремясь запугать патриотов, заставить их прекратить борьбу с оккупантами, потушить разгорающееся пламя народной войны.

Фашисты ввели в действие нечеловеческую систему заложников. За каждого убитого немца, полицейского или старосту они расстреливали 5-10 заложников, то есть родственников партизан, активистов довоенного времени, а чаще всего и первых попавшихся безвинных людей. Локотская тюрьма переполнилась арестованными по первому подозрению людьми. Партизанская операция в январе 1942 года по нападению на оккупантов и на их прислужников в поселке Локоть, которая проведена была успешно, дала толчок для активизации брасовских патриотов-подпольщиков. Как утверждают подпольщики Кабанов Е.П., Жаркова Е.А., Кабанова А.Н. в январе 1942 года в Добрике начала создаваться подпольная организация. Толкачев В.В. вовлекает в нелегальную деятельность Кабанова Е.П., Шилова Д.С., Петряева В.М.. В феврале этого года дали согласие на подпольную борьбу учительница Добриковской школы Кирилюк Е.П. и ее брат окруженец Васильев Константин Павлович, врач Добриковской больницы Спектор Л.Е., учительница Краснова А.Н., Жаркова Е.А., студентка педучилища Катя Кабанова, медсестра Шура Гребенникова.

Так возникла подпольная организация в селе Добрик. Работа среди населения усилилась. В первое время по заданиям Толкачева В.В., Васильева К.П., Кабанова Е.П. добриковские подпольщики писали и распространяли листовки, собирали оружие. Красноармейцы Петряев и Кабанов учили применять взрывчатку, пользоваться гранатами, винтовками и другим оружием. К концу апреля у

подпольщиком было уже два станковых и два ручных пулемета, много гранат, винтовок и боеприпасов. Велась также диверсионная и разведывательная работа. До мая 1942 года добриковские подпольщики действовали самостоятельно и не были связаны с партизанами и подпольщиками, которые действовали в поселке Локоть и селе Брасово.

Душой Локотского подполья стал зубной техник больницы Михаил Зайцев. В созданную им самостоятельно подпольную группу вошли Анатолий Гуреев, Александр Кугукин, Борис Вишняков, Василий Гуров и другие. В селе Брасово активно действовали подпольщики Вячеслав Васильев, Александр Антоненков, Антонина Филатова – врач больницы, Аня Биндасова и другие. Связь между ними пока не была установлена.

Антифашистская подпольная организация имени Щорса организационно оформилась, связавшись с партизанским отрядом «За Родину» в июле 1942 года в селе Добрик Брасовского района. На конспиративном совещании в этим селе с участием связного партизанского отряда Полосухина Георгия Ивановича руководителем группы был избран Васильев Константин Павлович, а комиссаром – Толкачев Василий Васильевич, довоенный председатель Добриковского сельсовета. В феврале 1943 года на руководителей подполья начальником управления народного комиссариата внутренних дел Орловской области был издан приказ, регламентирующий их обязанности. В оперативных материалах комитета государственной безопасности области антифашистская организация имени Щорса значится под шифром «Повстанцы», внутри которой действовали резиденты УНКВД и сотрудники особого отдела партизанской бригады «За Родину» Николаенко Я.Д., Котов А.Ф. Подпольная организация имени Щорса проделала значительную разведывательно-подрывную работу против немецко-фашистских захватчиков, осуществила ряд акций возмездия в отношении изменников Родины и диверсий:

неоднократно проводила мероприятия пропагандистского характера среди населения, внедрилась в структуры созданного немцами карательного формирования бригады «РОНА» (Русская Освободительная Народная Армия);

создала предпосылки для успешной резидентуры УНКВД Орловской области в Брасовском отделении германского разведывательного органа «Абвергруппа-107» (позывной – «Видлер», начальник зондер-фюрер Гринбаум) во главе с чекистом разведчиком Андриевским Романом Антоновичем (кличка «Оса»).

Подпольщики всеми силами препятствовали массовому насильственному угону молодежи на каторжные работы в Германию. Врачи Антонина Филатова – сокурсница по Смоленскому мединституту врача Комаричской больницы Павла Незымаева, а также врача-подпольщика Трушко И.Е. писали фиктивные заключения о состоянии здоровья юношей и девушек, ставя диагноз о заболеваниях туберкулезом, лишаем и другими болезнями. В результате от угона в Германию, от службы в полиции были спасены сотни юношей и девушек.

По инструкции подпольного райкома партии партизанский посланник Полосухин Г.И. участников подпольной организации оформил документально. В архивах сохранились анкеты, подписки и автобиографии следующих подпольщиков: Зайцева Михаила Филипповича, 1922 года рождения, члена ВЛКСМ, кличка «Прибывший»; Толкачева Василия Васильевича, 1901 года рождения, члена ВКП(б), кличка «Волынский»; Васильева Константина Павловича, 1914 года рождения, кличка «Ворон»; Швыгова Александра Денисовича, 1921 года рождения, члена ВКП(б), кличка «Климов»; Живых Савелия Сергеевича, 1906 года рождения, члена ВКП(б), кличка «Пастух»; Шилова Дмитрия Сергеевича, 1900 года рождения, члена ВКП(б), кличка «Щукин»; Болотина Василия Ивановича, 1896 года рождения, беспартийного, кличка «Демченков»; Гурова Василия Федоровича, 1918 года рождения, члена ВЛКСМ, уроженца города Орджоникидзеград, имеет звание воентехника; Кугукина Александра Егоровича, 1923 года рождения, члена ВЛКСМ; Логеева Василия Ивановича; Туркова Ивана Степановича; Вишнякова Бориса Алексеевича, члена ВЛКСМ, военного летчика, уроженца Москвы; Трушко Ивана Ефимовиа – врача Локотской больницы; Гуреева Анатолия Сергеевича, члена ВЛКСМ; Фирсова Анатолия Андреевича, члена ВКП(б), бывшего директора Радогощской средней школы; Карцева Андрея Степано-

вича, лейтенанта Красной Армии, попавшего в окружение, уроженца города Москвы; Черенкова Сергея Семеновича; Сметанина Петра Федоровича; Филатовой Антонины Владимировны – врача..

Многие патриоты, хотя и не были документально оформлены подписками о согласии быть подпольщиками, не заполняли анкет и автобиографий, а, может быть, и заполняли, но в те грозные годы их не смогли сохранить, были преданными своей Родине и мужественно боролись с врагом. Это коммунист Воропанов Михаил Николаевич, семьи Дежкиных, Зайцевых, Кабановых, Ефремовых. Конечно, нелегальной работе никто из изъявивших желание быть подпольщиками, заранее не учился. У многих не хватало опыта, умения вести конспиративную работу, в дни грозного испытания на первый план стала забота о Родине, о судьбе своего народа. И патриоты встали в ряды активных борцов. Через инструктора РК ВКП(б) Г.И. Полосухина в декабре 1942 года также была установлена связь с коммунистами, проживающими в деревне Воронов Лог и в поселке Локоть и создана подпольная партийная организация из 5 человек. Секретарем партийной организации был избран Воропанов Михаил Николаевич. В этом же населенном пункте подобраны две явочные квартиры. До января 1943 года подпольный райком партии и райком комсомола создал в занятых оккупантами населенных пунктах четыре подпольных партийных организации, три комсомольских и пять антифашистских организаций с количеством около 90 человек.

Подпольщики действуют

В первое время по заданиям Толкачева В.В., Васильева К.П. и Кабанова Е.П. члены Добриковской подпольной группы занимались печатанием и распространением листовок, призывающих народ к борьбе с немецкими захватчиками и их приспешниками-полицейскими, к укрытию скота и другого имущества от врагов, сбором и хранением оружия (подпольщиками Добрика было собрано два ручных пулемета, два станковых, много винтовок и патронов), разведывательной и подрывной деятельностью. Ответственные и опасные задания подпольщиков выполняла юная комсо-

молка Евдокия Андреевна Ефремова, которая перед войной работала учительницей в Веребской семилетней школе. У нас до сих пор хранится документ, выданный Брянским областным партийным архивом, в котором говорится: «Ефремова Евдокия Андреевна находилась в подпольной патриотической организации имени Щорса, Брасовского района с июля 1942 года по 18 августа 1943 года в должности подпольщицы. 18 августа 1943 года Ефремова приговаривалась фашистским судом к 10 годам тюремного заключения».

Не случайно, что среди подпольщиков было много учителей. Это и Анатолий Андреевич Фирсов, и Евдокия Андреевна Ефремова (Жаркова), и Анна Николаевна Краснева (Кабанова), и Екатерина Павловна Кабанова, и Евдокия Павловна Васильева, и Елена Михайловна Рембертович (Мостовая). Среди подпольщиков было очень много молодых людей, вчерашних школьников, патриотический порыв которых должен был сочетаться с трезвой оценкой обстановки опытных людей. По своей природе одна из гуманнейших профессий советского учителя была несовместима с тем унижением человеческого достоинства, которое несли с собой фашисты, с массовым уничтожением людей. И учителя проявляли мужество. Они вместе со всеми патриотами, рука об руку со своими воспитанниками боролись с ненавистным врагом. И сейчас на родине Фирсова А.А., в селе Зиновкино Комаричского района вспоминают о нем уважительно. Он работал учителем истории в средней школе своего села, затем директором Радогощской средней школы. И в настоящее время, через годы многие вспоминают, как ходили среди молодежи по рукам книги «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Овод» Э. Войнич, «Петр I» А. Толстого. Они были из личной библиотеки Анатолия Андреевича.

Борьба продолжается

Комсомолец Михаил Зайцев перед войной поступил учиться в зубоврачебную школу в городе Смоленске. Фашисты приближались к этому городу, а поэтому Михаил вместе со своими товари-

щами участвовал в строительстве оборонительных рубежей. Позже зубоврачебную школу решено было перевести в город Курск.

Во время перебазирования на эшелон напали фашистские стервятники и серьезно повредили паровоз. Администрация школы дала задание всем учащимся пробираться в город Курск самостоятельно. Но фашистские танки уже прорвались к городу Орлу и путь продвижения к Курску был отрезан. Так Михаил Зайцев оказался в занятом фашистами поселке Локоть.

Чтобы избежать отправки в Германию на каторжные работы, Михаил устроился работать зубным техником в Локотской больнице. Работа в больнице давала ему возможность общаться незаметно для врагов с оставшимися на оккупированной территории коммунистами, комсомольцами, патриотами. Бывшие одноклассники по учебе в Локотской средней школе Анатолий Гуреев, Александр Кугукин, Дуся Ефремова стали искать применения своим силам в борьбе с врагом. «Мы были комсомольцами и должны остаться ими до победы», - говорил Миша Зайцев своему другу Толе Гурееву. Толя Гуреев еще в школе отличался хорошим почерком. С помощью матери Дарьи Петровны Толя определился писарем разведывательного отдела штаба бригады Каминского. Эта работа давала ему возможность знать, какие секретные документы поступают в штаб, где они хранятся, а иногда из разговоров болтливых служащих штаба Каминского ему удавалось узнать содержание этих документов.

К этому времени по заданию особого отдела партизанской бригады «За Родину» начальником полицейской заставы Воронов Лог стал бывший политрук железнодорожного гарнизона 113 полка войск НКВД член ВКП(б) с октября 1941 года Александр Денисович Швыгов. Через Александра Кугукина Швыгов познакомился с Мишей Зайцевым и Толей Гуреевым. Вскоре добриковские подпольщики Толкачев В.В. и Васильев К.П. связались с локотскими Зайцевым М.Ф., Фирсовым А.А., Вишняковым В.М., Швыговым А.Д. Они договорились вести борьбу с оккупантами всеми средствами. Связь поддерживали со штабом партизанской бригады «За Родину» через инструктора подпольного райкома партии Полосухина Георгия Ивановича. Были подобраны явочные квартиры, ус-

тановлены пароли для явок. Партизанский штаб предписывал подпольщикам: насаждать своих людей в штаб и управление Каминского, разлагать батальоны полиции, готовить их к переходу на сторону партизан, создавать в населенных пунктах антифашистские организации, собирать информацию о противнике, проводить политическую работу среди населения и войск противника. Коммунистам и комсомольцам приходилось заигрывать с врагом. Но что поделаешь, они ведь работают в подпольной антифашистской организации и выполняют задания штаба партизанской бригады «За Родину». Кого принимали к себе? Тех, кого знали лично, кому верили, кто был полезным в трудном деле.

В августе 1942 года командир антифашистской подпольной организации имени Щорса Константин Васильев стал начальником мобилизационного отдела Каминского, Петр Дурманов – начальником обозно-вещевого снабжения, комсомолец Василий Акулов – начальником боепитания, Егор Кабанов – начальником Добриковской, а Александр Швыгов – Вороноволгской полицейских застав. Выдвинуться на такие должности в бригаде Каминского было нетрудно, так как никто добровольно не хотел подставлять свою голову под пули партизан.

Инструкция подпольного райкома партии – насаждать преданных и стойких людей на ключевых должностях в бригаде Каминского – была выполнена подпольщиками. Вскоре полицейские заставы в Добрике и Воронов Логе превратились в перевалочные базы партизан. Из леса сюда поступали листовки, задания подпольщикам, а к партизанам шли донесения о противнике, медикаменты и перевязочные средства, продукты питания, теплая одежда, обувь. Подпольщики усилили диверсионную и подрывную работу.

В ночь на 18 декабря брасовские комсомольцы Слава Васильев и А.В. Хомяков подорвали железнодорожный эшелон противника. Было уничтожено 12 вагонов с военной техникой и убито 20 немецких солдат, сопровождавших эшелон. Подпольщики постоянно портили телефонную и телеграфную связь, распространяли листовки и сводки Совинформбюро. По данным подпольного райкома партии среди населения было распространено до 4 тысяч листовок, сводок Совинформбюро и газет. Причем, если раньше

листовки разбрасывались по дорогам, по полям, то теперь листовки вручаются населению, вывешиваются как объявления. Большинство засылаемой в тыл врагам литературы и листовок населением сохранялось и даже передавалось из рук в руки. Были случаи, когда подпольщики, прослушав немецкое и мадьярское радио, сообщали о занятии городов частями Красной Армии раньше, чем доходили письменные сводки Совинформбюро.

Подпольщики делали нужное и большое дело. В октябре 1942 года подразделение врага численностью до батальона из бригады Каминского при поддержке одного танка решили прощупать оборону и силы партизан. С этой целью к вечеру выдвинулись на станцию Холмечи и там заночевали. Об этой вылазке подпольщики своевременно сообщили партизанам. На рассвете, рано утром партизаны зашли со стороны Хутора-Холмецкого, отрезали пути отхода карателям и изо всех видов оружия открыли шквальный огонь, в результате чего враг был полностью разгромлен, а танк не произвел ни одного выстрела.

В январе 1943 года через Добрик проходили 2 транспортера и 1 автомашина. Шли они на борьбу с партизанами. На несколько минут они остановились в Добрике, водителям потребовалось зайти в старостат. В это время отважные подпольщики Кабанов Е.П. и Петряев Василий под носом у врага к этим машинам прицепили английские диверсионные мины. Машины ушли, но недалеко от Погребов взорвались Операция была сорвана.

В марте 1943 года локотские подпольщики установили большое передвижение немецких танков в направлении Локоть – Нерусские дворики, Лубошево. К партизанам об этом полетело сообщение. Разведчик-чекист Котов А.Ф. из бригады «За Родину» сообщение подпольщиков доставил нашему командиру танкового корпуса генерал-майору Лазареву, танки которого ворвались в город Севск и поселок Суземку. Замысел фашистов был разгадан. Они хотели своими танковыми клиньями из Новгород-Северного и Локтя отрезать в Суземке танки генерала Лазарева и уничтожить их. Благодаря своевременному сообщению подпольщиков и партизан, танки Лазарева благополучно вышли из готовившегося окружения, а немцы в суматохе завязали танковый бой между собой.

Разведчик-чекист Котов А.Ф. за своевременную доставку важных сведений был награжден орденом Красной Звезды.

В донесениях в партизанскую бригаду «За Родину» подпольщики писали: «… в честь дня Красной Армии мы уничтожили гараж немцев. Погибло 12 автомобилей, 1 кинопередвижка, 1 рация, 25 мотоциклов, до 3 тонн горючего и большое количество запасных частей.

…при покушении на зам. обер-бургомистра Мосина был тяжело ранен председатель военной коллегии Свинцов». Далее тревожно сообщалось: «… по данным немецкой комендатуры стало известно, что Локоть насыщен тайными агентами полиции, которые ищут нашу группу. Гестапо в Локте делает свое дело. С 23 февраля за нами началась слежка, диверсии временно прекращаем».

15 февраля 1943 года в селе Добрик состоялось второе совещание патриотов. На нем присутствовал подпольщик из поселка Локоть Михаил Зайцев. В конце февраля 1943 года под руководством Толкачева В.В. и Полосухина Г.И. состоялось третье совещание подпольщиков. Обсуждался вопрос о возмездии за злодеяния на нашей земле руководителями из банды Каминского и об установлении подпольной радиостанции в поселке Локоть.

Страшно трудно, смертельно опасно было бороться подпольщикам Локтя в зоне дислокации бригады Каминского, активно действовавшего Локотского отделения германского разведывательного органа «Абвергруппа-107» («Виддер», начальником в нем был зондер-фюрер Гринбаум). Гринбаум отлично знал русский язык, был внешне чрезвычайно вежлив, умел скрыть свои мысли, доверительно разговаривал с собеседником, умел вызвать его на откровенность. Это был опытный разведчик, но и он не смог предугадать, что в «Абвергруппу-107» чекисты внедрили, не без помощи Васильева К.Н., шесть разведчиков во главе с Андриевским Романом Анатольевичем, 1918 года рождения, кличка «Оса». Хотя чекисты в «Абвере-107» не имели прав устанавливать связь с подпольщиками и их командиром, но делали они общее дело, независимо друг от друга. В этой сложнейшей обстановке щорсовцы отважно действовали под носом у противника и снабжали партизан-

ские отряды важными сведениями о состоянии войск локотского округа.

После двухмесячного перерыва, вызванного перебазированием партизан на новую стоянку, в январе-феврале 1943 года инструктор райкома партии Полосухин и другие вновь неоднократно посещают подпольщиков из антифашистской организации имени Щорса. Они проделали исключительно большую работу по установлению связи, по созданию подпольных антифашистских организаций и по насаждению агентуры в фашистские организации и сферы войск противника.

В отчете Брасовского райкома партии о подпольной работе в тылу противника с 1 января по 1 марта 1943 года находим, что подпольные организации действовали в селах Добрик, Телятниково, Кропотово, Брасово, Воронов Лог и поселке Локоть с общим составом в 89 человек. Далее в этом отчете пишется о том, что, может быть, в условиях оккупации и соблюдения конспирации и не следовало бы делать. В архивном документе читаем: «Секретари подпольных организаций, по предложению райкома заполнили на себя анкеты, а на состав организации списки по форме, указанной райкомом. Ряд заполненных анкет и списков уже поступил, на отдельных лиц заполнены подписные листы о добровольном желании работать на пользу Родине по заданию райкома. Подобран ряд явочных квартир, установлены пароли для явок. Связь поддерживается с тылом через инструктора РК и двух бойцов из отряда «За Родину», от которых отобрана подписка. Всем секретарям подпольных организаций даны конкретные письменные указания в виде инструкций о практической работе. Даны также указания и отдельным лицам, работающим в немецких учреждениях. Кроме того, даются практические указания на месте инструктором РК. Сведения от организаций получают 3-5 раз в месяц».

Начало 1943 года – это время наиболее результативной деятельности брасовских подпольщиков. Для подпольщиков партизаны передали 12 английских магнитных мин, обучили несколько человек тому, как пользоваться этими минами. Немалую ценность представляли для партизан те сведения, которые систематически передавали подпольщики-антифашисты о противнике и о состоя-

нии в районе. Вот перечень сведений, переданных партизанам командиром группы имени Щорса К.П. Васильевым:

1) О количественном составе вооруженных сил Локотского округа (строевая записка).

2) О составе полков, дислокации штабов и фамилии командиров полков немецких войск Локотского округа.

3) О наличии всего вооружения и боеприпасов округа.

4) Мобилизационный план (резервы по возрастам по шести районам округа).

5) Бюллетени с приказами, инструкциями Локотского округа и ряд других материалов о противнике, которые систематически передаются штабу бригады «За Родину».

Вот такие конкретные дела делали брасовские подпольщики, у которых командиром группы был К.П. Васильев, а комиссаром В.В. Толкачев.

Сила подпольной организации имени Щорса – в тесной связи с массами патриотов, которые всячески поддерживали их, укрывали от ищеек Каминского. Немало было у них рискованных и опасных операций против немецко-фашистских оккупантов и их наймитов, не всегда они строго выполняли правила конспирации. Порой они действовали опрометчиво, дерзко, не сдерживали своей ненависти к фашистским захватчикам и их наймитам. И все же напасть на их след долгое время оккупанты не могли. Сотни людей отводили от них беду, часто рискуя собственной жизнью.

Когда подпольщики Ворон и Прибывший (клички К. Васильева и М. Зайцева) прибыли в штаб партизанской бригады «За Родину», куда их привел партизанский связной Г.И. Полосухин, им сообщили волнующую, радостную весть: 2 февраля 1943 года окончательно разгромлена советскими войсками в районе Сталинграда трехсоттысячная группировка немцев, десятки тысяч гитлеровских солдат и офицеров взяты в плен, фашистские захватчики отступают почти на всем протяжении фронта. Секретарь подпольного райкома партии Разумов Т.И. дал задание отпечатать в партизанской типографии сообщение Совинформбюро и через подпольные антифашистские организации распространить его во всех населенных пунктах. Все партизаны и подпольщики торжествовали

победу, каждый чувствовал себя причастным к разгрому немцев под Сталинградом. И разве не так? Не они ли громили вражеские гарнизоны, вели «рельсовую войну» и пускали под откос эшелоны с войсками, пушками, боеприпасами, танками, направлявшимися на фронт, в тот же Сталинград. Подпольщики считали, что они могли бы сделать значительно больше для разгрома врага, просили подпольный райком партии и командование партизанской бригады «За Родину» дать им большое задание.

Командир группы имени Щорса Васильев К.П. и его заместитель Зайцев М.Ф. партизаном Полосухиным Г.И. в феврале 1943 года были приведены в штаб партизанского отряда без согласования с партизанским руководством. Это событие вызвало неоднозначную реакцию райкома партии и командира партизанского отряда. Впоследствии секретарь Брасовского подпольного райкома партии Разумов Т.И. вспоминал, что за этот шаг они хотели расстрелять Полосухина и его спутников, так как он привел в расположение партизанского отряда человека, который у них значился как руководитель подпольной группы имени Щорса (К.П. Васильев) с одной стороны, и в то же самое время он для партизанского руководства был и начальником мобилизационного отдела Локотского округа, с другой стороны. Начальником мобилизационного отдела Васильев стал после того, когда он был уже утвержден райкомом партии командиром антифашистской группы имени Щорса, а также получил задание внедриться в руководящие органы Локотского округа.

Начиная с февраля 1943 года, командир группы имени Щорса Васильев К.П. развертывает большую подготовительную работу к восстанию. Вовлекает в ряды организации Фирсова А.А., работавшего в спецотделе окружного управления, Волкова – политического шефа одного из батальонов, Доронина – начальника заставы №5 (в районе поселка Локоть). Через своих людей, имевшихся почти в каждом батальоне, Васильев ведет разлагательную работу среди рядовых полицейских, добивается вооружения своих надежных людей. Всячески старается опорочить в глазах Каминского верных тому людей, выдвигая по службе членов своей подпольной группы.

Наступающие части Красной Армии приближались в Локтю во второй половине марта 1943 года. 16 марта Васильев К.П., Фирсов А., Зайцев М., комиссар Толкачев окончательно уточнили план вооруженного восстания, согласованный со штабом партизанской бригады «За Родину». План заключался в следующем: 25 марта партизанские отряды скрытно подтягиваются к поселку Локоть. Маршрут движения каждого отряда разрабатывался в отдельности. В большинстве пунктов должны быть выставлены заставы из своих людей, для страховки специальным людям было намечено перерезать все телефонные провода, связывающие штаб бригады с заставами. Два человека были выделены для связи с частями Советской Армии, семь человек для истребления Каминского, Мосина, оберпалача Процука и других главарей Локотского окружного управления. Васильеву К. поручалось овладеть одним из танков. Ровно в 12 часов ночи 25 марта 1943 года по сигналу – две белые ракеты – начинается штурм партизанскими отрядами и выступление членов подпольной группы. Васильев на захваченном танке (остальные танки выводятся из строя инженером Карцевым) поджигает склад с горючим, руководит боем, а затем быстро двигается в сторону фронта к частям Красной Армии.

Однако этот план не был осуществлен. 17 марта Васильев был арестован. В этот день Васильев как раз дежурил по гарнизону. Проверив посты, зашел на квартиру. В это время появился шофер Каминского и сообщил о срочном вызове Васильева в штаб бригады. Больше Васильев не вернулся домой. На второй день были арестованы Петр Дурманов, Борис Вишняков, Антонина Филатова, Анатолий Фирсов и многие другие. Начались аресты в селах. Некоторые руководители сельских групп, как Егор Кабанов (с. Добрик) скрылись, дав установку рядовым членам оставаться на местах. При аресте члена группы Спектора (село Добрик) полицейские обнаружили дневник, в котором были описаны все события в жизни подпольной группы, связанные с участием Спектора. Помимо подробного описания своего участия в группе, Спектор описывал в дневнике события почти каждого дня. Все люди, которые упоминались в дневнике с положительной стороны, были также арестованы. Их насчитывалось 15 человек. Всего по району было аресто-

вано более 100 человек. Забрали всех, кто был мало-мальски знаком с членами группы.

В июле 1943 года в здании клуба конезавода Каминский устроил суд над подпольщиками. В фашистской газете, выходившей в поселке Локоть, в большой статье под заголовком «Суд идет» были изложены обвинения, предъявляемые подпольщикам. В этом документе главные участники подполья характеризуются в самых отборных выражениях: «обер-убийца» К.П. Васильев, «злодей-комиссар» В.В. Толкачев, «бандитка-террористка» А.В. Филатова-Васильева, «шпион-изменник» Михаил Зайцев, «предатель-мерзавец» А.А. Фирсов, «подлец-диверсант» С.С. Живых и т.д. Приговор был беспощадным. 23 подпольщика по приговору первого суда и три подпольщика по приговору второго суда были приговорены к расстрелу, в том числе руководитель подполья Васильев К.П., его жена (с декабря 1942 года Антонина Филатова – одна из наиболее активных подпольщиц), племянник Вячеслав Васильев. Во время допроса умер от рук палачей его тесть Филатов В.Л. На десять лет посадили мать Константина Васильева, сестру Е.П. Васильеву и сестру жены Анну Филатову.

По сохранившимся документам, по утверждению оставшихся в живых патриотов и руководства партизанского отряда «За Родину», подпольщиков выдал партизан Поздняков, направленный командиром партизанской бригады за линию фронта вместе с пятью партизанами. Афанасий Поздняков был руководителем этой группы, но по каким-то причинам отстал от группы, а потом был 18 февраля 1943 года захвачен полицейскими и доставлен в штаб Каминского. На допросах Позднякова сильно избивали шомполами, истязали. Не выдержав пыток, он заявил, что если ему сохранят жизнь, то он (Поздняков) спасет жизнь Каминскому и поможет ему избавиться от тех людей, которые находятся в окружении Каминского, занимают выжные посты, а сами они связаны с партизанами и готовятся к выступлению против локотского обер-бургомистра и карательной бригады.

Каминский распорядился прекратить пытки и сам лично взялся вести допрос. Ему А. Поздняков рассказал о том, что Полосухин Г.И., придя в отряд в новом полушубке и валенках, похва-

лялся, что достал эти теплые вещи на складе Каминского. Проверив выдачу полушубков и валенок у начальника вещевого снабжения Дурманова П.А., Каминскому доложили, что переправлено к партизанам 3 полушубка, 4 пары валенок, 5 маскировочных халатов. Поздняков также сообщил о том, что в штаб партизанской бригады приходил сотрудник Каминского, который служит «вроде советского военкома по мобилизации» в его штабе. Обербургомистр сразу же определил, что к партизанам ходил Константин Васильев.

Мы уже упоминали, что Позднякова захватили в плен 18 февраля, а уже 23 февраля подпольщики сообщили партизанам, что за ними установлена слежка. За эти дни до ареста подпольщиков с 18 февраля по 23 марта 1943 года сыщикам Каминского не так уж трудно было раскрыть всю организацию, выследив всех, кто был связан с Васильевым, Зайцевым и другими подпольщиками.

Помимо предательства нужно отметить и более глубокие причины провала брасовских подпольщиков. О них вполне определенно выразили свое мнение проверившие ситуацию по горячим следам в сентябре 1943 года ответственные работники ЦК ВЛКСМ Соколов и Селиванов.

Вот их выводы:

«Если бы на месте этой многочисленной подпольной организации действовала небольшая группа опытных подпольщиков с опытнейшим руководителем, она обязательно провалилась бы, если бы она имела связь и получала задания от брасовского РК ВКП(б).

Вся система руководства подпольем, выдуманная т. Разумовым, секретарем Брасовского РК ВКП(б), обрекала на неизбежный провал любое подполье.

1. Отбирать от всех членов подпольной организации подписи в тылу, заставлять их заполнять анкеты, напоминающие «личные листки по учету кадров» – составлять списки на всех членов подпольных групп со всеми данными – более чем вредно.

Чем можно было гарантировать, что часть этих документов не попала бы в руки врага?

2. Задания, которые посылались подпольщикам, не нацеливали, не концентрировали их силы на определенных объектах, а распыляли, приводили в замешательство, ставили людей в тупик. Так, например, 30 января 1943 года Кленовский (он же Разумов) направляет Степному (он же Васильев) задание, состоящее из 13 пунктов, 2 февраля 1943 года – дополнительное задание из 6 пунктов.

3. Направляя комиссару группы им. Щорса т. Толкачеву В.В. записку такого содержания «Вы назначаетесь РК ВКП(б) секретарем первичной подпольной организации и обязаны развернуть активную работу. Для руководства посылаю: 1. Указание к работе. 2. Памятку о сборе сведений: анкету заполните на себя, список на членов организации и подписку на хозяина явочной квартиры и возвратите мне», т. Разумов безусловно не думал о последствиях.

4. Наконец, выдачей справок подпольщикам о том, что они связаны с партизанским отрядом, Брасовский райком партии превзошел себя.

5. Помимо этого, работники райкома партии, руководившие подпольем, не соблюдали самых элементарных правил конспирации:

а) разглашали свою работу среди партизан;

б) записи о подполье делались в отрядном дневнике, к которому имели доступ почти все партизаны.

На суде, как и на допросах, щорсовцы держались стойко, мужественно. Каждому из них предоставляли слово, изверги хотели услышать раскаяния подпольщиков, но этого не последовало.

В приговоре военно-полевого суда подпольщиков обвиняли в измене русскому народу, в заговоре на свержение власти Каминского, в подрывной деятельности против новой России. Борьбу с немецкими захватчиками, Каминским и его холуями они называли бандитизмом, а подпольщиков бандитами.

Исключительно стойко держались на суде Фирсов А.А., Толкачев В.В., Карцев А., Вишняков Б., Зайцев М., Акулов В., Гуреев А., Кугукин А., Сметанин, Филатова А. Когда они говорили, у всех обвиняемых поднималось настроение, на лицах сияла улыбка,

смерть была не страшна. Это злило каминцев. Каминский вскакивал с места и кричал: «Запретить говорить!»

Поэтому многие щорсовцы отказывались от последнего слова. Подпольщикам, с которыми нам удалось поговорить, никогда не забудутся последние слова на суде Фирсова А.А., Зайцева Михаила, Толкачева В.В.

Фирсов А.А.: - Устои вашего трона, господа правители новой России, гнилые. Недалек тот час, как они рухнут, и вы окажетесь в пучине людской крови. Ох, и…

- Запретить говорить! – заорал Каминский.

Зайцев М.: - Жаль, что у тебя, господин Каминский, дотерпели зубы. Первую зубоврачебную помощь должен был оказать я. Задача моя – со здоровыми зубами отправить тебя на …

Верите, Каминский взревел: «Я запрещаю говорить!»
А у всех подпольщиков улыбки на устах.

Толкачев В.В.: «Вы угрожаете нас убить. Двести миллионов советских людей вы не в силах уничтожить».
Опять запрет.

Всех подпольщиков, приговоренных к расстрелу, поместили в камеру смертников. Наши смертники – товарищи Толкачев Василий Васильевич, Шилов Дмитрий Сергеевич, Фирсов Анатолий Андреевич, Зайцев Михаил Филиппович, Дурманов Петр Алексеевич, Лагеев Василий Иванович, Петряев Василий, Кабанова Екатерина Павловна, Биндасова Анна, Васильев Вячеслав, Живых Савелий, Карцев Андрей, Сметанин Петр, Антоненков Александр, Воропанов Михаил Николаевич, Гуреев Анатолий, Турков Иван, Волков Александр, Рыженков Даниил Иванович, Акулов Василий и другие (24 человека) решили в застенках бороться с фашистами. Они готовились к побегу из тюрьмы. Уйти не удалось, и на сей раз нашелся провокатор.

Приговоренные к расстрелу К. Васильев, А.В. Филатова, не были казнены. После суда Васильева к следователям или Каминскому не водили, но до сих пор никто не может объяснить, почему Васильеву, его семье и родственникам сделали такое послабление при жестком тюремном режиме для всех остальных.

Подпольщица Ефремова Е.А. тоже приговаривалась судом к 10 годам тюрьмы. Она рассказала, что в антифашистскую группу вступила после беседы с ней Васильева К.П. и Кабанова Е.П. После ареста ее три раза допрашивали. Она все отрицала. На очередной допрос привели Васильева. Вид его был усталый, лицо желтое, рубашка расстегнута. На этой очной ставке он меня не выдал, заявив, что он не знает меня и никаких поручений ей не давал. Из рассказов подпольщиков видно, что никого Васильев из своих боевых товарищей не выдал, взял всю вину за организацию на себя, так как показания предателя Позднякова о его приходе в партизанский отряд, и тех, что партизан Полосухин Г.И. получил полушубок, валенки и другие вещи с вещевого склада бригады Каминского и другие обвинения невозможно было опровергнуть. В такой обстановке перед лицом неопровержимых улик Васильев пришел к выводу, что лучше открыто признать, что он был руководителем подполья, вел борьбу с оккупантами и их прихвостнями, и с честью умереть, так как спасти родственников и себе жизнь он не рассчитывал. Все оставшиеся в живых подпольщики Краснева А.Н., Ефремова Е.А., Харин Ф.К., Рембертович Е.М. и другие единодушно утверждали, что на фашистском суде Васильев К.П. вел себя мужественно, геройски, ободрял товарищей по борьбе, открыто признавал, что он сознательно и целеустремленно боролся с оккупантами и, по словам Красновой, сказал: «Лучше быть мертвым львом, чем ползающей собакой».

И в приговоре Локотского окружного суда, напечатанном в июле 1943 года в фашистской газете «Голос народа», о Васильеве писалось: «Бандит Васильев как на предварительном, так и на судебном следствии заявил, что он всемерно стремился ослабить мощь русской народной армии (это бригада Каминского), желал ее гибели, а также гибели германской армии и что он сочувствует только советской власти». Так же мужественно на суде вели себя врач Антонина Филатова, учитель Анатолий Фирсов. В приговоре о них сказано: «Филатова на суде и следствии заявила, что она сочувствует и признает только советскую власть» и далее «Фирсов открыто признал себя врагом новой власти…».

Открытое признание своей подпольной деятельности из-за невозможности ее скрыть, введя в заблуждение следствие – это ли не доказательство героического поведения подпольщиков и их руководителя Константина Васильева на фашистском суде.

После массового расстрела приговоренных фашистским судом подпольщиков в последней декаде августа 1943 года, бригада Каминского отступила в г. Лепель Витебской области. Этапным путем под конвоем полицейских погнали в этот город и всех тех, кто приговаривался к различным срокам тюремного заключения (а это 20 подпольщиков), а также приговоренных к расстрелу Васильева К.П., его беременную жену Филатову А.В. и сестру Васильеву Е.П., сестру жены Анну Филатову. В Лепеле Васильевы были водворены в тюрьму, как и все остальные люди, имеющие отношение к брасовскому подполью. Это подтверждали мать подпольщика Анатолия Гуреева, которую тоже гнали этапом как арестованную. Подтверждает этот факт о заключении в тюрьму Васильевых вместе со всеми и подпольщица Гребенникова (Еркович) А.В.

Подпольщица Васильева (Кирилюк) Е.П. утверждает, что Константина Васильева в г. Лепеле три раза подводили к виселице, имитируя смертную казнь для него самого.

28 июля 1944 года г. Лепель был освобожден советскими войсками. Жена Васильева была в это время на последнем месяце беременности. Васильев К.П. с семьей задержался в одном селе, пересидел в погребе до прихода Советской Армии, по рассказам его жены. Жена Васильева в это время родила сына. Село, в котором остановились Васильевы, было освобождено нашими войсками. По рассказам жены Антонины Васильевой и его сестры Е.П. Васильевой… Константин Васильев сразу же явился в особый отдел части Советской Армии. Тут и началось следствие, приведшее к роковой развязке – к расстрелу К.П. Васильева по приговору военного трибунала 4 ноября 1944 года. Чем же объяснить тот факт, что руководитель подполья К. Васильев, его жена Антонина Филатова (Филатова вышла замуж за Васильева в декабре 1942 года), все приговоренные к расстрелу в июле, в августе 1943 года не были расстреляны вместе с остальными подпольщиками.

Вина ли это их или беда? Константин Васильев пережил минуты ужаса, когда его самого, беременную его первенцем жену Антонину Филатову, фашистский суд приговорил к расстрелу, дав заглянуть ему и его дорогим родственникам в свои могилы.

Во всей этой истории, из которой К. Васильев вышел живым, больше вопросов чем ответов. Но ни один подпольщик не обвиняет его в том, что в августе 1943 года его и его семью не повели на расстрел вместе с остальными подпольщиками. Так распорядился его жизнью Каминский, который в июле 1943 года вызывался в Берлин и вернулся в Локоть с очередным повышением, стал генерал-лейтенантом и получил 12-й немецкий орден. Возможно, боясь за свою шкуру, Каминский доложил в Берлине, что локотское подполье им было обезврежено.

О каждом щорсовце можно написать целую повесть. И об отважных комсомольцах Михаиле Зайцеве, Толе Гурееве, Славике Васильеве, Александре Антоненкове, Василии Акулове, которых приходилось удерживать от слишком рискованных дел – самых молодых среди подпольщиков.

А как задушевно пела Катя Кабанова! Еще до войны приедет на каникулы студентка Катя Кабанова в родное село Добрик, соберется молодежь и просят ее: «Катенька, спой!» Она и в войну пела… У Ефремовых соберемся, она и заведет: «Отряд не заметил потери бойца…».

А какое мужество и твердость характера надо было иметь, чтобы на допросах так гордо и независимо отвечать палачам, приводить их в бешенство и ярость, как это делала Катя Кабанова?

Сколько спасено от угона в Германию, сколько партизан вылечили переданными врачом Антониной Филатовой в партизанскую бригаду медикаментами.

Как идейно вдохновляли и закаляли подпольщиков Фирсов А.А., Воропанов М.Н., Швыгов А.Д., Толкачев В.В.. Как умело применяли тактику борьбы с врагом в условиях оккупации бывшие военные офицеры Вишняков Б.А., Карцев А.С., Петряев В.М.

Будущими историками будут раскрыты новые эпизоды деятельности щорсовцев, их боевые заслуги.

Брасовские подпольщики и их огромная боевая деятельность широко отражены в Брянском архиве новейшей истории, в архиве КГБ, в фондах документов молодежных организаций в городе Москве. Сохранились справки, отчеты, рапорты, расписки, анкеты, списки подпольщиков и другие документы из спецфондов ЦК ВЛКСМ и докладная записка инструкторов ЦК ВЛКСМ.

Не всегда урон врагу можно исчислять в цифрах уничтоженной техники и живой силы противника. Деятельность щорсовцев проходила в стане заклятого врага советского народа Каминского и его окружения. И нанесла немало ощутимых ударов по врагам.

Нет, неуютно чувствовали себя фашисты на нашей земли.

И когда, наконец, в Локоть вернулись наши войска, слезами встретили их поседевшие матери. Обнимая освободителей, приговаривали, что несколько дней их сыновьям и дочерям не хватило, чтобы увидеть этот ясный сентябрьский день, за который они отдали свои молодые жизни.

Война прошла сквозь наши судьбы

(Из опыта работы библиотек Щорской ЦБС Черниговской области)

Мокроснол Н.П.
Щорская ЦБС,
Черниговская область, Украина

Люди, которые пережили войну. И мы, сегодняшние, которые знаем ее только по учебникам, книгам, рассказам...

60 лет прошло с того дня, когда отзвучали последние залпы Великой Отечественной войны, залпы Победы. Но по сей день мы внимательно вслушиваемся в рассказы очевидцев тех событий, пытаясь понять, в чем была сила народа, который выиграл ту войну: в мудром руководстве, талантливых полководцах, технической мощи или непоколебимом мужестве и патриотизме простых людей, поднявшихся на защиту Родины?

Библиотеки Щорской ЦБС постоянно уделяют внимание популяризации книг о войне, организации вечеров-встреч и чествованию ветеранов, сбору воспоминаний очевидцев событий тех лет, стремясь обобщить и передать молодым поколениям правду о войне, как в документальном, так и в литературно-художественном изложении.

Год 60-летия Великой Победы в наших библиотеках начался акцией «Читаем книги о войне», в ходе которой представлялись лучшие документальные и художественные издания. Повсеместно оформлялись книжные выставки и проводились обзоры литературы „Україна: 1941-1945. Звитяга, жертовшсть, подвиг", „Трапчне вщлуння подвигу", „Ми пам'ятаемо вас гонменно", „Чернігівщина - край партизанський", „Перемога для Всіх одна" и другие.

Все библиотекари системы включились в поисковую работу с целью сбора воспоминаний о периоде немецко-фашистской оккупации на территории Щорского района. Результатом кропотливой работы стало издание «В прийдешшм повторитися не вправі" („В будущем повториться не должно").

Много книг посвящено подвигу бойцов на фронтах Великой Отечественной, партизан и подпольщиков в ее тылу. А как было простым людям, на долю которых выпало дважды пережить сметающий вал линии фронта, два года оккупации и жить (или умереть при форсировании Днепра) с тавром «оккупационщика», или многие годы после войны носить в душе горькие воспоминания остарбайтеров?

На фронте хотя бы знали, что впереди враг, а рядом - свои, были обеспечены питанием и сменой белья. В оккупации никто не знал, откуда ждать беду.

У каждого из наших собеседников свои воспоминания, во многом они перекликаются, но каждый добавляет свой штрих в общую картину самого страшного периода в жизни нашего района. Как в капле воды отразились в них события того времени и на Черниговщине, и в Украине, и в прилегающих районах России и Беларуси.

В нашем издании мы дали возможность современнику вчитаться в каждое слово, сказанное очевидцами, пропустить его

сквозь сердце, попробовать понять и оценить их поступки в военных условиях, объективно увидеть время, которое отошло в прошлое, но не исчезло в небытие.

Да и как забыть трагедию партизанских сел района, сожженных фашистами частично или полностью? Или представить себя на месте крестьян, которые оказались в эпицентре боев при освобождении сел по реке Сновь, когда вода ее краснела от крови бойцов? Или на месте матери из Загребельной Слободы, которая, чтобы спасти своих 4-х маленьких детей, назвала место, где прятались односельчане, чем обрекла их на страшную смерть в огне? Или на месте партизана, который саблей разрубил голову своей невесте за то, что она *начала* накладывать повязку раненому полицейскому? Или на месте 6-летнего мальчика с хутора Мостки, которого зимой совсем голого мадьяры привязали к саням и подстегнули лошадей?

К нам, нынешним, обращены слова Коробко Марии Иосифовны из Лосевой Слободы: «Сейчас очень тяжело вспоминать те страшные годы. И мне очень хотелось бы, чтобы наши дети, внуки и правнуки никогда не видели такого ужаса, как видела я. Мир Вам, люди добрые!»

Пользуясь сегодняшней встречей на русской земле, хочу отметить, с какой благодарностью мои земляки вспоминают соседей из сел Хоромное, Раковка, хутора Бор, которые приняли в свои семьи беженцев из сожженных сёл Елино и Мостки. Нашли приют в ближайших селах России и Беларуси и жители сожженного села Клюсы.

Остался в памяти наших жителей и белорусский населенный пункт Лоево. Когда немцы наступали, наших подростков 14-15 лет мобилизовали сюда на рытье окопов, а когда отступали - их, неподготовленных, бросили на форсирование Днепра в районе Лоева.

За период оккупации на территории Щорского района погибло 6205 мирных жителей, отправлено на работу в Германию 3420 человек, сожжено 1032 человека, полностью сожжены 6 населенных пунктов.

Своеобразным ключом к нашей книге является стихотворение поэта-фронтовика, нашего земляка Бойко Петра Николаевича «Да разве кто это забудет?» Все очерки (а их в книгу включено 27)

имеют свои эпиграфы и размещены в алфавите названий населенных пунктов. Библиографический список литературы, который включает наиболее интересные печатные материалы, посвященные этому периоду истории района, состоит из 68 источников. В издании помещены документы и фотографии того времени, сохранившиеся в Щорском историческом музее. Издание книги тиражом 100 экземпляров осуществлено на ризографе Черниговской ОУНБ им. В.Г. Короленко, благодаря финансовой поддержке народного депутата Украины Олега Петрова.

Это издание логически продолжило тему Великой Отечественной войны, над которой центральная библиотека постоянно работает. В биобиблиографический справочник „Знані люди Щорсівщини", изданный в 2003 году к 80-летию создания и 60-летию освобождения района от фашистских захватчиков были включены разделы „Низький уклін героям" и "Вони захищали рідний край". В первом названы Герои Советского Союза, уроженцы Щорсовщины - 9 человек, полные кавалеры Ордена Славы -2 человека. В рубрике „Іх пам'ятаэ Щорська земля" названы освободители района, удостоенные звания Героя Советского Союза за мужество и отвагу, проявленные в боях при освобождении населенных пунктов района. Во втором - названы наши земляки, отличившиеся в годы войны.

Персоналии приведены в алфавите фамилий, помещены фотографии и краткая библиография.

Теме Великой Отечественной войны посвящен и биобиблиографический указатель „Ми так за цей день заплатили, що й внукам ціна заболить" (письменники, поети-фронтовики Щорського району) /1998 р./. Это издание, подготовленное центральной и Займищанской сельской библиотекой-филиалом, было приурочено к 55-летию освобождения Черниговщины от немецкой оккупации (1943-1998 гг.). Указатель имеет вступительную часть и состоит из 9 статей о жизни и творчестве писателей и поэтов-фронтовиков, их фотографий, помещены отдельные стихотворения и отрывки из прозы. Библиографический список включает книги и публикации из периодических изданий с 1980 года. Книга издана на средства А.Е. Крумкача, библиотекаря Займищанской библиотеки.

Презентация нового издания "В прийдешншм повторится не вправі'" состоялась в читальном зале центральной библиотеки накануне празднования 60-летия Победы.

В эти же дни была презентована и книга нашего земляка Николая Заборовского «Огненные годы». Сейчас автор, историк по образованию, проживает в Корюковском районе. Это его второй сборник, в который вошли воспоминания о периоде оккупации, об участии в боевых действиях после освобождения края и стихи, посвященные Великой Отечественной войне. Автор присутствовал на презентации, читал свои стихи, делился воспоминаниями, отвечал на вопросы.

На ознаменование 60-летия Победы и с целью ознакомления молодежи с героическими событиями Великой Отечественной войны, под эгидой народного депутата Олега Петрова в районе был объявлен конкурс работ среди учащихся на лучшее освещение событий войны на тему «Что ты знаешь о Великой Отечественной войне 1941-1945 годов и событиях того времени, которые происходили в твоем родном крае и с твоими земляками». Работа предусматривала 2 части: 1-я - реферат на одну из заданных тем с обязательной ссылкой на использованную литературу, 2-я - интервью с ветераном. Во всех библиотеках была подобрана литература по темам, обращалось внимание читателей на объявленный конкурс. В результате проведенной работы, конкурс действительно стал общерайонным: 29 участников представили содержательные рефераты и интересные интервью. Жюри нелегко было определить 5 лучших работ. Анализ всех рефератов был сделан на страницах районной газеты, здесь же опубликовали лучшие интервью. Награждение победителей проходило в читальном зале центральной библиотеки. Приехали почти все участники. Их приветствовали члены жюри, представитель благотворительного фонда „Эдність" (г. Киев) передал поздравления от народного депутата и вручил призы всем участникам. Победители получили подарки в виде комплектов книг.

О роли песни на войне, о ее месте в душах бойцов шла речь во время литературно-музыкального праздника в детской библиотеке «Песни военных лет». Звучали они в исполнении самодея-

тельных артистов, в грамзаписи, пел весь зал. С трепетом дети брали в руки фотографии участников кружка армейской художественной самодеятельности 60-летней давности. На обороте фото сохранилась надпись:

«Пусть этот кадрик из фильма живого
Прообразом прошлого служит тебе,
Напомнит о том, как шагали мы в ногу
Тернистой дорогой в жестокой борьбе;
Как песенки нашей задорные трели
Лились в бесконечную даль,
когда орудийные залпы гремели
И черный свинец бушевал ...»

Все дальше уходят от нас страшные годы войны, уходят из жизни ее участники. И наша священная обязанность сберечь память о них.

Областная рукописная Детская Книга Памяти

«Боевая награда в нашем доме»: акция Брянской областной детской библиотеки

Рыжикова Л.И.
Брянская областная детская библиотека,
г. Брянск, Россия

Все дальше уходят от нас события Великой Отечественной войны, все меньше остается ее ветеранов. И если раньше мы позволяли себе роскошь по памятным датам вспоминать исключительно о Героях Советского Союза, полных кавалерах ордена Славы, военачальниках и полководцах, то сейчас становится ясно, что вклад каждого человека в нашу Победу достоин уважения и памяти.

Вторая причина, заставившая нас провести акцию по созданию областной рукописной Детской Книги Памяти, - слабое знание современными детьми событий Великой Отечественной войны,

которые в той или иной мере затронули каждую семью. И потому основной задачей нашей акции стало приобщение подрастающего поколения к героическому прошлому нашего края, помощь юным брянцам в осознании кровной связи с родной землей и своими предками, стоявшими на защите рубежей Отечества.

Конечно, решая эту задачу, мы не могли не обратиться за поддержкой к коллегам из детских и сельских библиотек области, к семьям наших читателей. Отрадно сознавать, что есть еще семьи, где бережно хранят награды, фронтовые письма и дневники, где дети с малых лет приобщаются к родовой памяти, впитывают любовь к своим предкам и гордость за их деяния.

В течение четырех месяцев в областную детскую библиотеку шли письма из всех уголков области. Писали и восьмилетние малыши, и выпускники школ. И в каждом письме – крупицы нашей истории, из которых складывается большое полотно всенародного подвига, свершенного в годы Великой Отечественной войны.

У Детской Книги Памяти «Боевая награда в нашем доме» более ста авторов. И большинство из них подошли к делу не формально (хотя встречаются и такие работы, где сильно влияние требований школы к конкурсным сочинениям), а с предельной искренностью. Для кое-кого из ребят стали настоящим открытием героические, драматические истории из жизни их прадедушек и прабабушек, дедушек и бабушек, «вынесших войну на собственных плечах», по словам поэта.

Вот строки из ребячьих писем: «Однажды я попросил маму подробно рассказать о прадедушке и его наградах… У дедушки оказалось много орденов и медалей. Есть блестящие, а есть почерневшие от времени, с погнутыми краями. Особенно мне понравился орден Красной Звезды, цвета темного рубина, напоминающего кровь.

Я спросил у мамы, за что получен и чем дорог этот орден деду. Она ответила:

- Последнее ранение было самым тяжелым для дедушки. Его танк был подбит, но бойцы скрывались в окопе и оттуда вели бой. Немецкий танк въехал на окоп и засыпал людей землей. Погибло двое дедушкиных друзей. День Победы дедушка встретил в госпи-

тале, где ему и вручили этот орден. Для него это был не просто орден, а память о войне, в которой он выжил, а также память о его погибших друзьях.

Я понял, что каждая награда – это и правда память о войне, и частичка жизни, которой рисковал и мой дед, для того, чтобы мы жили в свободной, чистой от фашистской нечисти стране».

(Артем Тимофеев, 6 класс, п. Суземка).

«Простой русский человек, мой прадед, был истинным сыном Земли русской. Его любовь к Родине была тихой, но деятельной. Обрабатывал землю, уважал родителей, любил детей и защищал свой Мир и свою Любовь.

Я хочу стать таким как он, мой прадед – Маликов Иван Сергеевич».

(Дмитрий Рыбкин, 8 класс, с. Замишево, Новозыбковский р-н).

«Совсем недавно прадедушка умер. Мне очень грустно, потому что прадедушка был моим другом. Он даже не пожалел и отдал мне все свои ордена и медали. Сам он их почти никогда не носил. Я их буду беречь и отдам своим детям, когда они у меня будут, и обязательно расскажу о своем прадедушке Василии Федосовиче Гордеенко – веселом и добром человеке».

(Кирилл Грецкий, 2 класс, п. Климово).

В числе авторов Книги есть потомки Героев Советского Союза, но большинство рассказов о простых воинах, которым не довелось свершить великих подвигов, но чей каждодневный ратный труд и стал основанием нашей Победы.

Мы расположили материалы Книги по наградам – от золотой звезды Героя до медали «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Более всего пришло рассказов о том, за какие подвиги фронтовики получили медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды – самые памятные и дорогие им награды.

Но вот что написал второклассник Кирилл Мамичев из Дубровки: «У моего дедушки много боевых наград за храбрость и отвагу. Есть орден Отечественной войны второй степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией». Но самой главной своей наградой дедушка считает медаль «За взятие

Берлина», а штурм столицы фашистской Германии он называет главным событием в своей фронтовой судьбе».

Конечно, мы отсканировали изображение этой медали, несмотря на то, что о ней к нам поступил всего один рассказ. Есть в нашей Книге и другие ребячьи письма о достаточно редких боевых наградах. Всем им нашлось место в Детской Книги Памяти «Боевая награда в нашем доме».

Но не только о подвигах писали дети в Книгу Памяти. Во многих письмах – рассказы о страшных трагедиях, немыслимых испытаниях, через которые прошли их предки. Эти рассказы вошли в рубрику «Никто не забыт и ничто не забыто». Наиболее сильное эмоциональное впечатление производит работа Михаила Беласа из климовского села Чуровичи, чей прадедушка подростком стал узником концлагеря Дахау – одного из самых страшных лагерей смерти фашистской Германии. Испытываешь настоящий шок от подлинных фотоснимков, сделанных американцами после освобождения Дахау.

Другие истории может быть, и менее трагичны, но все же за каждой из них стоит человеческая драма, возможно, впервые осознанная нынешними мальчиками и девочками. Вот строки из письма восьмиклассницы Марины Поздняковой, читательницы Кулажского сельского филиала Суражской ЦБС:

«Ни один мужчина в маминой семье, который был свидетелем войны, не дожил до моего рождения. Поэтому, видя войну по телевизору, читая о ней в книгах, я воспринимала ее как что-то далекое, не касающееся меня. Песни о войне я не любила, особенно 9 мая, когда они звучали очень часто. Праздники, связанные с войной, для меня были просто днями отдыха. Но 1 сентября произошла трагедия в Беслане. Я тогда в первый раз задумалась о войне, в моей душе все перевернулось, а потом… Потом мама рассказала о судьбе моей прабабушки Гореловой Анны Ефимовны».

А далее следует история о том, как жестоко коверкала война человеческие судьбы, о короткой и трагичной военной любви. В финале Марина пишет: «6 декабря 2004 года прабабушка ушла навсегда, унеся с собой свою любовь, а главное, память. Память о том, кого ждала всю свою долгую жизнь.

Скоро 9 мая. И какие чувства я буду испытывать в этот день после рассказа мамы даже не знаю».

Можно цитировать едва ли не каждое детское письмо, вошедшее в Книгу Памяти. И не имеет значения, как оно оформлено. Иной рассказ на тетрадном листе в эмоциональном плане дороже работы, выполненной на компьютере. Фотографии, копии наградных листов и других документов, рисунки, детские, не очень умелые, но такие искренние стихи стали украшением рукописной Детской Книги Памяти.

Ее презентация прошла в областной детской библиотеке в середине мая. Съехались юные авторы из Почепа, Карачева, Жуковки, Сельцо, Локтя, Мичуринского, Навли, Дятьково, пришли брянские ребята и, конечно, ветераны Великой Отечественной войны – поэт-фронтовик В.Д. Динабургский, известный краевед Я.Д. Соколов, бывшие партизаны и воины П.П. Башмаков и К.М. Батурин.

Ветераны поделились своими воспоминаниями. А ребята, волнуясь, но с большим чувством рассказывали о подвигах своих предков, показывали их награды. Их рассказы нашли отклик у четвероклассников из 56-й школы, пришедших на презентацию. Они тоже захотели рассказать все, что им известно о том, как сражались с врагом или просто жили в то тяжелое время их старшие родственники.

Рассказы для областной рукописной Детской Книги Памяти «Боевая награда в нашем доме» шли к нам в библиотеку до июня. Мы планируем провести презентацию Книги в детских библиотеках Клинцов, Унечи и Суража, а в будущем создать ее электронный вариант.

Библиотека и чтение в системе патриотического воспитания молодежи

Янченко В.Н.
МЦБС Новозыбковского района,
Брянская область, Россия

Создание эффективной системы патриотического воспитания - необходимое условие развития любой страны. Для России решение этой проблемы жизненно важно.

К сожалению, за время рыночных преобразований в нашей стране центральное место в мировоззрении молодого человека заняли атрибуты успешности: деньги вне зависимости от их источника, престижный уровень их потребления и досуг. В значительной мере это явилось следствием усиленного насаждения в нашем обществе не лучших образцов западной модели жизни.

В результате появился новый тип молодого человека, для которого главное - жить без без идеалов и воодушевления, по расчету, без "напряга", ни во что "не встревая". Принятая Государственная программа "Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации в 2001-2005 гг." ставила цель воспрепятствовать негативным явлениям и объединить усилия всех ведомств, общественных, образовательных, культурных организаций для систематической работы по воспитанию гражданственной позиции и патриотизма.

Вопросы патриотического воспитания всегда были приоритетным направлением в работе библиотек, поскольку библиотеки располагают широким кругом исторической, художественной и научно-познавательной литературы, владеют различными формами индивидуальной и массовой работы среди читателей. За последние годы в библиотеку пришли молодые люди, родившиеся в постперестроечный период. Нас, библиотечных работников интересует, что думают о Великой Отечественной войне сегодняшние подростки, не потеряла ли военная тематика на сегодняшний день своей

актуальности, нам было интересно определить круг наиболее читаемых авторов. Мы провели исследование "Великая Отечественная война глазами современников". В исследовании участвовало 152 респондента в возрасте от 13 лет до 50 из сел Шеломы, Замишево, Н. Бобовичи, Ст. Бобовичи, Ст. Кривец.

Они отвечали на вопросы:

1.Из каких источников Вы знаете о войне?

2.Назовите авторов, писавших о войне.

3. Какие произведения оказали на Вас наиболее сильное впечатление?

4.Как Вы считаете, в произведениях каких авторов наиболее правдиво отражены события Великой Отечественной войны?

Как показал опрос, 70% опрашиваемых знают о войне из книг и учебников; около 1% - из личных впечатлений. Нас радует, что 29% наших читателей узнали о войне из рассказов своих близких, чье детство или молодость прошли в годы войны. Еще не прервалась живая связь поколений.

Среди самых популярных авторов, писавших о войне, все называют В. Быкова, Ю. Бондарева, Б. Васильева, К. Симонова.

Молодым читателям интересен и новый взгляд на отображение в литературе событий Великой Отечественной войны, который есть в произведениях В. Некрасова, В. Астафьева, В. Быкова, А. Рыбакова, Е. Носова и др.

В ответ на вопрос «Какие произведения произвели на Вас более сильное впечатление» лидируют книги Б. Васильева "А зори здесь тихие"; К. Симонова "Живые и мертвые"; В. Быкова "Обелиск", "Знак беды" и др. Анализируя ответы анкетируемых, мы пришли к выводу, что наша молодежь интересуется литературой о войне, но произведения, в которых Великая Отечественная война показана в новой трактовке сельскому читателю известна мало, потому что за последние годы фонды сельских библиотек пополняются новой литературой и периодикой крайне недостаточно.

Подобные опросы, наблюдения за чтением читателя, его запросами дают возможность библиотеке определить группы читателей и наиболее эффективные формы работы для данной категории.

В преддверии празднования 60-летия Великой Победы в сельских библиотеках были организованы книжные выставки по тематическим блокам:

- "Великие битвы Великой Отечественной войны".
- "Полководцы Великой Отечественной".
- "В тылу вражеских войск..." (литература о жизни людей на оккупированных территориях, о партизанском движении).
- "Война вошла в мальчишество мое..." Война глазами ребенка.
- "Современные писатели о войне".
- "Летопись Великой Отечественной в произведениях изобразительного искусства и музыке".

Выставка литературы помогает молодым читателям акцентировать свое внимание на литературе по определенной теме. У выставки обязательно проводится обзор представленной литературы.

Нам хочется приблизить сердца молодых к тем далеким событиям посредством обращения детей и подростков, молодежи к лучшим образцам художественной литературы о Великой Отечественной войне.

Опыт работы библиотек показывает, что наибольшее влияние на растущую личность оказывают книги, рассказывающие о героических личностях, знаменитых людях страны, села, проживающих жизнь во имя Отечества.

Рассказать о великих полководцах, выдающихся соотечественниках, вспомнить тех, кто делал историю - это значит привить молодежи уважение к истории России и своей "малой Родины", к подвигам защитников Родины, гордость за свою страну и русских людей. Помимо выставок литературы о выдающихся людях России, библиотеки практикуют проведение Часов информации к знаменательным датам и событиям.

В преддверии 60-летия великой Победы, в библиотеках района прошли часы информации:

- "60 лет Берлинской операции";
- "60 лет Крымской конференции руководителей стран антигитлеровской коалиции";
- "Сталинградский командарм" (105 лет со дня рождения

Маршала В.И. Чуйкова);

- "От пулеметчика до Маршала" (110 лет со дня рождения С.К. Тимошенко).

Совсем недавно библиотеки провели мероприятия к 95 - летию со дня рождения нашего славного земляка, уроженца с. Святск Героя Советского Союза Д.А. Драгунского.

В работе с молодежью по воспитанию патриотизма популярны массовые мероприятия. Например, такие как интеллектуальная игра "Защитникам Родины славу поем" (в Сновской сельской библиотеке), конкурсно - игровая программа "Чтобы в армии служить, надо сильным ловким быть" (Старые Бобовичи), Страницы летописи села Шеломы в школьной газете. (Воспоминания очевидцев Великой Отечественной войны).

Встречи молодежи с ветеранами войны, тружениками тыла помогают молодежи лучше понять жизнь, научиться сопереживать людям, способствуют усвоению опыта старших поколений и приобретению на этой основе своего собственного. Такие мероприятия проводятся в Верещакской, Старокривецкой, Шеломовской, Замишевской сельских библиотеках.

Гражданско-патриотическому воспитанию, безусловно, способствует знание своей родословной, знакомство с историей своей малой Родины. Воспитание у молодежи чувства гордости и уважения к истории своего села является важной миссией библиотеки.

С 2003 года в библиотеках района идет работа по написанию "Летописей сел". "Летопись села" представляет собой уникальное собрание сведений об истории села в целом, об отдельных исторических периодах жизни села, о производственной жизни села, о знаменитых людях села, воспоминания старожилов и т.д.

А главная задача библиотекаря - летописца - это записывать ежедневно все, что происходит в селе, чем живет село: рождение ребенка, юбилейные даты односельчан, жизнь школы, сельхозпредприятия и т.д

Особое место в работе сельских библиотек занимает Книга Памяти, особенно ее 7- й том, посвященный уроженцам Новозыбковского района, погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. В работе с ней библиотекари проводили беседы, часы ин-

формации, выполняют различные справки, она всегда в поле зрения читателей библиотек.

Накануне Дня Победы 28 апреля по инициативе МЦБС в центральной библиотеке состоялся "круглый стол" "Патриотическое воспитание молодежи: средства, методы, пути взаимодействия". Участники "круглого стола": заместитель главы администрации района, председатель Районного Совета депутатов, библиотекари, учителя сельских школ, руководители военно-патриотических клубов, музейные работники, журналисты приняли Итоговый документ, в котором были определены первоочередные задачи:

*** Создать Координационный совет по патриотическому воспитанию молодежи при главе Новозыбковского района в целях объединения усилии органов муниципальной власти, Районного Совета, ветеранов Великой Отечественной войны, образовательных и культурных учреждений района для патриотического воспитания молодежи.**

*** Разработать районную Программу по патриотическому воспитанию молодежи на 2006 - 2010 гг.**

Чтение книг о войне в жизни стародубчан
(исследование)

Ступак А.Д.
Стародубская ЦБС,
Брянская область, Россия

Стародубская ЦБС является базой Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург) по исследованию чтения в малых городах России на протяжении ряда лет. Библиотека изучала чтение Стародубчан по следующим темам:

- Репертуар чтения;
- Чтение исторической беллетристики;
- Отечественная литература XX века;
- Чтение литературно-художественных журналов в библиотеке.

В год 60-летия Победы в Великой Отечественной войне коллектив библиотеки решил сосредоточить свое внимание на популяризации среди читателей лучших образцов художественной литературы по истории Отечества, о Великой Отечественной войне, мемуарной, документальной литературы.

Было решено получить четкую картину по чтению книг военно-патриотической тематики нашими читателями. Это стало основной целью нашего исследования. Начали изучение книжного фонда военной тематики (художественная, мемуарная, документальная и научная литература, видеофильмы и др.). Объектом исследования стали читатели, читающие литературу о войне.

В работе были использованы традиционные методы исследования: анализ первичной учетной документации - читательских формуляров, анализ запросов читателей на книги, наблюдение, а так же анализ отказов на книги, сбор данных о реакции читателей на книги, представленные на выставках, рекомендованные во время индивидуальных бесед.

В соответствии с планом исследовательской работы был составлен список наличия в фонде библиотеки лучших книг о войне, затем был проведен анализ спроса на эти книги по читательским формулярам с января по май 2005 года.

Книжный фонд литературы по военной тематике составляет 1 % или 619 экз. книг от общего фонда.

Наибольшее поступление литературы было в период с 1980 по 1991 годы, когда комплектование велось планово по тематическим планам. С новыми произведениями о войне знакомились в "толстых" журналах. В начале 2005 года в библиотеку поступили более 40 художественных книг о войне, в т. ч. 16 художественных и документальных видеофильмов из некоммерческого фонда "Пушкинская библиотека".

Нами проведен анализ выдачи книг о войне за 5 месяцев по книжным формулярам Получена следующая картина:

Название	Наличие в фонде (экз.)	Сколько раз выдано
В. Астафьев "Пастух и пастушка"	1	3
В. Астафьев "Звездопад"	2	1

В. Астафьев "Прокляты и убиты"	4	5
В. Астафьев "Военные страницы"	1	3
В. Астафьев "Веселый солдат"	5	2
О. Адамович "Партизаны"	4	1
Г. Бакланов "Навеки девятнадцатилетние"	10	4
В. Богомолов	17	11 (в т.ч. "Момент истины" - 7)
Ю. Бондарев "Батальоны просят огня"	8	4
Ю. Бондарев "Горячий снег"	20	5
Ю. Бондарев "Тишина. "Берег" (Сборник)	10	4
К. Воробьев "Убиты под Москвой"	12	8
К. Воробьев "Крик"	3	2
Э. Казакевич "Звезда"	10	2
Б. Васильев "Офицеры"	2	1
В. Некрасов "В окопах Сталинграда"	14	5
В. Распутин "Живи и помни"	10	7
М. Шолохов "Судьба человека"	12	7
М. Шолохов "Они сражались за Родину"	14	1
В. Кондратьев "Сашка"	6	2
К. Симонов "Живые и мертвые"	20	2
Б. Васильев "А зори здесь тихие"	16	4
В. Смирнов "Месяц колосьев" (журнал)	1	3
А. Приставкин "Ночевала тучка золотая"	10	5
В. Кунин "Хроника пикирующего бомбардировщика. Воздухоплаватель"	2	2
Л. Бородин "Ушел отряд" (журнал)	1	3
С. Никитин "Падучая звезда"	2	2
А. Кузнецов "Бабий яр" (журнал)	1	1
В. Быков "Дожить до рассвета"	5	2
Л. Платов "Секретный фарватер"	2	1
Ю. Семенов "Семнадцать мгновений весны"	4	2
В. Пикуль "Реквием каравану PQ-17"	2	2
Э. Володарский "Штрафбат"	2	2 (с выставки)
В. Войнович "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина"	6	3

Анализ чтения по формулярам показал, что литературу по военной тематике читают в основном школьники в рамках школьной программы: это книги Б. Васильева "А зори здесь тихие", К. Воробьева "Убиты под Москвой", "Крик", М. Шолохова "Судьба человека", Г. Бакланов "Навеки девятнадцатилетние, Ю. Бондарева "Горячий снег", "Батальоны просят огня", Э. Казакевич "Звезда", Кондратьева "Сашка" и другие. Ранее читаемые авторы, такие как А. Адамович, поэты О. Бергольц, Р. Рождественский брались по 1 разу. Писатели прошлых лет А. Ананьев, И. Стаднюк не брались совсем.

Читатели среднего возраста, пенсионеры, в основном мужчины, читают произведения Ю. Семенова "Семнадцать мгновений весны", В. Пикуля "Реквием каравану PQ-17", М. Шолохова "Они сражались за Родину", Э. Володарского "Штрафбат", В. Войновича "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина". Читают также произведения В. Астафьева "Прокляты и убиты", "Военные страницы", "Веселый солдат" и другие. Читатели ветераны Великой Отечественной войны, бывшие солдаты отмечают правдивость автора в написании книги "Прокляты и убиты", которая полностью разрушает сложившиеся в советское время каноны в изображении народа на войне. Часть ветеранов, особенно члены совета ветеранов - активные участники встреч с молодыми читателями не принимают эту книгу, т.к. они воспитаны на совсем другой советской литературе.

Из опубликованных в периодических изданиях наиболее читаемые - это В. Астафьев "Прокляты и убиты" (в "Новом мире", "Роман-газете"), А. Бородин "Ушел отряд" ("Москва", 2004, №7).

Проанализировав книжный фонд и формуляры читателей, можно сделать вывод, что к чтению мемуарной литературы интерес снижен.

Мемуарно-публицистическое чтение представлено такими произведениями:

А.М. Василевский "Дело всей жизни" (в фонде 4, выдано 1);

Сульянов А.К. Маршал Жуков: Слава. Забвение. Бессмертие (в фонде 2 книги, взято 2 с выставки);

Шерстнев В.Д. Трагедия сорок первого года (2 книги, взяты 2 с выставки);

Блокада Ленинграда в документах (2 в фонде, взято 2 с выставки).

С.Н. Гречко "Решения принимались на земле" (в фонде 1, выдано 1; читателю пенсионеру, 1931 года рождения, образование среднее, постоянный читатель библиотеки, кроме мемуарной литературы читает художественные книги о войне);

Книги о полководцах и военноначальниках (об И. Коневе, Г. Рокоссовском, Р. Малиновском) читает рабочий овощесушильного завода, образование среднее, постоянный читатель, это его любимая тема, (выдана 1 раз);

Книги о В. Сталине, о Г. Жукове и других читает пенсионер 1937 г. рождения, образование среднее, постоянный читатель, любит военную тематику.

Главными читателями мемуарной литературы являются, в основном, участники войны, пенсионеры, которые хотят взглянуть на время войны другими глазами, восстановить ход войны в ее неискаженной реальности. Этим объясняется интерес и к современным авторам, пишущим о войне. Постоянно читают и запрашивают мемуарную литературу 7 читателей - пенсионеры, в основном мужчины разного образовательного уровня (бывшие учителя, рабочие, работники госучреждений), 1 женщина.

Следующим этапом в работе по исследованию стал анализ запросов читателей на книги о войне в течение изучаемого периода. За весь изучаемый период было запрошено 248 книг.

Значительное место в спросе на литературу о войне заняла художественная литература в помощь школьным программам. Это книги уже знакомых нам авторов: В. Астафьева, Ю. Бондарева, Г. Воробьева, Л. Бородина, В. Смирнова. Учителя, работники культуры запросили книги Э. Володарского "Штрафбат", В. Кунина "Хроника пикирующего бомбардировщика", В. Бешанова "Десять сталинских уроков", Г. Владимова.

Книги зарубежных писателей, таких как Ю. Фучик "Репортаж с петлей на шее", Д. Оддридж "Дело чести", "Морской орел", А. Лану "Майор Ватрен", Э-М. Ремарк "Триумфальная арка" и другие

читатели за изучаемый период не затребовали. Пропал интерес и к мемуарной литературе. Встречаются единичные запросы читателей, желающих взять мемуарную литературу.

Особенно ярко и отчетливо проявился интерес к чтению военной литературы у людей среднего и старшего поколения в период празднования 60-летнего юбилея дня Победы. Так за изучаемый период создался круг любителей книг о войне на абонементе в количестве 73 человек, т.е. те, которые запрашивали книги о войне от 2-х до 30 книг, как, например, рабочий овощесушильного завода (до 42 книг в 2004 г.).

Характеристика читателей, обратившихся за книгами о войне с тематическими и конкретными запросами в библиотеку.

Пол	Количество
мужчины	35
женщины	38
Итого:	73

Образование	Количество
высшее	8
ср. спец.	13
среднее	22
н/среднее	30
Итого:	73

Возраст	Количество
15-20 лет	33
20-30 лет	2
30-40 лет	9
50-60 лет	11
старше 60 лет	18
Итого:	73

Род занятий	Количество
учащиеся	29
рабочие	9
служащие	10
пенсионеры	23
безработные	2
Итого:	73

Из анализа видно, что женщин в библиотеке читает больше, чем мужчин, но по возрасту больше всего читает молодежь с 15 до 20 лет, за ними следуют читатели старше 60 лет и от 50 до 60 лет, это в основном пенсионеры. С 20 лет до 30 - заметный спад в чтении. Причины: учеба в вузах в других городах, создание семей и др.

По образовательному уровню больше всего читают военную литературу читатели с н/средним образованием - 41% от общего числа запросивших книг о войне, со средним образованием - 30%, со средне специальным - 17,8%, с высшим - 10,9%.

По роду занятий видно, что 29 учащихся обращались за военными книгами, что составило 39,7% и 23 пенсионера - 31,5%, 10 человек служащих - 13,6% (сюда вошли работники различных учреждений, в т.ч. и культуры), рабочие составили только 12,3%. Можно сказать, что почти все группы читателей в той или иной мере пользуются библиотекой и читают военные книги.

Следующий этап в исследование чтения - анализ отказов по тетради учета отказов. За период изучения было сделано 39 отказов. Среди множества книг, отказанных читателям, наиболее часто попадаются книги:

А. Бородина "Ушел отряд" ("Москва", 2004, №7)
В. Г. Владимова "Генерал и его армия"
Э. Володарского "Штрафбат"
В. Астафьева "Веселый солдат"
В. Эверина "Эшелон" ("Знамя", 2005, №5, только получили)
3. Прилепина "Патология" (нет книги в фонде)
А. Бабченко "Десять серий о войне" (нет в фонде)
В. О. Ермакова "'Последний рассказ о войне" (малая экземплярность)
С. Г. Бакланова "И тогда приходят мародеры" (малая экземплярность)
В. Смирнова "Месяц колосьев" (малая экземплярность)
В. Кондратьева "Искупить кровью" (малая экземплярность)

Этих произведений мало в библиотеке, а некоторых - совсем нет, в книжном фонде недостаточно новых изданий, литературно-

художественные журналы приходят в библиотеку в 1 экземпляре, за некоторые прошлые годы вообще не поступили, из-за отсутствия денежных средств.

Однако, анализ формуляров, запросов и отказов дает неполную характеристику чтения читателей, поэтому мы решили еще узнать мнение читателей о книгах, представленных на выставках, открытых полках.

Вот, что сказал читатель с большим читательским стажем - более 20 лет, пенсионер: "Хороших книг мало, все почти прочитал". Читатель 48 лет пожелал "увидеть в новом издании книгу О. Горчакова "Вызываем огонь на себя, т.к. в библиотеке ее уже нет".

Некоторым читателям, таким как 67-летий пенсионер, бывший учитель, не понравилось содержание книги Л. Бородина "Ушел отряд". Он считает, что молодое поколение нужно воспитывать на героизме русского солдата, а не на предательстве, хотя на войне было и такое. А вот мнение рабочего 55 лет, образование среднее. Он сказал, что читал много книг о войне, все интересное позади, а новая литература о войне его не интересует. Любит прозу В.Быкова, Б. Васильева. Учащийся 9 класса сказал при беседе, что читает военные книги не только в рамках школьной программы, книги о войне ему интересны, т. к. из них узнает о подвигах, героизме своих ровесников.

В рамках исследования на абонементе в ЦБ организовывались развернутые выставки: "Литературная летопись Великой Отечественной", "Память войны", "Литературное сегодня" (рекомендована современная литература о войне), "Прочти. Посмотри" (представлены произведения по военной тематике и видеофильмы по этим произведениям), "Бессмертны ваши подвиги, герои земляки".

Всего на выставках было представлено 118 произведений, которые были выданы в течение всего периода 153 раза. Библиотекари постоянно обращали внимание читателей на эти выставки, проводили обзоры, индивидуальные рекомендательные беседы, вели наблюдение за читателями, выясняли их отношение к той или иной книге, многие книги были выбраны читателями в процессе беседы.

С выставки "Прочти. Посмотри" были взяты книги: "Блокада Ленинграда в документах рассекреченных архивов" - 2, В. Бешанов "Десять сталинских ударов" - 3, А. Сульянов "Маршал Жуков: Слава. Забвение. Бессмертие" - 2, Р. Иванов "Сталин и союзники", книги Платова "Секретный фарфатер"-2, В. Кунин "Хроника пикирующего бомбардировщика", Г. Бакланова "Июль 41 года", "Навеки 19-летние". Были взяты с выставки и видеофильмы в количестве 32 кассет.

Без рекомендательных бесед работников библиотеки эти произведения прошли бы мимо наших читателей. Наименьший интерес проявился у читателей к таким произведениям, представленным на выставке: книги "Серия о войне" зарубежных авторов, "Библиотека Победы".

Дополнительно были оформлены открытые полки: "Парад литературных имен", "Книги-юбиляры 2005 года", "Ни единого фальшивого слова " (А.Т. Твардовский), "Вот стихи - а все понятно, все на русском языке" (к 60 - летию выхода книги "Василий Теркин" А. Твардовского), к 60-летию И. Стаднюка была оформлена выставка "После победы - полвека на войне".

В ходе исследования ставились задачи:

- собрать данные о составе фонда, о спросе, о читателях, читающих эти книги.

Эти задачи были выполнены.

При подведении итогов исследования были сделаны выводы:

- Интерес читателей к произведениям о войне не угасает.
- В фонде библиотеки в недостаточном количестве имеется современной отечественной литературы, много отказов на новые произведения и, в то же время, есть "ядро" лучших военных книг 70, 80, 90 гг., которые читаются и по настоящее время.
- Ощутимо пополнился книжный фонд библиотеки полученными в начале 2005 года 2 комплектами изданий "Книги и фильмы о Великой Отечественной войне" из фонда "Пушкинская библиотека", что позволило привлечь к чтению новых любителей военной книги, появились новые возможности в работе.
- К чтению военной книги обращаются все категории читателей, но преобладающие группы - это учащиеся от 15 до 20 лет и

пенсионеры, люди старшего возраста (в основном мужчины, имеющие как среднее так и высшее образование).

• Основная причина неудовлетворенности спроса на современные произведения о войне заключается в том, что наша библиотека располагает очень скромной подпиской на литературно-художественные издания, где печатались произведения. Журналы получали в одном экземпляре, несколько лет вообще не получали нового, поэтому мы не можем удовлетворить запросы всех читателей.

В результате исследования мы знаем, какие книги широко спрашиваются читателями, имеем реальные достоверные данные о "ядре" книжного фонда о войне. Анализ данных мы используем для:

- докомплектования фонда новой литературой о войне;
- выявления более эффективных форм и методов работы с книгами, аудиовизуальными средствами о войне;
- для популяризации лучших образцов отечественной литературы среди читателей нашей библиотеки, а также незаслуженно забытых книг, как отечественных авторов, так и зарубежных.

Содержание

Луговец Л. В. Всенародный подвиг в Великой Отечественной войне (Брянцы на защите Родины)…….....3

Бирюкович К. О., Коновалова Н. Н. В боях за Гомельщину: российские журналисты и писатели - летописцы боевого подвига народа……10

Феофилова Л. В. Библиотеки Черниговщины в годы Великой Отечественной войны: страницы истории……19

Шатохина Н. З. Орловская областная библиотека им. Н. К. Крупской в годы Великой Отечественной войны……...27

Аксенова Н. А. Разведывательная работа в Брянских партизанских отрядах в 1941-1943 гг……36

Горбачева С. Я. Связь партизан Брянщины с местным населением и советским тылом……..61

Алексашкин Д. Е. Патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)……..80

Слюнченко Ю. И. Брянский район. Первый период войны на брянской земле (июнь-ноябрь 1941 года)……..108

Коваленко В. Г. «Кировский выступ», «кировский коридор». Их значение в осуществлении планов советского командования, в развертывании партизанского движения на оккупированных врагом территориях. Взаимодействие воинов 10-й армии Западного фронта и партизан……..115

Пономарева Н. М. Партизанское движение на территории Выгоничского района. 1941-1943 гг……131

Русаков Н. И. Партизаны Жуковского края……...151

Снытко В. А. Красногорский район в годы Великой Отечественной войны……160

Щиголев И. И. Подпольный партизанский госпиталь……171

Ератов В. Р. Создание мемориальной зоны «Рессета»……178

Кузин Е. П. Хацунская боль……189

Соколов Я. Д. Все для фронта, все для победы!.....196

Коваленко В. И. Деятельность органов местной власти по упорядочению жизни населения в предвоенный, военный и послевоенный периоды (на материалах Жирятинского района)……...201

Дунаев О. П. Восстановление народного хозяйства Новозыбкова и Новозыбковского района (1943-1945 гг.)……..218

Слюнченко Ю. И. Памятники Великой Отечественной войны на территории Брянского района - связующее звено времен……...227

Ронжин А.В. Дневники и воспоминания А.Ф. Мосина как источник по истории партизанского движения в Выгоничском районе……240

Мизерова Н. А. Летопись партизанской жизни «Из записок партизана» (Из опыта работы Централизованной системы массовых библиотек г. Брянска)……...247

Осипов Б. В. Повстанцы (О деятельности подпольной организации им. Щорса)……255

Мокросноп Н.П. Война прошла сквозь наши судьбы (Из опыта работы библиотек Щорской ЦБС Черниговской области)……..277

Рыжикова Л. И. Областная рукописная Детская книга памяти «Боевая награда в нашем доме»:

акция Брянской областной детской библиотеки……282

Янченко В. Н. Библиотека и чтение в системе патриотического воспитания молодежи……..287

Ступак А. Д. Чтение книг о войне в жизни стародубчан (исследование)……291

ДЛЯ ЗАМЕТОК